ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ.

Бывшая настоятельницею Аносинскаго и Страстнаго монастырей игумения Евгения (род. 27 Января 1815, ум. 16 Апрѣля 1890) нѣкоторый досугъ свой употребляла для записыванія того, что особенно занимало ее по тому или другому случаю. Запись свою она не готовила къ печати, и поэтому въ ней нельзя найти ни строгой послѣдовательности, ни тщательной отдѣлки. Тѣмъ не менѣе читатель найдетъ въ ней не мало свѣдѣній о современникахъ ея и въ особенности о митрополитѣ Филаретѣ и епископѣ Леонидѣ.

*

Уступаю усиленной твоей просьбѣ, милое чадо мое Евгенія[1]), и беру перо въ руки; уже я состарѣлась, все давно прошло, память притупилась, то и не взыщи, ежели въ этихъ запискахъ не будетъ ни складу, ни ладу, а такъ, для твоего утѣшенія, можетъ быть вмѣсто развлеченія когда и прочитаешь эти несвязныя воспоминанія.

Собственно въ моей жизни ничего нѣтъ назидательнаго, ни добраго, ни высокаго, все одна немощь; стало быть, научиться отъ меня нечему; одно, что можно замѣтить: удивительный промыслъ Божій о моемъ недостоинствѣ.

Родилась я въ 1815-мъ году 27-го Генваря. Родители мои были люди истинно благочестивые. Отецъ мой, Семенъ Николаевичъ Озеровъ, служилъ въ то время оберъ-прокуроромъ въ 8-мъ департаментѣ Московскаго Сената, а впослѣдствіи тамъ же былъ сенаторомъ и первоприсутствующимъ въ общемъ собраніи, вообще всѣми уважаемый за честность и справедливость свою. А мать моя, рожденная княжна Мещерская, Настасья Борисовна[2]), кроткое, смиренное, любвеобильное существо, соединявшее образованіе съ тонкимъ умомъ, посвящала себя всецѣло и постоянно обязанностямъ семейнымъ.

Супружество ихъ было примѣрное и рѣдкое даже въ то время; любовь ихъ была неизмѣнная, основанная на полномъ уваженіи другъ

---

[1]) Нынѣ мать игуменья Московскаго Вознесенскаго монастыря, что въ Кремлѣ. П. В.

[2]) Дочь поручика князя Бориса Ивановича († 2 Іюня 1796) и княгини Евдокіи Николаевны Тютчевой, р. 18 Февр. 1774, † 3 Февр. 1837. П. В.

къ другу. Я была первымъ ихъ ребенкомъ и составляла ихъ радость и утѣшеніе. Воспріемниками моими были: бабка моя, княгиня Евдокія Николаевна Мещерская, впослѣдствіи основательница и настоятельница Борисо-Глѣбской Аносинской пустыни игуменья Евгенія и ея родной братъ Иванъ Николаевичъ Тютчевъ [1]).

Ребенкомъ я себя мало помню, но слыхала изъ разсказовъ, что я была дитя серьезное и вмѣсто дѣтскихъ скачковъ любила слушать разсказы моей старушки няни [2]) о чемъ либо святомъ; бѣгала къ ней отъ матери учиться будто-бы читать Псалтирь или что иное. Мать моя въ свою очередь разсказывала мнѣ Священную Исторію, которую любила я передавать. Съ возрастомъ характеръ мой измѣнился: къ ученію была очень лѣнива, болѣе любила рукодѣлье; образовалась неумѣренная живость, даже вѣтренность, пристрастилась къ танцамъ, къ выѣздамъ, къ театру. Отчасти это огорчало мать мою; она требовала отъ меня серьезнаго занятія, чтенія ежедневнаго Св. Евангелія и Апостола, заставляла непремѣнно молиться. Все сіе хотя я и исполняла, но со скукой и принужденіемъ. Но такъ какъ насъ воспитывали строго и въ страхѣ, то я ослушиваться не смѣла. Насъ было семейство весьма большое: живыхъ десять сестеръ и одинъ братъ. Сверхъ сего постоянно жила съ нами родственница матушки Марья Григорьевна Пентковская и двѣ дочери нашего управляющаго, дѣвицы Эзопины. Матушка требовала, чтобы я занималась меньшими сестрами; мы съ ней кроили одежду, шили для нихъ, и пока отецъ мой по болѣзни былъ въ отставкѣ и мы жили въ деревнѣ, дѣло шло еще порядкомъ: но когда онъ опять поступилъ въ службу, и мы переѣхали въ Москву на житье, трудно было матушкѣ и теткѣ меня держать въ рукахъ. Мнѣ тогда было около 16-ти лѣтъ. Хотя семья наша никогда не вела жизни разсѣянной и свѣтской, но составилось знакомство, и надо было уже мнѣ выѣзжать въ свѣтъ. Въ это время вышелъ изъ Инженернаго Корпуса двоюродный мой братъ С. С. Бобрищевъ-Пушкинъ и ежедневно былъ у насъ въ домѣ, а иногда жилъ вмѣстѣ съ нами. У него были товарищи, они къ намъ ѣзжали; нѣкоторые изъ нихъ коротко были знакомы, и открылось поприще для моего веселаго и живаго характера. Я вертѣлась, рѣзвилась, шалила; всего не перескажешь, да и не для чего глупостями моей юности наполнять твою голову.

Такимъ образомъ прошло около двухъ лѣтъ. Однажды, исполняя съ лѣностію свое обычное чтеніе Св. Евангелія и Апостольскихъ посланій, я напала на ученіе Св. Апостола Павла *о дѣвствѣ*. Не знаю,

---

[1]) Это отецъ поэта Ѳ. И. Тютчева. П. Б.

[2]) У нея была дочь, 3-мя годами меня постарше, Валерія, нынѣ монахиня Ангелина, казначея Коломенскаго Успенскаго Брусненскаго монастыря.

отъ чего меня поразили сіи изреченія; сколько разъ я ихъ читала, и безъ малѣйшаго замѣчанія, а тутъ Господь тронулъ сердце, хотя не развращенное, но вполнѣ разсѣянное.

Вотъ какъ Господь ищетъ *грѣшника, сже обратити его и живу быти ему*! Что̀ воздѣйствовало? Единая ли Его благодать и милосердіе, или подвигнули Его благость молитвы моей крестной матушки и бабки игуменьи Евгеніи, не знаю. Знаю только, что съ этой минуты мнѣ все мірское омерзѣло, и я стала рваться въ церковь, стала осторожна во всѣхъ своихъ поступкахъ до крайности, бросила всякое пустое чтеніе, искала однихъ духовныхъ книгъ, боялась промолвить какое либо самое простое слово, считая все грѣхомъ; ночью вставала на молитву, и всякое домашнее мое занятіе оставалось безъ вниманія. Въ это время мнѣ вспало на сердце желаніе устроить жизнь свою въ монастырѣ; но я крѣпко молчала, боясь огорчить родителей. Матушку опечалило это измѣненіе, или оно было преувеличено, соединено съ какимъ-то упорствомъ и по временамъ съ раздражительностію. А гдѣ нѣтъ смиренія и кротости, тамъ нѣтъ и истиннаго христіанскаго подвига. Я составила сама себѣ жизнь строгую, а управить собой не умѣла. Все наше семейство чтило и любило отца духовнаго, почтеннаго протоіерея церкви Св. Троицы что̀ на Арбатѣ, Сергія Ивановича Платонова. Къ нему и обратилась мать моя, послѣ частыхъ наставленій и увѣщаній, которыхъ я по глупости моей не слушала, вообразивъ, что меня отводятъ отъ истиннаго пути. Молодость всегда стремительна и односторонняя. Почтенный отецъ-духовникъ взялся иначе и очень мудро. Онъ не сталъ противорѣчить мнѣ, запрещать продолженіе моихъ *подвиговъ*, даже совѣтовалъ: ежели чтеніе Четьи-миней и молитвенное правило наводятъ на непріятность матушку, то упражняться въ немъ по ночамъ; но только обратить на то вниманіе, что мать слабаго здоровья и семья наша большая, что главная и первая обязанность помогать ей во всемъ, что надо взять домашнее хозяйство, покупки, счеты на себя и тѣмъ облегчить бремя материнскихъ заботъ. Я слушала его безпрекословно, и въ короткое время меня окружили обязанности хлопотливыя, такъ что почти и возможности не было наслаждаться мнимыми моими подвигами. Я стала спокойнѣе, хотя свѣта не любила и хранила въ сердцѣ мысль о монастырѣ, но сдѣлалась серьезнымъ человѣкомъ, и незабвенная моя мать уже видѣла во мнѣ утѣшеніе и радость, уже могла дѣлить со мною свои ощущенія. Часто мы разсуждали съ ней (я ничего не могла таить отъ нея), и мы иногда не соглашались совершенно въ мнѣніяхъ своихъ и спорили горячо. Ей хотѣлось склонить меня къ супружеской жизни, а я рѣшительно отъ нея отказалась. Не смотря на все, еще юные годы брали

верхъ надъ душевнымъ настроеніемъ, встрѣчались случаи борьбы и искушенія: но Господь премудро отклонялъ осуществленіе какихъ либо мечтаній, а искушеніями приводилъ къ смиренію и сознанію своей немощи. Въ это время представился женихъ по всему выгодный, и матушка, желая, чтобы это дѣло совершилось, писала къ бабкѣ моей въ монастырь, прося ее пріѣхать и меня уговорить. Бабка моя была истинно высокой подвижнической жизни, любила меня нѣжно, никогда не склоняла къ монастырю явно, но въ душѣ желала видѣть меня на семъ пути. Она прибыла въ Москву къ намъ въ домъ, одобрила жениха и его семейство; уже говорила, что надо покориться волѣ родительской, но матушкѣ въ разговорѣ высказала, что Господь вѣрно пошлетъ жениха и лучше и достойнѣе предстоящаго, чего матушка и слышать не хотѣла, не смотря на всю любовь и благоговѣніе къ матери своей. И такъ, мы отправились къ родственникамъ на вечеръ, гдѣ онъ долженъ былъ уже рѣшительно объявить мнѣ свое желаніе. Я повидимому покорилась, но рѣшила въ умѣ своемъ самой ему отказать и тѣмъ окончить дѣло, что и исполнила. Матушка оскорбилась, прогнѣвалась на меня; а я въ душѣ радовалась, что избѣжала узъ для меня противныхъ и тягостныхъ. Это было послѣднее испытаніе. Я все болѣе и болѣе входила въ дѣла домашняго хозяйства, а ихъ было немало; ибо можно было утвердительно сказать, что домъ нашъ былъ отворенъ не только бѣднымъ роднымъ, но и всѣмъ неимущимъ. Каждый свѣтлый праздникъ мать моя съ заботливою любовію приготовляла пасхи, куличи, яйца, масло, и мы съ В. А. Эзопиной на двухъ извощикахъ развозили бѣднымъ. Точно тоже повторялось и въ праздникъ Рождества Христова; тутъ раздавали куръ, гусей, индѣекъ, привезенныхъ изъ деревни; привлекали благодарность бѣдныхъ и причта нашего прихода. Родители мои любили дѣлать добро по заповѣди Господней такъ, чтобы шуйца не вѣдала, что творитъ десница; за то мы никогда не терпѣли нужды, жили не роскошно, но въ довольствѣ.

Такимъ образомъ мирно шло время; мнѣ уже минуло 22 года. Тутъ Господу угодно было постичь насъ тяжкою скорбію. Бабушка, игуменія Евгенія, окончила свою труженическую и блаженную жизнь въ 1837-мъ году въ 3-й день Февраля. Описывать ея кончину не буду, она извѣстна изъ записокъ о ней въ лѣтописи монастыря; одно скажу, что едва ли она ея не предвидѣла, ибо всѣ дѣла были окончены, прощальныя письма ко многимъ святителямъ, ею чтимымъ, посланы, и она сама говѣла ранѣе обыкновеннаго. Скорбь матушки была невыразима: она любила мать свою нѣжно и преданно (сердца ея доставало на всѣхъ, оно всегда дышало любовію и самоотверженіемъ). Собрались родные въ обитель, совершилось погребеніе; но скорбь насъ и ма-

тушку долго, долго томила; одно утѣшеніе было: ежедневное посѣщеніе храма Божія, гдѣ совершалось поминовеніе объ усопшей, и потомъ трапеза почти ежедневная нищей братіи, которые за нее же молились. Не могла эта скорбь не потрясти слабаго здоровья матери: она стала хирѣть. Ѣхать въ деревню на лѣто было невозможно, ибо лѣченье ей было необходимо, и рѣшили нанять дачу у Донского монастыря. Здѣсь мы сблизились дружески съ почтеннымъ семействомъ Олсуфьевыхъ. Пріятное провожденіе времени, врачебныя средства поправили здоровье матушки. Я же познакомилась съ гувернанткой дѣтей Олсуфьевыхъ, М. Н. П. и впервыя услышала отъ нея о дивномъ и таинственномъ существѣ: «*болящей Юліи*». Сердце мое горѣло желаніемъ узнать ее, но не было возможности. Все высокое и доброе не дается безъ терпѣнія. Надо было ждать и прежде понести много скорби и утратъ сердечныхъ!

Недолго матушка пользовалась здоровьемъ. Она сдѣлалась беременна, и всѣ недуги возвратились. 12 лѣтъ она не имѣла дѣтей. Года ея, хотя не старые (43 года), но силы слабыя. Къ тому же настала новая забота: надо было отправить брата въ Петербургъ въ Училище Правовѣдѣнія. Матушка надѣялась, что общественное воспитаніе будетъ ему полезно, но однако смущалась и скорбѣла; она чувствовала и предвидѣла, что мало надежды въ братѣ на успѣхъ какъ нравственный, такъ и по ученію; но дѣлать было нечего. Сама слабая, больная, почти увѣренная, что не перенесетъ родовъ; а отецъ занятый службой отъ утра до ночи. Она понимала, что, въ случаѣ ея смерти, онъ будетъ не въ состояніи ни во что вникать; вотъ что побуждало ее настойчиво содѣйствовать къ помѣщенію въ Училище брата.

И такъ, послѣ скорбнаго прощанья, я должна была оставить мою безцѣнную мать и сопровождать моего добраго 63 лѣтняго отца съ братомъ въ Петербургъ. Эта поѣздка была для всей семьи испытаніемъ и мученьемъ. Отецъ скучалъ, тосковалъ, смущался положеніемъ матушки, заботился о помѣщеніи брата и боялся за него. Матушка съ своей стороны скорбѣла и мучилась за насъ отсутствующихъ; меня никакія рѣдкости Петербургскія не привлекали, во-первыхъ, по тревожному душевному состоянію, потомъ по внутреннему убѣжденію о ничтожности всего внѣшняго, какъ не приносящаго ни пользы, ни утѣшенія душѣ. Я томилась нетерпѣніемъ скорѣе возвратиться въ Москву, тѣмъ болѣе, что время родовъ матушки приближалось. Наконецъ, помѣстивъ брата и поручивъ его родственникамъ отца въ Петербургѣ, мы отправились въ обратный путь. Радость при свиданіи была невыразима. Хотя моя драгоцѣнная мать и побранила меня за равнодушіе ко всему интересному, но сама не находила словъ изъяснить свое утѣ-

шеніе, что мы вмѣстѣ и что страшное время разрѣшенія я буду при ней. Она ждала неминуемой смерти. Однако Господу угодно было сохранить ея жизнь. Родилось дитя слабое, едва живое; нарекли *Евгеніей* въ память покойной матушки-игуменьи. Никто не думалъ о малюткѣ, никто не заботился о ней; всѣ попеченія были обращены, какъ бы поддержать силы матери. И что-же? Дитя оправилось и уже въ настоящее время въ совершенномъ возрастѣ, а матушкѣ Господь судилъ годъ страшныхъ страданій и потомъ смерть! У нея сдѣлался ракъ внутри, и всѣ медицинскія средства остались безуспѣшны. Описать мучительныя страданія трудно, но передать всю мѣру ея благодушнаго и христіанскаго терпѣнія едвали не затруднительнѣе. Никто во все время не слыхалъ отъ нея слова ропота или жалобы, никогда не проявлялось слово раздраженія, малѣйшая услуга привлекала ея благодарность, преданность волѣ Божіей всегда была ея опорой. Часто пріобщалась она Св. Таинъ съ надлежащимъ приготовленіемъ, вкушая постную пищу въ теченіе 5 или 4 дней; сидя въ креслахъ, выслушивала службу, отправляемую священникомъ прихода въ ея комнатѣ. За мѣсяцъ до кончины, когда уже страданія дошли до крайности, когда болѣе 6-ти недѣль посредствомъ перышка пропускала она только нѣсколько капель бульона или ухи, когда у нея изсохли даже кости, она съ полнымъ присутствіемъ духа распорядилась, какъ удалить дѣтей въ разныя мѣста для молитвы и, проводивъ отца въ присутствіе, послала за приходскимъ священникомъ и особоровалась. Я и домашняя прислуга только были при семъ, конечно въ скорби и въ смущеніи, за что она мнѣ выговаривала, сказавъ, что никогда не должно теряться, а всегда хранить покорность къ Богу и разсужденіе. Мы всѣ уже ожидали конца. И что же? Въ тотъ же день она встала съ постели, спросила кушать, могла даже пройти нѣсколько шаговъ. Вотъ что можетъ сдѣлать вѣра въ Бога! Докторъ недоумѣвалъ и говорилъ, что совершается *воскресеніе Лазаря*. Но не долго отдохнули страдалица и вся семья. Августа 7-го она соборовалась, а 1-е Сентября, когда наступила дождливая погода, страданія возобновились съ большей силой, и 15-го того мѣсяца, благословивъ отца (едва пришедшаго въ себя послѣ горячки), дѣтей и С. С. Пушкина, котораго просила имѣть попеченіе о нихъ, она мирно въ молитвѣ предала свою кроткую душу Господу Богу. Какъ описать скорбь и тугу сердца больного отца моего, который лишился друга, совѣтника, утѣшителя своего! Когда я объявила ему, что уже совершилось, онъ призвалъ дѣтей къ болѣзненному одру своему, и первое его слово была молитва: «Господи, благодарю Тебя за многіе годы счастія, мнѣ дарованные». Потомъ со всѣми онъ пошелъ къ тѣлу, лобызалъ усопшую, и едва

могли упросить его дозволить опрятать тѣло. Какъ описать скорбь дѣтей, иныхъ еще весьма юныхъ, но видѣвшихъ въ матери всю свою радость и утѣшеніе! О себѣ ничего не говорю; не знаю, какъ осталась душа во мнѣ. Мнѣ было долго удивительно, какъ можетъ кто либо смѣяться и веселиться, когда такое существо отлетаетъ съ земли. Вторая сестра Екатерина, юная, впечатлительная, вовсе потерялась, и кажется у нея съ тѣхъ поръ нравъ веселый и радушный обратился въ молчаливый, унылый. Третья Елисавета была уже отдана въ замужество и не присутствовала при кончинѣ матери. Всѣ были поражены, потеряны, душа семьи утратилась! Съ сей минуты не видали мы улыбки на устахъ старца родителя нашего. Онъ продолжалъ службу, но остальное время онъ былъ *весь скорбь*. Часто ничего не слыхалъ и не видалъ, что̀ около него происходитъ; единственное средство вывести его изъ сего почти безжизненнаго состоянія была малютка Евгенія, которая своею ласкою и дѣтскою докучливостію развлекала его; онъ нѣжно любилъ *дитя своей старости*, какъ называлъ ее.

Такъ уныло шли дни за днями. Отецъ возлагалъ всѣ попеченія о домѣ и о семьѣ на меня и часто говорилъ дѣтямъ: «слушайтесь, любите сестру, ея слово чтите какъ Св. Евангеліе». Любовь излишняя, незаслуженная ничѣмъ говорила сіе. Но въ семьѣ стали возрождаться свои мнѣнія, стали еще при отцѣ уклоняться въ иныя и чуждыя духу христіанскому мудрованія. Много сему причиной былъ С. С. Пушкинъ, который начитался вредныхъ книгъ, и самъ заблуждался, и сестеръ вводилъ въ заблужденіе. Но все было скрыто до времени. Извѣстія изъ Петербурга о поведеніи брата становились все хуже, хуже; это сильно печалило отца; наконецъ онъ получилъ письмо, которое поразило его скорбію, разлилась желчь, три дня онъ хворалъ, а затѣмъ, когда, казалось, онъ былъ уже внѣ опасности, сдѣлался сильный смертельный ударъ, и мы лишились послѣдней опоры. Полное сиротство стало жребіемъ семьи, въ которой старшею осталась я грѣшная, 28 лѣтъ, неопытная, скорбная, не имѣющая человѣка для совѣта и утвержденія. Родные, добрые знакомые и товарищи по службѣ покойнаго отца показывали намъ участіе. Похороны совершились. Страшно мнѣ было смотрѣть на юную семью. Видѣла я предстоящее неустроеніе, въ настоящемъ скорбь, въ будущемъ неизвѣстность; хозяйственныя дѣла разстроены, потому что время у отца было все отнято службой, на имѣніи долгъ; трое несовершеннолѣтнихъ, трехлѣтняя малютка Евгенія, и четверо хотя уже не подлежащихъ опекѣ, но еще весьма юныхъ разумомъ, остались у меня на рукахъ. Одна замужняя сестра Елисавета, но и та болѣзненная и въ супружествѣ не очень счастливая. Вотъ положеніе, въ какомъ мы начали сиротскую жизнь нашу.

Товарищи отца совѣтовали мнѣ отнестись къ министру юстиціи графу Панину для исходатайствованія пенсіи у Государя Императора, за многолѣтнюю службу отца. «Пишите письмо къ графу», говорили они, «мы готовы передать лично и просить его за сироть». Я повѣрила, написала, какъ умѣла, просительное письмо и съ довѣріемъ отнеслась къ самому ближайшему, который называлъ себя ученикомъ по службѣ покойнаго родителя. И что же? Отказъ за невозможностію. Я къ другому, къ третьему, отъ всѣхъ одно и тоже. Что дѣлать? подумала я: Владычица, Ты покровительница сирыхъ, Тебѣ вручаю успѣхъ дѣла. Положила письмо за икону Царицы Небесной, помолилась какъ умѣла и отправила къ графу, бывшему тогда въ Москвѣ, съ нашимъ дворецкимъ Іосифомъ Ѳедоровымъ. Графъ обѣщалъ прислать отвѣтъ, и черезъ недѣлю я получила отъ него полное участія письмо съ обѣщаніемъ ходатайства о пенсіи. Въ скоромъ времени пришло рѣшеніе Государя, чтобы несовершеннолѣтнимъ выдавать ежегодно по 1000 р. асс. до совершеннолѣтія или до выхода въ замужество. Немалая эта была помощь!

Однако черезъ нѣсколько дней надо было избирать опекуна. Никого нѣтъ, кто бы захотѣлъ взять на себя эту тягостную обязанность. Всѣ родные собрались, всѣ толковали, кричали; а до кого доходила просьба о принятіи опекунства, всѣ отказывались. Наконецъ единогласно рѣшили, чтобы мнѣ взять все на себя и что всѣ готовы служить совѣтомъ. Я была въ какомъ-то полумертвомъ состояніи, согласилась, выбравъ себѣ въ сотрудники мужа сестры Елисаветы, г. Небольсина, человѣка со многими странностями, но честнаго, не съ большимъ разумомъ, но неспособнаго на лицепріятіе и низости. При томъ же я понимала, что хотя онъ пособитъ немного, но мѣшать мнѣ не будетъ въ моихъ дѣйствіяхъ. Я писала къ нему, онъ согласился, и они переѣхали съ женою изъ деревни въ Москву къ намъ на житье, въ нашъ собственный домъ, въ Старой Конюшенной, тѣмъ болѣе, что сестра была уже сильно больна и требовала леченья. Дѣла пошли кое-какъ. Я старалась вникать въ дѣло съ помощію и совѣтомъ добрыхъ людей; мы раздѣлили хозяйство съ родственницею, возросшею съ моею мятерью и постоянно живущею съ нами Марьей Григорьевной: она взяла на себя домашніе счеты, а я дѣла по имѣнію, по опекѣ и малютку Евгенію на свои руки. Взявши на себя столь многотрудную обязанность, особенно опеку надъ малюткой Евгеніей, я не предвидѣла конца, и мысль о монастырѣ, которая никогда меня не оставляла, мнѣ казалась уже почти невозможною, или весьма отдаленною; однако я никакъ не хотѣла перемѣнить своего образа жизни и приноравливалась по возможности къ иноческой жизни: вмѣняла себѣ

въ обязанность ежедневно быть у литургіи, дома, какъ умѣла, молилась, не ѣла мясного, носила послѣ кончины матушки не снимая черное платье, бѣгала мірскихъ сношеній даже съ родными, нашихъ монастырскихъ изъ Аносина съ любовію принимала.

Въ это время было получено извѣстіе отъ начальника Училища Правовѣдѣнія, что брата исключають за шалости. Неизбѣжно надо было хлопотать, чтобы его удержать въ училищѣ; что намъ дѣлать дома съ мальчикомъ-шалуномъ, съ которымъ начальство не можетъ справиться? Кого послать въ Петербургъ? Думали много, но людей не нашли; рѣшилась я ѣхать. Осенью, одной въ дилижансѣ, очень было дико (тогда еще дѣвицы никуда однѣ не пускались). А дѣлать нечего! Проводили меня до почтамта, добрая тетушка Марья Григорьевна со слезами благословила и отпустила. Много было непріятнаго, тяжкаго; однако, послѣ долгихъ просьбъ, братъ былъ оставленъ до первой шалости. Я чрезъ два мѣсяца возвратилась, и вслѣдъ за мной пріѣхалъ и братъ, который успѣлъ нашалить и былъ отправленъ къ намъ. Тутъ начались непріятности безъ конца: мотовство, шалости, неприличное поведеніе брата съ одной стороны; съ другой разногласіе съ сестрами, частыя стычки съ ними, малое мое терпѣніе и раздражительность, крючки и притязанія въ опекѣ, дѣлали жизнь нестерпимо-тягостною. Я за совѣтомъ относилась къ о. духовнику, находила въ немъ участіе, разумный совѣтъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ, но не наставника и отца; не знала куда мнѣ дѣваться, молилась, но со смущеніемъ, просила Господа о помощи, но съ тоскливостью и унынiемъ. *Господь всегда близъ, когда нѣтъ помощи отъ человѣковъ.* Онъ премилосердый простеръ и ко мнѣ, утопающей въ морѣ малодушія и смущенія, Свою Десницу! Нечаянно приходитъ навѣстить меня М. Н. П., и предлагаетъ, не хочу-ли я начать знакомство съ *Юліей болящей?* Я не вспомнилась отъ радости. «Хочу, хочу, повторяла я съ восторгомъ, но боюсь: она не приметъ меня грѣшную».—«Пойдемъ, что будетъ, то и будетъ». Чрезъ нѣсколько дней М. Н. зашла за мною, и мы отправились за Москву-рѣку, въ приходъ св. Іоанна Воина; тамъ, въ глухомъ переулкѣ, около церкви, находился домъ Рыженкова; тамъ-то укрывалось сокровище невѣдомое міру. Входимъ; все просто, даже бѣдно, но чисто; все дышало какою-то дивною тишиной. Сердце у меня билось, какъ голубь; дошли до спальни. Юлія лежала на кровати. «Я веду къ тебѣ гостью», сказала М. Н. «Милости просимъ», былъ отвѣтъ. «Вотъ Авдотья Семеновна Озерова, о которой я тебѣ говорила». Я безъ словъ залилась слезами и бросилась обнимать болящую. Она умѣрила мой порывъ разумнымъ спокойствіемъ, посадила подлѣ себя у постели и, когда вышла М. Н., ласково сказала мнѣ: «Онъ предъ вами приходилъ ко мнѣ и просилъ

принять и утѣшить васъ; вотъ вамъ отъ него благословеніе». Съ сими словами подала мнѣ образъ, величиною въ вершокъ, въ серебряной вызолоченой ризѣ, Нерукотвореннаго Спасителя, который и теперь всегда у меня въ кіотѣ. Съ этимъ благословеніемъ я ожила, всю скорбь забыла, весь міръ. Я почувствовала, что сердце у меня не умерло и что нашла человѣка, который будетъ мнѣ опорой. На первый разъ надо было, послѣ недолгой бесѣды, проститься и дать обѣщаніе хранить тайну о ея существованіи. Я узнала отъ Павловыхъ М. Н. и А. Н., что болящая терпитъ нужду, и съ восторгомъ, чѣмъ могла, служила ей, давая дома разные предлоги своего отсутствія. У меня не добивались правды, и я молчала. Посѣщая Юлію, узнала о ея сношеніяхъ. Духовникомъ ея былъ протоіерей отъ церкви Вознесенія, что у Серпуховскихъ воротъ, С. Г. Терновскій; отцомъ и покровителемъ святитель митрополитъ Московскій Филаретъ, которому о болящей открыла игуменья Спасо-Бородинскаго монастыря Марія Тучкова; еще Екатерина Владимировна Новосильцева благодѣтельствовала ей постоянно. А дружескія сношенія имѣла она съ семействомъ Мухановыхъ, въ особенности съ одной изъ нихъ, Екатериною Алексѣевной, съ дѣвицами Павловыми, докторомъ Блументалемъ. Всѣ эти личности могли только утвердить мое отношеніе къ болящей. Можно-ли было смущаться и недоумѣвать, когда люди, столь достойно чтимые, были тѣсно связаны съ нею, кто дружбой, кто уваженіемъ, кто милостивымъ на нее воззрѣніемъ? Мнѣ оставалось вѣрить и любить. Но я нисколько не разсуждала о другихъ; я возлюбила ее самоё и никакихъ доказательствъ въ добродѣтели не искала, а предалась ей всею душой, чувствуя что-то дивное, высокое, непостижимое. Здѣсь мѣсто сказать нѣсколько словъ о болящей, чтобы дать понятіе, какіе бываютъ сокровенные рабы Божіи, среди соблазновъ и забвенія всего святаго въ суетномъ семъ мірѣ.

Происхожденіе болящей не могу точно опредѣлить; знаю только, что она была высокаго рода, чуть-ли не изъ семьи царевичей Грузинскихъ. Разными бѣдственными обстоятельствами доведена до крайней нищеты, но никогда не была оставлена помощью свыше. Какъ праведный Іовъ, испытуема была отъ Господа въ горнилѣ скорбей. Тѣлесныя страданія были неимовѣрны: ее корчило, сводило голову съ ногами, кости трещали отъ напряженія; медицина не умѣла опредѣлить болѣзни; помощь отъ Господа и свѣтлыя видѣнія были ей отрадой. Послѣ припадка мучительныхъ корчей она впадала въ сонъ, который былъ ничто иное, какъ благодатное состояніе, нечувствіе тѣлесныхъ страданій и вмѣстѣ тихая бесѣда со Святымъ Старичкомъ (какъ она называла), который былъ неотлучнымъ ея покровителемъ и наставникомъ. Сей Святой Старичекъ былъ не иной кто, какъ святитель Ни-

колай, являвшійся ей, котораго она чтила и къ заступленію коего прибѣгала съ самаго своего младенчества. Подробности о жизни болящей находятся въ Запискахъ Екат. Алексѣевны Мухановой, кои, по приказанію святого владыки митрополита Московскаго Филарета, хранятся въ ризницѣ, въ числѣ документовъ Аносина монастыря *).

Какъ описать любовь къ ближнему этой святой души? Мало того, что она съ радостію спѣшила раздѣлить съ неимущими милостыню, ею самой получаемую отъ благодѣтелей и друзей, но она готова была все предпринять для помощи ближняго; она обливалась слезами о бѣдствіяхъ людей вовсе ей незнакомыхъ; спасеніе каждаго было ей близко къ сердцу, какъ свое собственное; она имѣла отъ Бога даръ разсужденія и часто откровенія свыше, старалась вразумлять неразумныхъ и внушать все доброе каждому. Она скрывала имя свое и оттого вела жизнь уединенно. Кромѣ означенныхъ мною лицъ, въ ея знакомствѣ еще были: семейства Де-Бриньи и г-жи Корсаковой; а также многія бѣдныя семейства, которымъ она благодѣтельствовала. Трудно было принести ей какое-либо пособіе, особенно денежное. Привыкши къ жизни, можно сказать, весьма роскошной въ юности, сколько надо было ей работать надъ собой, чтобы безъ возмущенія духа пріучить себя питаться отъ рукъ благодѣтелей? Потому всѣ, зная и понимая ее, старались свои приношенія сдѣлать какъ можно незамѣтнѣе и деликатнѣе. Благодарность ея и молитва были самыя горячія, что̀ объявлялось во время ея благодатнаго безчувствія: тутъ она изливала предъ Господомъ свою слезную о всѣхъ молитву. Часто, сознавая, что друзья находятся близъ одра ея, просила она Св. Старичка благословить всѣхъ; часто въ нашемъ присутствіи получала мѣдныя и серебряныя старинныя копѣечки, которыя были ей подаваемы невидимой рукою въ минуты скудости, чтобы не дать ей упадать духомъ. Иногда, постомъ великимъ, когда она не вкушала пищи и страдала безпрестанно, ей приносили св. антидоръ. Иногда сподоблялась она въ видѣніи служенія многихъ святителей и преподобныхъ, созерцала, молилась и проливала слезы умиленія и восторга. Ничего она не предпринимала, не испрося благословенія Угодника Божія. Однажды, года за два до моего вступленія въ монастырь, она, въ безпамятствѣ, при мнѣ почти со смѣхомъ и удивленіемъ воскликнула: «Дуня, Дуня! Да вѣдь ты будешь игуменья. Я вижу тебя въ мантіи и съ посохомъ; вотъ уже не похоже на тебя». Потомъ, пришедши въ себя, она возобновила эту рѣчь; мнѣ было крайне непріятно, даже я разсердилась. Все мы знали о ней изъ ея бесѣдъ съ разными лицами

*) Давно возвращены П. А. Мухановой, при переходѣ моемъ въ Страстной монастырь.

во время ея благодатнаго безчувствія; но въ естественномъ положеніи своемъ она весьма рѣдко, и то развѣ для пользы душевной и назиданія, что либо высказывала, а то было постоянное молчаніе о всемъ сверхъестественномъ. У нея воспитывались двое сиротъ, мальчикъ и дѣвочка Елисавета Арсеньева, что̀ нынѣ у насъ въ монастырѣ *), ей подкинутые матерями, не хотѣвшими признать ихъ рожденія. Она призрѣла малютокъ. Сколько клеветы понесла эта добродѣтельная душа за нихъ! Она ихъ взяла за слово Спасителя, ублажающаго тѣхъ, *кто призритъ единаго отъ малыхъ сихъ*. Она любила этихъ дѣтей, заботилась какъ родная мать. Чтобы ее утѣшить, надо было приласкать сиротъ, и она не знала границъ благодарности своей. Всѣ цѣнили, понимали, любили болящую. Самъ святитель Филаретъ видѣлъ въ ней человѣка необыкновеннаго, часто имѣлъ съ ней переписку и даже бывалъ у нея, подъ скромнымъ видомъ Лаврскаго инока, избирая время поздняго вечера, когда не было посѣтителей у болящей. Часто я возила къ нему отъ нея письма и удостоена была передавать его отвѣты. Изрѣдка и она посѣщала его, всегда съ Екатериной Алексѣевной Мухановой, съ которой у ней были самое тѣсное духовное общеніе и дружба.

Вотъ съ котораго времени начались мои близкія отношенія къ великому святителю, и онъ зналъ всѣ обстоятельства жизни моей.

Спустя нѣсколько времени я отправилась уже одна къ болящей. Ни разстояніе не казалось мнѣ дальнимъ, ни страхъ постороннихъ сужденій меня не смущалъ: мнѣ было все равно, лишь бы надышаться въ ея благодатномъ уголкѣ. Прихожу; все тихо, она въ постелѣ; подхожу къ ней, едва говоритъ. «Что̀ съ вами?» — «Я едва жива». И начала мнѣ разсказывать ужасное происшествіе. Дня за два явилась къ ней странница вся обвязанная, просить ночлега; она не въ силахъ была отказывать просящему; пустила ее, накормила, уложила спать въ зальцѣ. Вдругъ въ полночь тихо растворяется дверь и является уже не больная обвязанная странница, а мужчина съ ножемъ, требуетъ денегъ и всего, что̀ она имѣетъ. Въ ужасѣ больная отдаетъ кошелекъ, часы, а болѣе, говоритъ, у меня ничего нѣтъ. Онъ приступаетъ съ ножомъ, и Господь покрываетъ Свою рабу: она видитъ внутреннимъ окомъ, что покровитель ея, Святитель Николай, около нея и не допускаетъ руки убійцы поразить ее. Такъ продолжалось почти всю ночь; наконецъ, злодѣй опустилъ ножъ и говоритъ: «Что ты за человѣкъ? Не могу убить тебя; меня одолѣваетъ страхъ. Скоро утреня, я опять переодѣнусь, а ты вели своей прислугѣ выпустить меня». Трепещущая

*) Нынѣ вышедшая въ міръ.

страдалица, спустя нѣсколько времени, позвонила, отдала прислугѣ приказаніе, разбойникъ вышелъ изъ дома, а она осталась едва дышущая. Я, кажется, первая пришла къ ней послѣ сего страшнаго происшествія; при мнѣ пріѣхала Е. А. Муханова и предложила переселиться къ нимъ въ домъ на верхъ, съ малюткой Николаемъ (дѣвочки еще не было въ то время). Съ этихъ поръ дружество ихъ, основанное съ одной стороны на чувствѣ благодарности и на желаніи Екатеринѣ пользы душевной, а съ другой—удивленія, благоговѣнія и безотчетнаго влеченія къ болящей, сдѣлалось тѣснѣе и тѣснѣе. И я ходила въ домъ Мухановыхъ къ Юліи, сперва познакомилась съ ними, а паче съ Екатериною: сошлись сердцемъ, сосредоточивъ любовь нашу въ общемъ нашемъ сокровищѣ.

Однако, какъ ни хорошо было въ домѣ Мухановыхъ, но все же въ чужомъ углѣ, отовсюду было стѣсненіе, какъ для нея, такъ и для нихъ; къ тому же на зиму дѣвицы Мухановы ожидали своихъ братьевъ, а занимаемый Юліей верхъ служилъ всегдашнимъ ихъ помѣщеніемъ. Начали помышлять, какъ бы купить домикъ; нашли недорогой и весьма приличный, на Молчановкѣ; но какъ купить, на что? Денегъ ни гроша. Вотъ ночью наша страдалица получаетъ отъ святаго своего покровителя (въ удостовѣреніе, что все уладится и деньги будутъ) синюю пятирублевую ассигнацію, которую она хранила до своей смерти, завѣщавъ ее положить съ нею въ гробъ. Точно, въ самомъ скоромъ времени все устроилось. Не умѣю сказать, откуда онѣ получили деньги, но домикъ купила Екатерина Алексѣевна на свое имя и помѣстила болящую. Это былъ общій праздникъ и утѣшеніе видѣть ее спокойно помѣщенную, огражденную отъ всякихъ непріятностей, и притомъ весьма прилично. Здѣсь разстояніе стало ближе ко всѣмъ. Муханова ежедневно отъ 7 до 10 часовъ вечера проводила съ ней; дѣвицы Павловы каждый праздникъ (въ будни имъ нельзя было отлучаться: онѣ были при мѣстахъ гувернантками), а я, грѣшная, какъ выпадетъ свободная минутка, бѣгу къ ней же. Часто, слушая мои разсказы о семейныхъ нашихъ столкновеніяхъ, она журила меня за нетерпѣніе и раздражительность. Очень помню, одинъ разъ скорбѣла я, что сестры стремятся въ театръ: убѣжденіе говорило мнѣ, что грѣшно утѣшаться пустыми и душевредными зрѣлищами: я и, не давъ имъ денегъ на ложу, высказавъ имъ мою непріятность, съ рвеніемъ и досадой сообщала Юліи о ихъ неразуміи. Она же кротко остановила меня и прибавила: «А знаешь-ли, Дуня? Св. Старичекъ приказалъ дать сестрамъ денегъ: ты раздраженіемъ грѣха не остановишь, а только вражду водворишь. Иди домой и съ любовью предложи имъ ѣхать въ театръ; симъ ты водворишь миръ, а гдѣ миръ, тамъ и Богъ». Совѣты ея всегда были полны разсужденія и мудрости;

я вѣрила слѣпо и такъ же слѣпо повиновалась. Часто случалось, спросишь рѣшенія на какое-либо недоумѣніе: «погоди, послѣ скажу», отвѣтитъ болящая, а тамъ и узнаемъ во время ея безпамятства, что̀ спросила у Св. Старичка. Я такъ привыкла къ безусловному повиновенію, что иначе, кажется, и жить не могла; я не разсуждала, какъ поступить, а только слушалась. И какъ возможно было прекословить, гдѣ былъ глáсъ Божій, устами только человѣческими? Но какъ надо было оцѣнить то орудіе, которымъ вѣщалъ Господь! Всего дивнаго, таинственнаго не перескажешь; тотъ только можетъ понять вполнѣ, кому Господь дозволитъ быть свидѣтелемъ сего чуднаго явленія.

Такимъ образомъ шло время. Дома грустно, сиротливо. Мы всѣ еще были въ глубокомъ траурѣ, какъ представился женихъ для одной изъ меньшихъ сестеръ, Александры. Г. Глѣбовъ жилъ съ нами въ одномъ приходѣ, много слышалъ о родителяхъ нашихъ и о всей семьѣ; увидя на похоронахъ сестру Сашеньку, юную, хорошенькую, которая замертво упала у гроба отца, поднялъ ее, принесъ воды и тутъ же какъ самъ послѣ разсказывалъ, рѣшился жениться на ней. Его тронуло сиротство семьи, любовь дѣтей къ отцу и скромное обращеніе вообще. Это происшествіе нѣсколько развлекло семью. Приготовленія къ свадьбѣ на время оживили всѣхъ; но молодые уѣхали въ деревню и все вошло въ обычный порядокъ, т.-е. сестры съ С. С. Пушкинымъ въ тѣсномъ дружествѣ, толкахъ и разсужденіяхъ неразумныхъ, я въ своемъ углѣ за хозяйствомъ и дѣлами, а братъ въ шалостяхъ, самыхъ непозволительныхъ. Какъ умѣла, я старалась привести въ порядокъ дѣла; Господь помогъ: понемногу уплатился долгъ послѣ родителей; пенсію, получаемую, 3000 р. асс., употребляли на общій расходъ, а 1000 р. асс., принадлежащую малолѣтней Евгеніи, хранила какъ зеницу ока.

Приступили къ раздѣлу всего имѣнія; дѣло многотрудное, не моего ума и опыта; но Господь умудряетъ слѣпцовъ; совѣтовалась со многими. Часто случалось просить и смиренно ожидать въ пріемной тѣхъ, коп у покойнаго отца были подчиненными. Иные съ любовью помогали въ память его, а другіе и не совсѣмъ обращали вниманіе. Какъ быть? Все на пользу! Эти обстоятельства были доброй мнѣ наукой, какъ себя смирять и склоняться предъ всѣми. Безъ смиренія, милое чадо, и кроткой уступчивости ничего не достигнешь. Раздѣлъ оконченъ былъ мирно, каждый получилъ свою законную часть. Родители хоть и имѣли намѣреніе раздѣлить намъ поровну, но завѣщаніе не было окончено и скрѣплено; стало-быть, по закону сестры получили по 100 душъ, а братъ 800. Замужнія взяли свое, а мы жили всѣ въ домѣ родительскомъ, который принадлежитъ и до сихъ поръ сестрамъ,

живущимъ вмѣстѣ, а ежели захотятъ продать его, то цѣну раздѣлить между всѣми поровну. Въ это время и Небольсины купили себѣ домъ въ Москвѣ и переѣхали отъ насъ. Жизнь этой четы была не сладка: мужъ скупъ и тяготился Московскимъ расходомъ, привыкши жить скупо и постоянно въ деревнѣ, тѣмъ болѣе, что болѣзнь сестры требовала еще лишнихъ расходовъ. Жена, утомленная простотою и странностями мужа, потеряла къ нему расположеніе, а прилѣпилась къ умному, начитанному двоюродному брату; вмѣстѣ читали, толковали: то ничего, другое не грѣхъ, обязанности къ мужу лишнее дѣло и, наконецъ, сіе произвело такой раздоръ, что, право, никто не зналъ, какъ ихъ и мирить. Меня все сіе сильно оскорбляло, я перестала бывать у сестры въ домѣ. Хотя не было въ ихъ сношеніяхъ ничего беззаконнаго, но вовсе было потеряно христіанское настроеніе. Мужъ уѣхалъ въ деревню и, кажется, радъ былъ вырваться, хотя и самъ былъ многому причиной. Болѣзнь сестры развилась, ей со дня на день становилось хуже, и она прислала за мной, чтобы походить за нею. Болѣзнь и смерть все заглаждаютъ; я переселилась къ ней въ домъ и была свидѣтельницею ея ужасныхъ страданій. Была у нея какая-то непостижимая болѣзнь въ спинѣ, какъ говорили врачи. Послали за мужемъ, который уже не засталъ ея, а пріѣхалъ къ похоронамъ. Я простудилась и не была при ея послѣднихъ минутахъ и при погребеніи.

Жизнь всей семьи была мнѣ не по чувству и не по духу. Я видѣла, что сдѣлать ничего не могу, и рѣшилась сдать имѣніе по принадлежности, а опеку надъ Евгеніей и ее самоё передать сестрѣ Екатеринѣ. Я забыла сказать, что, сверхъ общихъ 100 душъ, мнѣ досталось село Аносино. По завѣщанію покойной бабки моей, игумены Евгеніи, это имѣніе должно было доставаться старшему въ родѣ, съ обязательствомъ предоставлять устроенному ею въ немъ монастырю годоваго съѣстнаго запаса на 1000 р. асс.

Приняла я имѣніе и обязательство; но исполнить его было невозможно, ибо и покойные родители доставляли запасъ изъ Орловскаго имѣнія, а с. Аносино было оброчное и довольно неустроенное. Мнѣ хотѣлось исполнить волю святой старицы, бабки моей, и продолжать то, что незабвенные родители мои исполняли; но какъ устроить, я недоумѣвала. Спросила у моей болящей, и она дала совѣтъ продать часть лѣса въ Аносинѣ и внести капиталъ въ монастырь, тѣмъ обезпечить обитель и успокоить свою совѣсть. Но сдѣлать сего нельзя было иначе, какъ испрося дозволеніе у святаго владыки. Мнѣ хотѣлось, чтобы сіе до времени никому не было извѣстно, пока придетъ дѣло къ окончанію, во избѣжаніе толковъ и пересудовъ. И такъ, написавъ въ первый разъ отъ роду письмо къ святителю, въ коемъ

испрашиваю назначить время и дозволеніе, когда явиться для объясненія важнаго для меня дѣла, облеклась въ салопъ моей горничной, на голову надѣла черный платокъ большой, и сама, въ видѣ прислуги, отправляюсь къ секретарю его высокопреосвященства. Вхожу. «Дома Александръ Петровичъ?» Ему доложили. Выходитъ старикъ добрый, но брюзгливой наружности. «Что тебѣ, матушка?» «Авдотья Семеновна Озерова проситъ васъ сдѣлать милость передать ея письмо его высокопреосвященству».—«Хорошо», взглянувъ на конвертъ, «а адресъ гдѣ?»—«Ещѣ не знали, какъ написать его; будьте такъ добры, подпишите адресъ сами».—«Что ты, матушка; да можетъ твоя барыня невѣдомо что наврала въ письмѣ, а я буду подписывать своею рукой адресъ; да Богъ съ тобой, съ вами въ бѣду какъ разъ влѣзешь». «Помилуйте-съ».—«Да что тутъ миловать! Охъ, мірской пародъ; вотъ хороши овцы: не знаютъ, какъ назвать своего пастыря!»—«Позвольте, я напишу адресъ; только вы мнѣ его продиктуйте: я грамотѣ умѣю». «Полно врать, матушка: будутъ разныя руки въ письмѣ и на конвертѣ. Подай письмо, ужъ безъ адреса подамъ владыкѣ; пусть видитъ, какое дурачье эти дворяне». Взялъ пакетъ, понесъ; чрезъ нѣсколько минутъ выходитъ и говоритъ: «Св. владыко приказалъ твоей безтолковой барынѣ пріѣхать сегодня въ 3 часа, понимаешь, передъ вечерней».—«Слушаю-съ, а который теперь часъ?»—«Да въ исходѣ второй». Раскланявшись съ секретаремъ, выхожу. Проливной дождь; я взяла перваго растрепаннаго извощика, который мнѣ попался, и поѣхала къ себѣ. Дома объявила о своемъ намѣреніи и что сейчасъ ѣду къ владыкѣ. Заложили карету, поставили сзади меня лакея въ ливреѣ и отправились. Я такъ давно не ѣздила въ порядочномъ экипажѣ, что въ первую минуту мнѣ самой смѣшно стало: привыкла я уже нѣсколько лѣтъ совершать мои путешествія по Москвѣ на такъ-называемыхъ *ванькахъ*. Но, подъѣзжая къ подворью, сердце у меня замерло. Что и какъ буду говорить святителю? Какъ онъ взглянетъ на это дѣло? Бывала я у него, но въ видѣ посланной, большею частью пребывала въ молчаніи, или обходилась краткимъ отвѣтомъ на его вопросы; а тутъ надо говорить, объяснять дѣло, а предъ его святыней что я за ничтожество? И предъ его всеобъемлющимъ умомъ просто тупоуміе. Въ такомъ расположеніи духа, трепеща, взошла я на лѣстницу. На встрѣчу мнѣ старикъ-секретарь. «Какъ доложить о васъ. Кажется, генеральша Озерова?»—«Точно такъ». Онъ взглянулъ мнѣ въ лицо, и видно было какое-то изумленіе; вѣроятно сходство съ горничной, бывшей у него за полчаса, изумило его. Я быстро прошла мимо, и меня провели въ гостиную. Съ благоговѣйнымъ страхомъ повергласъ я къ стопамъ великаго святителя. Благословивъ, онъ указалъ мнѣ мѣсто и

спросилъ о причинѣ посѣщенія. Не въ силахъ была я говорить, сколько отъ застѣнчивости, столько отъ волненія, но молча подала докладную записку. Прочитавъ ее, святый владыка взглянулъ на меня довольно сурово и холодно сказалъ: «Неужели вы думаете, что обитель нуждается въ вашихъ деньгахъ? Господь и безъ вашей помощи поддержать ее можетъ».—«Владыко святый, желаніе мое: исполнить волю покойной матушки - игуменьи, бабки моей и не возмутить душъ родителей моихъ».—«Можетъ быть, вамъ тягостно сіе обязательство; спросите о семъ совѣсть вашу и мирствуйте».—«Владыко святый, моя совѣсть смущается, ежели не исполню этого долга».—«А вы станьте на молитву и скажите усопшимъ вашимъ, что не можете исполнить ихъ обѣщанія».—«Я послѣ сего не найду покоя совѣсти моей, владыко святый; а отъ кого же намъ слышать слово Божіе, какъ не изъ вашихъ устъ?» Тутъ я не могла болѣе сдерживать себя; мнѣ показалось, что владыка не принимаетъ меня и приношеніе мое, какъ недостойную жертву Богу, что, можетъ быть, дерзновенно осмѣлилась его безпокоить, и мнѣ стало такъ горько, что я залилась слезами. «О чемъ плачете?» Я, потерявъ всю сдержанность приличія, упала къ его ногамъ и просто высказала, что̀ чувствую и что имѣю намѣреніе рано или поздно посвятить себя иноческой жизни. Святый владыка перемѣнилъ свою рѣчь и съ любовію отца продолжалъ: «Не смущайтесь; ежели вы хотите исполнить волю усопшихъ, доброе дѣло. Сколько же можете внести обители въ замѣнъ доставляемаго запаса?»—«До 25000 р. асс.; но болѣе не въ силахъ, владыко святый.»—«Много, не по вашимъ средствамъ; не будетъ-ли 15000 р.?»—«Нѣтъ, владыко святый, дозвольте внести 20000 р. Хотя проценты и недостаточны будутъ на покупку полнаго запаса, но эту сумму я могу внести и безъ разстройства своихъ обстоятельствъ».—«Съ Богомъ! Когда окончена будетъ продажа лѣса и выручены деньги, привезите».

Принявъ его святительское благословеніе, въ радости и утѣшеніи поѣхала я домой, бросила карету и на извощикѣ полетѣла на Молчановку. Застаю у Юліи Е. А. Муханову, все подробно имъ разсказала и даже похожденіе съ секретаремъ, чему онѣ много смѣялись. Имъ, впрочемъ, не въ диковинку были подобныя сему мои похожденія: часто я, въ родѣ блаженной, пробиралась съ ихъ же милостынею къ какому-либо старцу на церковную колокольню, или къ кому-либо иному, съ подобными порученіями. Однажды справляла роль посаженой матери у окрещеннаго мною же за Юлію Еврея и у будущаго тестя его отстаивала деньги невѣсты и т. п. Посему мое похожденіе съ секретаремъ не удивило ихъ, а только распотѣшило, и онѣ, бывъ въ первый слѣдующій разъ у владыки-митрополита, когда коснулась рѣчь

до меня, разсказали все подробно, чѣмъ заставили архипастыря улыбнуться, и онъ, вызвавъ секретаря своего, спросилъ: «Кто привозилъ письмо отъ Озеровой?» Святославскій отвѣчалъ: «Ея горничная, должно-быть».—«Не ошибся-ли ты? Не сама-ли она? Надо впередъ быть осторожнѣе». Секретарь ушелъ, а онѣ, поговоря о моей догадливости и вмѣстѣ о робости нрава, получили отъ святителя, какъ себѣ, такъ и мнѣ, благословеніе, о которомъ и передали мнѣ.

Съ тѣхъ поръ сердце мое все предалось святителю, и я не знала, какъ раздѣлиться на обоихъ избранниковъ Божіихъ; не умѣла я разобрать, котораго я болѣе чтила и любила. Служила, какъ умѣла, болящей Юліи, благоговѣла предъ владыкой, и была счастлива, что имѣю доступъ къ нимъ обоимъ.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ часть лѣса въ Аносинскомъ имѣніи была продана, деньги, 20000 р. асс., выручены, и я, въ полномъ утѣшеніи отъ успѣшнаго окончанія дѣла, которое тяготило мою совѣсть, опять отправилась къ святителю. Онъ, съ обычною милостью, принялъ меня и, узнавъ, что сумма привезена мною, велѣлъ позвать своего эконома. «Я не считаю денегъ самъ», сказалъ онъ. Тотъ перечелъ, и владыка съ улыбкой спросилъ меня: «Нужна вамъ росписка въ полученіи отъ митрополита Московскаго?» —«Помилуйте, святый владыко!» — «Въ такомъ случаѣ идите; я черезъ консисторію перешлю указъ и деньги въ обитель». Принявъ благословеніе, я съ радостію отправилась во-свояси.

Этотъ взносъ какъ бы сроднилъ меня еще тѣснѣе съ Аносинской обителью; конечно, игуменья Анастасія (преемница основательницы, бабки моей), зная наши обстоятельства, едва-ли ожидала помощи отъ насъ послѣ раздѣла; но полученіе этой суммы, хотя не соотвѣтствующей вполнѣ запасу, но уже вѣрной, привязало ее ко мнѣ благодарностью, тѣмъ болѣе, что обитель имѣла самыя скудныя средства, и я стала свободнѣе относиться къ ней. Часто за покупками монастырскими пріѣзжала одна изъ сестеръ обители, Евдокія, усердная, добрая, монастырю преданная послушница, уже не молодая; я ее полюбила, и она часто гостила у насъ, въ моей комнатѣ.

Отношенія наши семейныя не улучшались. Я не умѣла поддержать единодушіе, дѣйствовала горячо и неразумно; любовь могла совсѣмъ исчезнуть между нами. Братъ продолжалъ себя вести все хуже и хуже; держать его въ домѣ было невозможно, и я рѣшилась, во что бы ни стало, его переселить на квартиру, чтобы сестрамъ дать спокойствіе и сохранить приличіе, а потомъ и сама желала взять маленькую квартиру и уже серьезно готовить себя къ монастырской жизни. Послѣ многихъ толковъ, братъ переѣхалъ, черезъ нѣсколько времени

женился, взявъ жену не столько несообразно званію своему, какъ пустую и вѣтреную Француженку съ Кузнецкаго моста. А я вызвала монастырку Евдокію и просила погостить у меня. Всѣ привыкли къ ея пребыванію, и никому и въ голову не приходило, что я хочу оставить домъ. Безъ сомнѣнія, все дѣлалось съ совѣтомъ владыки и болящей. Но когда уже пришло время исполненія, я отправилась къ ней за благословеніемъ, и она сказала мнѣ: «Ежели бы ты несла терпѣливо и благодушно теперешнюю жизнь твою, она бы исходатайствовала тебѣ предъ Богомъ болѣе, чѣмъ жизнь уединенная; но у тебя нѣтъ терпѣнія, то и лучше отдалиться и сохранить миръ; переѣзжай съ Богомъ». Отъ нея пошла я къ отцу-духовнику, который совѣтовалъ тоже, и чтобы переѣзжая ничего изъ дома не брать, кромѣ самаго необходимаго. Я его любила, слушалась и старалась всегда соединить эти три воли надо мною, не прекословя, а исполняя повелѣваемое, сколько могла и умѣла.

Не хотѣлось мнѣ никого тревожить при моемъ переѣздѣ, и для того частенько съ Евдокіей Алексѣевной (послушницей Аносина монастыря) ходили мы, подъ видомъ дѣла, скитаться по Москвѣ, искать квартиры. Было это осенью; грязь, слякоть, а мы бродимъ по колѣна въ мокротѣ. Начавши не хотѣлось отлагать и самоё себя долго мучить. Нашли квартиру у Лѣснаго ряда, къ Москвѣ-рѣкѣ, далѣе Пречистенки; хотя и нехорошо было, но рѣшилась. Грустно, тяжко было оставить домъ родительскій, жаль было сестеръ; но надо было принять рѣшительную мѣру. Готовиться къ монастырю въ семьѣ невозможно, да къ тому же отъ разномыслія могла возродиться и вражда между нами. И такъ, ночью на 13-е Ноября 1846 года, въ день св. Іоанна Златоуста, уложивъ свои иконы, платья, бѣлье, мы съ Евдокіей Алекс. приговорили Московскаго извощика, который явился къ намъ въ благовѣстъ утрени, и на немъ, положа матрацъ, сундукъ и усадивъ Евдокію съ св. иконою и съ хлѣбомъ и солью, отправила въ новое жилище, а сама написала записку сестрѣ Катѣ, въ которой объявила о своемъ переѣздѣ, и оставила у себя въ комнатѣ на столѣ. Въ карманъ взяла я свои собственныя деньги, пошла къ утренѣ въ свой приходскій храмъ, просила отслужить молебенъ св. Власію, подъ покровомъ коего дожила до 33 лѣтъ, много плакала; оттуда къ ранней обѣднѣ, къ о. духовнику, который меня благословилъ на новый родъ жизни, и отъ него на квартиру. Дико было войти. Все пусто, икона въ углу, матрацъ среди комнаты, и болѣе ничего. Евдокія Алексѣевна встрѣтила меня и пошла на рынокъ купить дровъ, которыхъ хозяева не дали. Я осталась одна въ раздумьѣ, въ скорби, стала горько плакать; мысли и чувства самыя противоположныя толпились въ умѣ и сердцѣ:

и родныхъ жаль, и смущеніе о своей немощи, и страхъ, что не вынесу взятаго на себя, и тому подобное. Вдругъ слышу стукъ у двери: сперва испугалась, но пошла отпирать дверь и вижу добраго и почтеннаго старца Сергія съ женою, который, не смотря на свою собственную скорбь (ибо у него въ эту же ночь умеръ родной и единственный его братъ), пришелъ навѣстить и ободрить свою малодушную духовную дочку. «Теперь плакать не время и, взявшись за рало Господне, не надо обращаться вспять. Вотъ икона Трехъ Радостей, да облегчатъ Сама Владычица и Господь сердце ваше; отрите ваши слезы. Слава Богу! Ничего не вынесли изъ дома, начинайте путь вольной нищеты; а Евдокію Алексѣевну мы встрѣтили, ѣдетъ съ дровами. Господь съ вами! Живите, а я и жена будемъ навѣщать васъ». Я благодарила отъ души старца, а угощать было нечѣмъ: даже и чаю не было, да и самоваръ еще не купленъ. Они побыли нѣсколько минутъ и ушли, а мы скорѣе на Смоленскій рынокъ, купили тамъ стульевъ, столовъ, кровать, самоваръ и необходимую посуду для кухни и стола, чаю, сахару и возвратились домой. Едва успѣли поставить самоваръ, пришла сестра Катя, скорбная до невозможности, со слезами бросилась въ мои объятія и умоляла возвратиться домой, предлагая занять весь верхъ въ домѣ, обѣщая, что ни во что входить всѣ онѣ не будутъ. «Принимай кого хочешь», говорила она, «ходи куда угодно; только не оставляй дома». Но что уже было рѣшено, то невозвратимо. Господь помогъ твердо устоять и, накормивъ ее трактирнымъ пирогомъ, я отпустила съ миромъ. Мало-по-малу семья свыклась съ новымъ моимъ положеніемъ, и часто всѣ онѣ навѣщали меня въ моемъ уединеніи; а Варвара Андреевна Эзопина, наконецъ, рѣшилась и переѣхала жить ко мнѣ. Въ вечеру того же дня явилась съ любовію Е. А. Муханова, привезла отъ Юліи образной шкафъ и лампадку въ подарокъ на новоселье; голубушка моя принялась устроивать и обстанавливать мое новое жилище.

Такая неожиданная перемѣна въ жизни моей возбудила общій говоръ: кто удивлялся, кто бранилъ, кто придумывалъ разныя догадки моему переселенію. Родные большею частью негодовали, особливо сестра покойной бабки моей, Надежда Николаевна Шереметева; она старалась изловить меня гдѣ только могла, бранила, добивалась откровеннаго объясненія. Я, конечно, молчала или отдѣлывалась шутками, а часто, каюсь, запиралась въ своей комнатѣ и не сказывалась дома, избѣгая докучливыхъ пустыхъ истязаній. Такимъ образомъ болтали много, какъ о новомъ происшествіи; наконецъ забыли, и я въ тишинѣ стала серьезно обдумывать и готовиться къ великому дѣлу, вступленію въ иноческую жизнь. Часто ходила я къ больной, чтобы ей послужить

тѣлесно, а отъ нея врачеваться духовно, совѣтомъ и примѣромъ. Ходила и къ о. духовнику, изрѣдка къ сестрамъ, а болѣе никуда. Занималась своимъ маленькимъ хозяйствомъ, съ помощью прислуги, старушки Маргариты, которую доставила мнѣ Юлія Николаевна, и которая насъ любила какъ родныхъ, трудилась много и берегла наши крохи. Жила я подъ непосредственнымъ руководствомъ болящей, которая, руководясь свыше, повергала все въ обсужденіе владыки и дѣйствовала уже по его велѣнію. Каждая изъ насъ не считала ничего собственностью; но отъ меня, какъ готовящейся къ монастырской жизни, еще болѣе требовалось самоотверженія, служенія всѣмъ и каждому, послушанія безпрекословнаго, пріобученія себя къ тѣлесному труду и суровому образу жизни.

Когда приходилось мѣнять квартиру за неудобностію, выписывала я мою добрую Евдокію Алексѣевну, и мы съ ней опять путешествовали и отыскивали новое пристанище. Такъ протекало время въ изученіи себя, въ чтеніи и въ частыхъ разъѣздахъ по порученіямъ.

Въ 1847 году открылась сильная холера въ Москвѣ, смерть окружала со всѣхъ сторонъ. Пойдешь въ церковь, 3 или 4 гроба вдругъ; надъ головой у хозяевъ покойникъ, рядомъ похороны. А насъ Господь хранилъ невидимой рукой, и ничего я не боялась, вездѣ ходила, пищу употребляла обычную, будто все благополучно. Сестры съ Марьей Григорьевной были въ это время въ Орловской деревнѣ; получаю письмо отъ сестры Кати, которая предостерегаетъ меня, проситъ не бояться за нихъ, что хотя у нихъ и свирѣпствуетъ болѣзнь, но онѣ осторожны и спокойны. И что же? На другой день доброй милой сестры Кати уже не было на свѣтѣ; сдѣлалась сильнѣйшая холера, потомъ тифъ, она въ бреду звала меня непрестанно, и въ нѣсколько часовъ ея не стало. Все семейство страшно напугалось, и всѣ возвратились въ Москву. Малюткѣ Евгеніи было тогда уже около 9 лѣтъ. Опека перешла къ сестрѣ Варварѣ. Скорбна была эта потеря, особенно для семьи: Екатерина была хозяйкой.

Прошло послѣ сего около двухъ лѣтъ. Я такъ обжилась хорошо и начала подумывать, что можно и въ мірѣ, въ уединеніи, жить угодно Господу; но Онъ Всеблагій велъ меня къ цѣли, Ему Единому извѣстной. Прихожу по обычаю навѣстить болящую и нахожу ее въ задумчивомъ расположеніи духа. Когда остались наединѣ, она мнѣ сказала, что уже приспѣло время совершить давно предполагаемое и начать жизнь иноческую въ стѣнахъ обители; что къ ней приходила покойная матушка Евгенія и грозно требовала меня. «Евдокія мнѣ нужна; что ты ее держишь въ міру?» говорила она. «Послѣ сего уже тебѣ нельзя долѣе оставаться», продолжала Юлія: «какъ мнѣ ни тяжела будетъ

разлука, но первая обязанность христіанина есть самоотверженіе и послушаніе; сбирайся, другъ мой, Господь съ тобою!» Хотя для меня была не новость мысль о монастырѣ, хотя многіе годы постоянно готовилась къ этой жизни, но при рѣшительномъ словѣ «иди», сердце мое дрогнуло. Буди воля Господня! Я приняла слова Юліи, какъ извѣщеніе отъ Самого Бога и прямо отъ нея отправилась къ о. духовнику, объявить ему свое рѣшительное желаніе. Я никогда не сообщала ему объ сношеніи близкомъ со владыкою и Юліей; онъ не понялъ бы сихъ сношеній, а только зналъ, что мы знакомы и что я ее люблю, какъ добраго человѣка; владыку же онъ чтилъ, но остерегался, какъ начальника. «Хорошо», отвѣчалъ онъ мнѣ, «потолкуемъ и помолимся; завтра послѣ ранней обѣдни зайдите, я дамъ отвѣтъ.» На другой день, послѣ безсонной ночи, отправилась я къ нему, вѣруя, что разногласія не будетъ. Послѣ обѣдни захожу, усѣлись въ столовой по обычаю пить чай; старецъ вызываетъ меня въ свой кабинетъ и со слезами говоритъ: «Не могу противиться волѣ Божіей. Господь да благословитъ на преднамѣренный путь!» Я поклонилась въ ноги, приняла благословеніе и вышла въ столовую. «Что такое, что съ вами»? спросила жена отца-духовника. «Авдотья Семеновна идетъ въ монастырь.» — «Да ты зачѣмъ ее пускаешь?» — «Помилуй; нельзя тамъ удержать, гдѣ Богъ зоветъ.» Не знаю, почему онъ такъ былъ увѣренъ, это осталось тайной; но дѣло въ томъ, что я, получа разрѣшеніе, не медля уже нисколько, написала просительное письмо о принятіи меня въ монастырь къ игуменьѣ Анастасіи. Она не рѣшилась сама удовлетворить меня и отвѣчала, что безъ согласія и приказанія владыки ничего не можетъ, и чтобы я сама просилась у него. Раздумывать было уже нечего. Я отнеслась къ святителю и повторила ему мое давнишнее желаніе, прося па то его благословенія. «А куда вы намѣрены поступить?» спросилъ онъ. «Въ Аносинъ монастырь, ежели вы изволите благословить.» — «Тамъ трудно и сурово, не по вашей силѣ и навыкамъ.» — «Владыко святый, Господь поможетъ за ваши святительскія молитвы.» — «Почему не въ одинъ изъ Московскихъ, напримѣръ въ Дѣвичій?» — «Владыко святый, Московскіе монастыри это богадѣльни.» Святитель на меня зорко и проницательно взглянулъ. — «Въ Москвѣ легче, а тамъ едва ли вынесете.» — «Вѣрую въ святыя молитвы ваши.» — «Да, тамъ вамъ предстанутъ трудности и скорби.» — «На все рѣшаюсь, владыко святый; къ этой обители меня привязываетъ прахъ покойной матушки Евгеніи.» — «Не прахъ, а душа ея». Сдѣлалось молчаніе, я не смѣла прервать его. Владыка, устремя взоръ, задумчиво пробылъ нѣсколько секундъ и наконецъ сказалъ: «Итакъ вы на все готовы?» —

«Благословите, владыко святый!»—«Господь тебя благословитъ, иди путемъ скорби и смиренія, и когда совсѣмъ сберешься, зайди ко мнѣ.»

Все было рѣшено, надо было устроить и отъѣздъ. Я извѣстила мать-игуменью Анастасію о дозволеніи его высокопреосвященства вступить въ общежитіе, просила и ее принять меня подъ свой покровъ и вмѣстѣ оказать мнѣ великую милость, приславъ за мной Евдокію Алексѣевну съ лошадьми къ 1 Декабря. Стала собираться. Мнѣ хотѣлось всѣмъ что нибудь дать на память. Купила кому серьги, кому ожерелье, кому табакерку и, раздаривъ, сказала, что скоро уже переселюсь въ обитель, но дня не назначила во избѣжаніе съѣзда и прощанья. Наканунѣ уже отъѣзда отправилась я ко владыкѣ моему, который благословилъ меня, сказавъ нѣсколько словъ назидательныхъ о жизни въ обители, а главное о послушаніи и самоуничиженіи. «Помни», прибавилъ святитель, «что ежели начальствомъ избрана будетъ палка, то и той должна ты покориться безусловно. Оставь всякое о себѣ мнѣніе, смиряйся предъ каждымъ и во всемъ, тогда можешь возрасти въ доброе чадо обители.» Отъ него пошла я къ драгоцѣнной моей болящей, застала ее въ слезахъ и въ постели. Пріѣхали Е. А. Муханова и докторъ Блументаль. Когда настало уже время отправляться, и мы остались однѣ, она сняла съ шеи крестъ, съ которымъ никогда не разставалась (онъ былъ ей данъ Св. Старичкомъ, конечно во время ея благодатнаго безпамятства, должно быть или единороговый или изъ какой мастики, не знаю, но весьма древній) и сказала, это дѣло рукъ Св. Николая и доселѣ она его съ себя не снимала. Благословила меня, залилась слезами, обняла и едва выговорила: «Господь съ тобой!» Съ ней сдѣлался обморокъ, и я этимъ временемъ воспользовалась, чтобы оторваться отъ нея. Блументаль спѣшно меня выпроводилъ, чтобы не возобновлять прощанья съ нею, и я простилась съ благодатнымъ уголкомъ, сама не зная на сколько времени. Отъ нея прямо къ сестрамъ Озеровымъ, провела у нихъ вечеръ, старалась казаться спокойною и даже веселой; но онѣ были смущены моимъ рѣшеніемъ и скорымъ отъѣздомъ, допрашивали, когда именно; но я сказала, что сама еще не знаю, и уже вечеромъ довольно поздно возвратилась къ себѣ.

1-го Декабря ежегодно справлялось молебствіе о прекращеніи холеры въ приходѣ Троицы на Арбатѣ; у о. духовника поднималась святыня изъ соборовъ, икона Иверской Божіей Матери, и изъ другихъ приходовъ стекался народъ. Чтобъ въ этой суетѣ не успѣли замѣтить моего смущенія, я пришла проститься передъ отъѣздомъ въ монастырь, но не сказала о семъ, а будто пришла помолиться. Не хотѣлось мнѣ ни добраго Сергѣя Ивановича, ни жену его Л. Я. огорчать прощаньемъ и проводами. Послѣ ранней обѣдни, когда шли съ иконами на пло-

щадь, я подошла еще разъ принять благословеніе. «Куда вы?» — «Никуда, батюшка.» Всѣ отправились, и я проводя ихъ, осталась у нихъ въ домѣ, поплакала, поручила прислугѣ передать о моемъ отъѣздѣ и съ Авдотьей Алексѣевной, которая съ кибиткой ждала меня въ ближайшемъ переулкѣ, отправились въ Аносинъ монастырь.

Теперь все разорвано съ міромъ, слава Богу! думала я дорогой. Господи, помоги перейти поприще иночества неосужденно. Тебѣ, Господи, всю себя вручаю! Въ подобныхъ сему размышленіяхъ я не догадалась, какъ лошади остановились у св. вратъ обители. Прямо пошла въ келью м.-игуменіи, которая приняла съ любовію и со слезами, тутъ же благословила иконой Владимирской Божіей Матери, которая ей досталась отъ покойной матушки Евгеніи, и повела въ келью мнѣ назначенную. Это былъ флигель, въ которомъ находились кельи основательницы, бабки моей, и мнѣ была приготовлена ея спальня; очень мнѣ было это пріятно. Все было ветхо, бѣдно, шкафчикъ для иконъ покойной бабушки, простая деревянная кровать, два стула, столъ и болѣе ничего. Рядомъ со мною помѣстилась Авдотья Алекс.; въ третьей келіи еще сестра, а пріемная оставалась пустая; здѣсь бывали спѣвки клиросныхъ, когда пріѣзжалъ протоіерей Вдовьяго Дома учить сестеръ, что онъ дѣлалъ по усердію безплатно.

И такъ въ 1849 году 1-го Декабря *я водворилась въ пустынь, чая Бога спасающаго мя отъ молодушія и бури*, на 35 году моей жизни. Желала я вкоренить въ сердцѣ и въ умѣ своемъ не одну внѣшнюю жизнь монастырскую, но такую, какою она должна быть въ полнотѣ своей, и оттого старалась себя подчинить старшей своей по монастырю Ав. Ал. Очень помню, однажды она сказала мнѣ, чтобы я не выносила сама на холодъ умывальнаго таза; а мнѣ было совѣстно допускать, чтобы мнѣ служили; я пошла сама съ лаханкой, и когда возвращалась, Авд. Ал. встрѣтила меня строгимъ выговоромъ за ослушаніе. Ей, не лгу! Я не столько обидѣлась, но, сознавъ ослушаніе свое, много разъ съ земными поклонами просила прощенья; я радовалась въ душѣ, что нахожусь въ покорении и, видѣвъ монастырское въ семъ наученіе, съ любовію исполняла. Происходило это чувство не отъ пріобрѣтеннаго смиренія, но отъ горячаго желанія идти путемъ иноческаго смиренія.

Не прошло двухъ недѣль, является отъ Юліи ея старушка, *кормилушка*, но только съ огромнымъ ящикомъ; въ немъ пироги, лепешки, хлѣбы, баранки, груши сушеныя и т. п., и съ симъ вмѣстѣ грустное и скорбное письмо о моемъ отлученіи, но наполненное любовію и совѣтомъ идти за Господомъ въ духѣ мирномъ. Всѣ припасы я раздала монастырскимъ, а Наталъюшку отправила съ благодарностію. Отъ о.-

духовника вскорѣ получила письмо, въ коемъ почтенный старецъ благодаритъ за обманъ при отъѣздѣ: «иначе», пишетъ онъ, «я не въ силахъ былъ бы отправить и богослуженіе». Сестры мои смутились, хотѣли ѣхать ко мнѣ, но онъ удержалъ ихъ, сказавъ, что мнѣ надо дать время придти въ себя.

И такъ я начала всматриваться въ обрядъ монастырскій, но въ мірской одеждѣ. Въ день Святителя Николая, 6-го Декабря, матушка-игуменья приказала мнѣ исполнять въ трапезѣ *жертвенникъ*, т. е. чтеніе во время вкушенія пищи. Всѣ старицы, бывшія еще при покойной матушкѣ Евгеніи, съ любовію смотрѣли на меня и, слушая чтеніе, со слезами говорили, что читаю сходственно съ покойной матушкой. Это первый былъ шагъ общаго послушанія. Я радовалась, что начало положено въ день святителя, общаго нашего покровителя. Декабря 24, въ сочельникъ, въ день ангела покойной бабушки, меня одѣли въ рясу и шапку. Не умѣю тебѣ, чадо, передать, что̀ я чувствовала: и страхъ, и радость, и умиленіе, и благодарность ко Господу за неизреченное Его ко мнѣ милосердіе наполняли тогда душу мою. Но робость моего нрава была такова, что когда мнѣ сказали послѣ вечерни, что будетъ мать-игуменья одѣвать меня, я убѣжала изъ церкви, сама не зная зачѣмъ. Можно судить, какъ для меня всѣ дѣйствія явныя были тягостны; я только была покойна, когда была непримѣтна.

Въ Январѣ 1850 года матушка-игуменья ѣздила съ монастырскими отчетами ко владыкѣ и мнѣ сказала, что желаетъ представить меня къ указу. Я съ благодареніемъ приняла еще ничѣмъ не заслуженную милость и вмѣстѣ съ м.-игуменьей отправилась въ Москву. Когда мы явились на Троицкое подворье, и мать игуменья вошла съ бумагами ко владыкѣ, черезъ нѣсколько времени раздался звукъ колокольчика, и входившій въ пріемную келейникъ сказалъ, что меня требуютъ. Со страхомъ и радостію вхожу. Я не надѣялась видѣть моего отца и владыку. Когда приняла благословеніе, онъ, съ обычною ему милостію, спросилъ: «Мирствуешь-ли?» — «Слава Богу, владыко святый.» — «Игуменья говоритъ, что ты часто плачешь о родныхъ». — «Вы все изволите знать, владыко святый: не могу еще привыкнуть къ лишенію всего, что̀ было близко моему сердцу.» — «Надо въ мирномъ духѣ приносить жертву Богу; это плачъ малодушія; надѣйся и молись. А ты не прогнѣвалась-ли на меня, что осталась въ передней?» — «Помилуйте, святый владыко, я очень знаю свое мѣсто.» — «Иди съ Богомъ». Благословилъ, и я вышла изъ пріемной съ радостію въ душѣ. На указъ мой тутъ-же соизволилъ святитель. Я матушку-игуменью довезла до сестеръ Озеровыхъ, гдѣ она останавливалась, а меня она

отпустила побывать у Мухановыхъ (подъ ихъ именемъ всегда подразумѣвалась Юлія). Не помню, какъ я добѣжала до ея дома, не помню словъ, какими мы другъ друга встрѣтили; помню только, что мы обняли другъ друга и плакали на взрыдъ отъ радости. Дѣти-сироты прыгали и ласкались ко мнѣ; потомъ пріѣхала Ек. Ал., опять новыя слезы радости. Когда мало-по-малу всѣ мы успокоились, пошли разспросы и разсказы. Между прочимъ я передала ей, что видѣла во снѣ мать Евгенію, грозную, будто она мною недовольна и что на меня напалъ сильный страхъ.—«Нѣтъ», сказала болящая, «это мечта смущеннаго и робкаго твоего сердца: бабушка утѣшается, что ты въ обители; она была у тебя, хотѣла возбудить тебя на правило, но ты мирно и спокойно спала; ей стало жаль тебя тревожить, и она удалилась. Она часто бываетъ у тебя. И я была у тебя, Дуня». И стала точь въ точь описывать мою келью. «Не смущайся ничѣмъ», продолжала Юлія, «все Господь приведетъ ко благому концу. Повѣрь, я видѣла Аносинъ монастырь во снѣ, все каменное строеніе, просто будетъ лавра». Сказывала, что́ въ какой день мнѣ приходилось дѣлать, въ какую ночь я кому прочитала акаѳистъ, или кому особенно помолилась.

Пробыли мы въ Москвѣ, конечно, недолго. Я изрѣдка получала отъ Юліи письма, а чаще извѣстія привозила Евд. Ал., которая постоянно ѣздила за покупками; да я и сама по послушанію стала нерѣдко бывать въ Москвѣ. У насъ была тяжба съ мельникомъ объ лугахъ Сѣтунской рощи, принадлежащей обители, и я непрестанно бывала то въ Звенигородскомъ Уѣздномъ Судѣ, то въ Гражданской Палатѣ въ Москвѣ; стало-быть, и свиданія съ болящей были нерѣдки. По возвращеніи изъ Москвы, насъ съ Евд. Ал. сдѣлали церковницами въ больничной церкви, гдѣ постоянно была служба. Потомъ поручили мнѣ учить монастырскихъ дѣвочекъ читать, писать, рукодѣлью. Стало-быть, время мое очень было занято и, сверхъ того, когда дома бывала, то постоянно была за церковной службой.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, кажется, въ началѣ Марта, по моемъ вступленіи въ обитель, сестру Настасью Семеновну помолвили за Ник. Серг. Кругликова, и меня выписали, чтобы ихъ благословить, какъ старшую въ семьѣ. Скоро и родственница наша Мар. Гр. къ нимъ совсѣмъ переѣхала на житье. Она съ самаго рожденія сестру любила, какъ свою родную дочь, няньчила, воспитывала, охлопачивала, и до самой своей кончины жила съ ними неразлучно.

Прошелъ годъ, и меня постригли въ рясофоръ, въ день Св. Іоанна Златоуста, 27 Января. Не хочу скрывать, что часто смущалась мыслію, видя безпорядокъ въ обители; потому что строгость правила, заведеннаго первою матушкою игуменьей, не была исполняема, но между

тѣмъ самое неисполненіе тяготило совѣсть всѣхъ. Не скудость средствъ меня тревожила, но безтолковость во всемъ надоѣдала мнѣ; я теряла терпѣнье, часто роптала, даже мелькала мысль: ужъ не перейти-ли куда въ другой монастырь. Поддержкой мнѣ и утѣшеніемъ были одна изъ старицъ обители, м. Ефросинья, и тогдашній духовникъ, намѣстникъ Саввина монастыря, отецъ Николай, оба твердаго, правдиваго нрава и обычая, и оба любили меня и старались укрѣпить противу встрѣчающихся столкновеній. Не видѣть безпорядка было невозможно; но теперь, разсуждая хладнокровно, можно было умиротворить себя. Правда, церковная служба была очень плоха; но какъ было ее отправлять продолжительно и по уставу, когда и теплая трапезная собора и больничная церкви были до невозможности сыры и угарны? Очень часто мы до заутрени обрубали ледъ со стѣнъ. Священники были стары; одинъ изъ причетниковъ самый необразованный и грубый, другой въ ипохондріи. Можно-ли было чего ожидать отъ нихъ и съ ними справиться? Пѣніе безобразное; да и сестры едва знали, и то нѣкоторыя, ноты. Протоіерей (изъ Вдовьяго Дома, въ Москвѣ), который училъ ихъ, былъ пристрастенъ къ пѣнію фигурному, простымъ не занимался; стало быть, и тутъ нельзя было ожидать хорошаго. Трапеза весьма плохая, конечно, сколько отъ безпорядка, столько же и отъ скудости. Хотѣлось купить повыгоднѣе и покупался запасъ несвѣжій. Оттого по кельямъ стряпня завелась. Купить одежду, обувь сестрамъ не на что; бѣдныя страдали, а кто имѣлъ средства дѣлали излишнее. Въ кельяхъ отъ ветхости невозможно было жить, а выстроить или поправить нѣтъ средствъ. Матушка-игуменья добрая женщина, преданная сердечно въ Бозѣ почившей матушкѣ Евгеніи, но не имѣющая вовсе способностей къ возложенному на нее дѣлу, и къ тому же была безъ всякихъ денежныхъ средствъ. Ею управляли многія, злоупотребляли ея довѣренностью, отчего происходили вражды, ссоры, нестроенія. Виновата-ли она была въ этомъ? Она скорбѣла сама, но выйти изъ этого положенія не могла, потому что была стѣснена со всѣхъ сторонъ; оттого часто раздражалась и взыскивала ошибочно. А ропотъ и безпорядокъ между тѣмъ возрасталъ все болѣе и болѣе. Часто Юлія убѣждала меня раскрыть все предъ владыкой; я не рѣшалась, боясь грѣха съ одной стороны, а съ другой—еще болѣе непріятности отъ м. игуменьи и огласки. Въ одно время, потерявъ терпѣніе, видя упадокъ въ обители совершенный, я написала все Юліи, высказывая, что думаю перейти въ другой монастырь. Она показала письмо владыкѣ, умоляя спасти обитель, которой угрожало разрушеніе. Однако, не смотря на неустроеніе общее, я любила сестеръ, добрыхъ, трудолюбивыхъ, простыхъ сердцемъ, радовалась, что могу хотя нѣсколько со-

образоваться съ ними въ пищѣ, одеждѣ, посильныхъ трудахъ; мнѣ всегда приходила мысль, что *лучше страдать съ людьми Божіими, нежели имѣть временную грѣха сладость*. Письмо мое—это было излитое на бумагу нетерпѣніе; и нынѣ я себя за это осуждаю, сдѣлавшись орудіемъ перемѣны. Но видно Господь наше дурное обращаетъ на благое и творитъ все на пользу.

Вскорѣ я пріѣхала по дѣламъ въ Москву, и Юлія посовѣтовала мнѣ просить владыку о перемѣщеніи меня въ другой монастырь, конечно, съ мыслію, чтобы заставить меня высказаться предъ нимъ. Я сіе и исполнила, раскрыла ему свою мысль, и святитель утѣшалъ меня, напомнилъ, что онъ впередъ мнѣ сказывалъ о предстоящихъ скорбяхъ, что тогда я говорила: *вся потерплю*, а теперь малодушіе, что безъ терпѣнія и спасеніе не близъ насъ и тому подобное, и отпустилъ съ миромъ. Вслѣдствіе сего, въ первый разъ, какъ мать-игуменья была въ Москвѣ съ просьбой о поправкѣ соборной церкви, въ коей потолокъ угрожалъ паденіемъ, и крыша совершенно проржавѣла, владыка, говоря съ нею, сказалъ, что надо приспособить человѣка, чтобы смотрѣть за постройкой, а иначе трудъ будетъ напрасный и дѣло начинать нельзя, и назначилъ меня къ этому дѣлу, приказавъ представить меня къ мантіи. Тутъ же онъ позвалъ меня и объявилъ свою волю, чтобы я приняла на себя послушаніе по стройкѣ. Во-первыхъ, я вовсе ничего не понимала въ строеніи, а во-вторыхъ, очень знала, что это будетъ источникомъ новыхъ непріятностей. Строя кое-какъ, только потеря денегъ, а строить какъ должно и дорого, и съ м. игуменьей сладить будетъ невозможно. Потому я и доложила святителю, что я въ постройкахъ не разумѣю и принять на себя этого послушанія не смѣю, а прошу его меня уволить. «Можетъ-ли быть», возразилъ владыко, «чтобы въ мірѣ, управляя большимъ имѣніемъ и домомъ, тебѣ не случалось ничего строить?» — «Однажды только перестроивала сарай, святый владыко». Видя, что дѣло не идетъ на ладъ, онъ меня отпустилъ, и какое рѣшеніе насчетъ стройки состоялось, не знаю. Только передѣлка была небольшая: потолокъ укрѣпили снизу брусьями, подвязавъ болтами, починили кое-какъ крышу, и то подъ присмотромъ купца Павла Григорьевича Цурикова. Его отецъ былъ человѣкъ добродѣтельный, имѣлъ мельницу и суконную маленькую фабричку въ нашемъ сосѣдствѣ, за пять верстъ, въ деревнѣ Ивановкѣ; онъ любилъ дѣлать милостыни, но тайно, часто и дѣти его о семъ не знали. И къ намъ ежегодно отъ *неизвѣстнаго* препровождалось нѣсколько подводъ съ годовымъ запасомъ гречневыхъ крупъ и солода, для трапезы и странниковъ. Открылось имя благотворителя въ день его кончины, когда сынъ его, наслѣдовавшій вполнѣ добродѣтели родителя своего, объявилъ м.-игу-

менѣ о постигшей кончинѣ отца, прося поминовенія и молитвъ о душѣ его. Съ тѣхъ поръ и доселѣ онъ истинный попечитель и отецъ обители, но о семъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Назначеніе святымъ владыкою меня грѣшной къ постриженію въ мантію смутило матерь игуменью: ей пришла мысль: не на ея ли мѣсто меня готовитъ архипастырь? Въ этомъ мнѣніи поддержали ее приближенныя, и она съ этихъ поръ была постоянно раздражена на меня. Она медлила представленіемъ, время шло, при каждомъ случаѣ владыка ее понуждалъ, а она все болѣе и болѣе смущалась; но однако дѣлать было нечего, и представленіе сдѣлано.

Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ болѣзненное состояніе Юліи все дѣлалось хуже и хуже. Я не могла ходить за ней, ибо пріѣзжала въ Москву хотя и часто, но не болѣе двухъ или трехъ дней оставалась съ ней. Взгляну на умирающую Юлію, поскорблю и опять должна уѣхать. Въ концѣ Ноября мѣсяца была я въ Москвѣ и застала ее въ страшныхъ страданіяхъ: чахотка соединилась съ водянкой, и она ни одной минуты не имѣла покоя. Послѣднее лѣто жила она на Перервѣ, по благословенію владыки, и ее оттуда привезли умирающую. Я не могу подробно описать послѣдніе дни жизни ея, сама не была при ней, а что̀ слышала, то помню неясно и боюсь перепутать. А только скажу, что видѣла и слышала отъ нея въ послѣднее ея свиданіе со мной. Увидя меня, она какъ бы ожила и не отпускала меня ни на минуту. Я провела ночь около нея; по временамъ страхъ находилъ на нее. «Отчего,» спросила я, «родная моя, вы страшитесь? Господь всегда являлъ вамъ Свою великую милость, и теперь васъ всячески спасетъ и помилуетъ».—«Ахъ, Дуня,» отвѣчала она, «какое на меня ужасное искушеніе! Я видѣла врага въ видѣ человѣка; онъ предлагалъ мнѣ здоровье, жизнь, всѣ блага, лишь бы я творила его волю; я отвергла и чувствовала его удары по всему тѣлу. Твори, Дуня, молитву и нѐ отходи отъ меня». Духовникъ ея С. Г. Терновскій посѣтилъ ее и утѣшалъ, сказавъ, что симъ она не лишается спасенія, что сильнымъ и сильныя искушенія бываютъ. «Надѣйся на Бога, и, какъ въ горнилѣ очищенная, душа твоя предстанетъ свѣтла предъ Господа.» Болящая умоляла меня еще остаться при ней, но послушаніе требовало возвращенія въ обитель, и хотя съ растерзаннымъ сердцемъ, я должна была предпочесть долгъ всему другому. Черезъ два или три дня по моемъ отъѣздѣ пришло извѣстіе о ея кончинѣ, послѣдовавшей 26-го Ноября 1853 года. Я должна была къ 1 Декабря быть въ Москвѣ, чтобы поздравить съ ангеломъ владыку-митрополита. Мать-игуменья отпустила меня ранѣе срока къ погребенію умершей страдалицы. Описать трудно, что̀ чувствовало мое бѣдное сердце. Новая глубокая рана и едва

ли исцѣлимая? Я не умѣю тебѣ разсказать, что̀ я дѣлала, какъ скорбѣла, и во мнѣ все какъ-то замерло, и мнѣ казалось, что и не слишкомъ жаль ея. А вездѣ было пусто и ничтожно, ни отъ кого ничего я не ожидала, ко всему я равнодушна! Когда я явилась съ поздравленіемъ отъ обители ко святителю и едва успѣла его выговорить, я возчувствовала всю скорбь свою, ибо знала, что онъ пойметъ ее, сама не помню, какъ упала къ стопамъ его съ горькими слезами, говоря, что теперь онъ у меня одинъ отецъ и наставникъ, что Господь отнялъ у меня утѣшеніе и всякую опору. Не умѣю передать словъ архипастыря и отца; но съ тѣхъ поръ онъ усугубилъ свою милость ко мнѣ грѣшной, часто бесѣдовалъ о усопшей страдалицѣ и подкрѣплялъ мое малодушіе въ перенесеніи этой скорби. Но премилосердый Господь, вѣдая сердца человѣческія, Самъ и врачуетъ тѣмъ, что̀ кому потребно. Скорбь объ утратѣ сокровища духовнаго Онъ разсѣялъ скорбію и смятеніемъ, направя путь мой къ новой заботѣ во всѣхъ отношеніяхъ.

Указъ о построеніи полученъ былъ скорѣе обыкновеннаго; но мать-игуменья, всегда смущенная, молчала о семъ. Въ Январѣ 1854 года она по обычаю отправилась съ отчетомъ, и владыка рѣшительно приказалъ ей совершить постриженіе и дать мнѣ имя Евгеніи, что̀ было говорено въ моемъ присутствіи. Подъ разными предлогами еще медлили и наконецъ дождались великаго поста. На первой недѣлѣ, когда всѣ мы говѣли, изъ суда пришла бумага по тяжебному дѣлу, и надо было отправиться въ Звенигородъ. Я зашла въ Саввинъ монастырь къ отцу намѣстнику и нашему духовнику отцу Николаю, въ Четвертокъ. Онъ весьма удивился, поворчалъ на мать-игуменію, что не во время посылаетъ, взялъ меня къ себѣ въ келью, поговорили, и я между прочимъ сказала ему, что постриженіе назначено на этой седьмицѣ, но что я смущаюсь, ибо пропустила службу цѣлаго дня. Онъ приказалъ готовиться къ Воскресенью. «А какъ тебя назвать?» спросилъ онъ. «Какъ вамъ угодно, батюшка,» сказала я. Простилась и, возвратясь къ себѣ въ обитель, объяснила матери-игуменьѣ, что я была у о. духовника, что онъ спрашивалъ, какое имя дать, что я оставила на его волю, ибо мнѣ было неловко и совѣстно о себѣ объяснять владыкино назначеніе и волю, «то вы, матушка, передайте все сами о. духовнику». Не знаю, почему она не объяснила ему о моемъ имени, вѣроятно отъ смущенія и разстройства, а только ему передала, какъ назвать рясофорную послушницу, которая готовилась къ малому образу въ этотъ же день. Надо сказать, что еще заранѣе я просила мать Евфросинью быть мнѣ матерью отъ Евангелія, чего не желала мать-игуменья, а мнѣ было не въ совѣсть изъ человѣкоугодія остановиться на выборѣ м. игумени, а оставить старицу, которую я почитала и которая сама меня любила

и всячески обо мнѣ заботилась. Къ тому же икону къ постриженію взяли Юліину (меня благословила), а не ту, что̀ мать игуменья дала при вступленіи. Все сіе раздражило матушку, да присныя еще прибавили, то и не мудрено понять ея тревожное состояніе. Настало время постриженія, надо вести уже въ церковь; вдругъ тревога: горитъ столярная; бѣготня, волненіе, но, слава Богу, скоро затушили. Вывели въ церковь, подвели къ налою, послѣ оглашенія духовникъ нарекаетъ имя *Елисавета*, мать-игуменья кричитъ: «*Евгенія.*» Какъ они спорили, я не слыхала почти (не до того было), но кончилось тѣмъ, что я осталась *Елисаветой*. Что̀ они дѣлали послѣ обѣдни, не знаю; моя умная старица ничего мнѣ не говорила, а только блюла, чтобы поддержать во мнѣ миръ душевный и молитвенное состояніе. Такъ въ духовномъ утѣшеніи и молитвѣ протекли въ церкви пять сутокъ. Вывели наконецъ плохаго воина на брань съ міромъ, плотію и дьяволомъ. Узнала я, что мать-игуменья отправила обычное донесеніе въ Московскую Духовную Консисторію, что постриженіе совершено, и имя наречено Елисавета. Владыка дѣлаетъ запросъ, почему сдѣлано вопреки его приказанію, а не Евгеніей наречена новопостриженная. Тогда наши монастырскіе совѣтники стали путать, что вѣроятно о. духовникъ имѣлъ откровеніе о имени или отъ старости не разслыхалъ, что̀ мать-игуменья ему говорила. О. духовника вызвали въ Консисторію къ допросу. Онъ былъ старецъ простой и прямодушный, все объяснилъ, какъ было и прибавилъ: «я никакого видѣнія не имѣлъ, а Евдокія живетъ просто, я и назвалъ ее просто.» Святый владыка, конечно, понялъ, что тутъ дѣйствовало раздраженіе, дѣло прекратилъ и замолкъ, а между тѣмъ приказалъ Е. А. Мухановой меня спросить, какъ все сіе происходило. Я, что̀ могла, отвѣчала, а иначе, право, не слыхала и не внимала. Святитель удовлетворился отвѣтомъ и выразилъ Мухановой: «Бывшая Евдокія права. Не ей должно было объяснять мою о ней волю; она по-монашески поступила; себя не должно выставлять ни передъ кѣмъ и никогда!» Настала Пасха, и мать игуменья отправилась уже съ Надеждой Николавной Макаровой (поступившей нѣсколько только мѣсяцевъ до меня въ обитель) къ владыкѣ со св. артосомъ. Онъ принялъ ее очень милостиво и отпустилъ съ миромъ; но вслѣдъ за ней послалъ къ ней же предписаніе, чтобы новопостриженная монахиня Елисавета-Евгенія явилась со старшей монахиней монастыря къ Субботѣ, т. е. 24 Апрѣля, на подворье. Мать игуменья ужасно смутилась, тѣмъ болѣе что посланный объявилъ за тайну, что вашу новую монахиню хотятъ ставить въ игуменьи, только не знаю куда. Въ это время скончалась игуменья Дѣвичья монастыря, и дѣлалось большое перемѣщеніе настоятельницъ. За мной и за матерью Евфросиньей послали кучера вер-

хомъ, который и засталъ насъ за обѣденной трапезой. Всѣ пришли въ смятеніе, воображая, что и насъ вмѣстѣ съ матерью-игуменьей требуютъ къ суду *объ имени*; а иныя догадывались: ужъ Елисавету не въ игуменьи-ли куда? Кто отъ страха доносовъ, кто по недоброжелательству, но никто насъ смущенныхъ не проводилъ, только Евдокія Алексѣевна да безумная Матренушка. Собрались въ полчаса, едва кучеръ успѣлъ пообѣдать да другую лошадь въ телѣгу заложить. Я ничего съ собою не взяла кромѣ камилавки, а въ чемъ дома была, въ томъ и отправилась. Къ вечеру пріѣзжаемъ въ Москву. М.-игуменья и не смотритъ на насъ. «Завтра вамъ обѣимъ надо на подворьѣ быть къ 10 часамъ». Болѣе разговора не было. Рано утромъ встали съ матерью, другъ друга старались ободрить и пѣшкомъ потащились на Троицкое подворье. Доложили святителю. Мать оставили въ передней, меня позвали. По обычаю, помолясь, принимаю благословеніе. «Садись», сказалъ владыка, «какъ у васъ произошло смятеніе о назначенномъ тебѣ имени?» Я отвѣчала, что подробно не могу доложить, ибо не слыхала ясно ихъ рѣчей (мысль болѣе была погружена въ предстоящее мнѣ великое дѣло), а повторила тоже, что и Екатеринѣ писала. Владыка сказалъ: «Безъ сомнѣнія всѣ святые святы и всѣ имена равны; но ты не погнѣваешься на меня, ежели я тебѣ перемѣню имя?»—Какъ будетъ вамъ благоугодно», отвѣчала я, «святый владыко; но мнѣ будетъ жаль моего имени, я съ нимъ свыклась уже, оно досталось мнѣ съ крестомъ.»—«Съ какимъ?»—«Сопряжены были конечно со всѣмъ этимъ смятеніе и непріятность; впрочемъ никогда и ни въ чемъ прекословить не смѣю, владыко святый.» — «Подобное случилось при митрополитѣ Платонѣ. Іеродіакону, во время постриженія, дано было имя (я не помню какое, очень мудреное, назвалъ владыко), митрополиту не понравилось, и онъ его измѣнилъ при служеніи на другое.» — «Какъ вамъ угодно, святый владыко». Святитель пристально и съ улыбкой смотрѣлъ на меня.—«Скажи мнѣ, кто могъ бы годиться въ настоятельницы изъ вашего монастыря?»—«Не знаю и не умѣю сказать, святый владыко».—«Однако?»—«Кажется никто. М. Евфросинья не глупая и правдивая, но книжнаго образованія никакого, писать не умѣетъ.»—«А еще нѣтъ-ли кого?»—«Не знаю, владыко святый». Владыка продолжалъ: «Игуменья мнѣ сказала, что ты послѣ постриженія еще не говѣла; исповѣдайся, а завтра, въ Воскресенье, приходи къ обѣднѣ, я буду служить, перемѣню тебѣ имя и пріобщу тебя». «Владыко святый, м.-игуменья смутится.» — «А мнѣ что за-дѣло до твоей игуменьи? Есть-ли у тебя кто знакомый изъ духовныхъ?»—«Протоіерей отъ Троицы на Арбатѣ, духовникъ почти съ дѣтства моего и всей нашей семьи.»—«Хорошо, пойди къ нему и моимъ именемъ скажи, чтобы онъ тебя исповѣдалъ;

а игуменьѣ скажи, что ежели желаетъ, можетъ съ тобою завтра придти въ церковь. Иди съ Богомъ!» Въ недоумѣніи и смущеніи возвратились мы къ м.-игуменьѣ. Я передала о приказаніи владыки, но не упомянула о томъ, что можетъ придти со мною: смутно меня тревожила мысль, не будетъ-ли поставленія въ игуменьи и, зная ее, боялась или истерики или чего подобнаго. Она мнѣ ничего не отвѣчала, а своимъ приближеннымъ дала замѣтить, что вѣроятно митрополитъ хочетъ поставить меня въ игуменьи. Вечеромъ исповѣдалась я у Сергѣя Ивановича, взяла форменное донесеніе, что получила разрѣшеніе, и пошли мы съ м. Евфросиньей пѣшкомъ на подворье, а потомъ, видя, что близко къ 9 часамъ, взяли извозчика и явились прямо къ помощнику секретаря Николаю Васильевичу Данилову, чтобы онъ передалъ донесеніе Сергѣя Ивановича. Самъ секретарь уже былъ старъ и, кажется, въ ударѣ, дѣлами не правилъ, но все занималъ свои комнаты и званіе секретаря. Едва вошли мы къ Николаю Васильевичу, онъ проситъ садиться меня на диванъ и подходитъ къ ручкѣ. Я не опомнилась. Что̀ съ нимъ? думала я. Всегда онъ обращается съ нашей братіей весьма запросто; что̀ значитъ эта учтивость? Пошли на верхъ. Бѣжитъ келейникъ его высокопреосвященства съ извѣстіемъ, что владыка уже раза три спрашивалъ, пришли-ли мы? И опять побѣжалъ доложить, что мы явились. Вижу, необычайная суета; всѣ бѣгаютъ, шепчутся; я себя не помню. О. Парѳеній, старикъ-келейникъ владыки, обратясь къ м. Евфросиньѣ, спрашиваетъ: «А мантія гдѣ?» — «А развѣ нужно? Съ нами нѣтъ мантіи». Скорѣе послали куда-то въ ближайшій монастырь, принесли. Надѣваю, едва не до колѣнъ, ряса поношенная, покрывало старое, даже съ дыркой на лбу. Но мнѣ было не до того: волненіе, страхъ одолѣвали меня, мысль о поставленіи въ настоятельство тискалась въ голову; но я, какъ вражіе наитіе, отгоняла ее молитвой; однимъ словомъ, была едва живая отъ тревоги. Въ это время несутъ посохъ. Я все поняла и, видно, измѣненіе въ лицѣ такъ было примѣтно, что о. Парѳеній сталъ меня уговаривать. «Не бойся, матушка», говорилъ онъ, «это благодать Господня». — «Не хочу я этой благодати. Бога ради, подите, скажите владыкѣ, прежде чѣмъ идти въ церковь, чтобы онъ дозволилъ войти къ нему.» — «Это невозможно: владыка готовится къ служенію». — «Не могу иначе пріобщаться». Надо было уступить моему безумію. Пошелъ Парѳеній; выходитъ и говоритъ мнѣ, что владыка приказалъ подойти къ нему, когда пойдутъ черезъ залъ и сказать, что̀ мнѣ нужно. Черезъ нѣсколько минутъ двери изъ зала въ переднюю, гдѣ мы сидѣли, отворились, и святитель, окруженный сослужащими, какъ свѣтлый ангелъ, шелъ приносить безкровную жертву Господеви Богу своему. Онъ остановился. Я почти потеряла чувство, сижу на

лавкѣ, ни съ мѣста, ноги не двигаются. Святитель ждетъ. Наконецъ, не помню какъ, я очутилась около него. «Что̀ такое, что̀ это значитъ?» повторяла я несвязно.—«Ничего. Игуменья Анастасія переводится въ Серпуховской Владычній монастырь; ты должна занять ея мѣсто». Сказавъ это, прошелъ мимо меня въ церковь. Я окаменѣла безъ сознанія, безъ мысли; сама не знаю, какъ и кто повелъ меня въ церковь и поставилъ у окошечка, гдѣ обыкновенно ставятъ поставляемыхъ; была со мною одна м. Евфросинья, никого изъ монашествующихъ. Обѣ мы ничего не вѣдали, ни порядка посвященія, ни обычая подворскаго. Когда, во время литургіи уже, святитель прочелъ молитву посвященія и нарекъ обитель св. мучениковъ Бориса и Глѣба, все разъяснилось, и Надежда Николаевна, посланная м.-игуменьей узнать о совершающемся, подошла поздравить меня. Я, помня только, что владыка сказалъ игуменьѣ придти со мной, а я о семъ умолчала, прямо говорю Надеждѣ Николаевнѣ: «Передай все м.-игуменьѣ и скажи, чтобы ѣхала домой сегодня же», что̀ она исполнила съ обычною ей точностію, какъ и всегда. Какъ я пріобщалась Св. Таинъ, не могу себѣ дать отчета, точно во снѣ. По окончаніи литургіи, св. владыка вручилъ мнѣ посохъ, сказавъ въ краткихъ словахъ поученіе. Не умѣю передать его слово въ слово. Онъ говорилъ, что «такъ какъ Св. Григорій Назіанзинъ передалъ престолъ святительства сыну своему Григорію Богослову, такъ и бабка твоя передаетъ тебѣ обитель ею устроенную; блюди ее, подражай смиренію въ Бозѣ почившей основательницы, держи ея правила»; а остального не помню: я слишкомъ была поражена, чтобы подробно удержать въ мысли сказанное. Всѣ вышли изъ церкви. Прочли мнѣ благодарную молитву по пріобщеніи. Не знаю, куда мнѣ дѣваться; одинъ говоритъ такъ, другой иначе; наконецъ, попадается вѣрный и постоянный служитель владыки Яковъ Ѳедоровичъ; у него спросили; онъ доложилъ и принесъ отвѣтъ, чтобы нынѣ отдохнула, а завтра въ 10 часовъ пришла бы. Выхожу въ переднюю—вся полна разнаго рода людьми: іеродіаконы, служки, пѣвчіе, кучера, повара; однимъ словомъ, все подворье. Всѣ поздравляютъ, а чѣмъ благодарить? Нужны деньги, а у насъ обѣихъ нѣтъ ничего. Я смутилась, а моя старица преспокойно имъ говоритъ: «Батюшки, простите, Бога ради; у насъ нѣтъ ничего, у обѣихъ только три гривенника».—«А экинажъ прикажете подать?» кто-то спросилъ. «И, отецъ мой; да мы сюда притащились половину дороги пѣшкомъ, а то на извозчикѣ. Ужъ послѣ новая игуменья васъ поблагодаритъ». Всѣ разсмѣялись и разошлись. Едва дошла я до двери стараго секретаря, встрѣчаю Любовь Яковлевну (жену о. духовника Сергія Ивановича), идетъ отъ него, а онъ провожаетъ ее, зоветъ и насъ къ себѣ. «Поздравляю тебя, матушка», сказалъ доб-

рый старикъ-секретарь, «тебя, какъ св. Александра Угольника, взяли съ угольной ямы; дай Богъ тебѣ достигнуть въ его мѣру. Любовь Яковлевна, сжалься надъ игуменьей, возьми ее въ свою пролетку.» Любовь Яковлевна обняла меня со слезами; она была въ церкви и все видѣла, посадила съ собой. М. Ефросинія сѣла на извозчика, и всѣ явились къ о. духовнику, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ жены, ибо послалъ ее узнать, что̀ будетъ со мной. Старецъ съ отеческою любовью встрѣтилъ меня, и до отъѣзда въ обитель я у него прожила.

Исполняя приказаніе, я на другой день отправилась на подворье. Владыка принялъ меня въ длинной комнатѣ. Когда я вошла, онъ пристально смотрѣлъ на меня. «Кто тебѣ сказалъ о твоемъ поставленіи?» — «Никто, святый владыко; я догадалась, когда увидѣла, что принесли посохъ». Святитель улыбался во все время; казалось и ему самому страннымъ, какъ все это совершилось. «А гдѣ игуменья, почему не пришла съ тобою вчера?» — «Она уѣхала въ обитель; я думаю, для нея весьма тяжела эта перемѣна». — «Тебѣ по всему еще бы рано занять новую твою должность, но никто къ вамъ не идетъ: и сурово, и скудно». Я до того оробѣла, что рѣшительно не находила словъ, а благодарить мнѣ казалось безсмысленно. «Пробудь здѣсь», продолжалъ святитель, «пока получишь указъ изъ консисторіи на принятіе монастыря. А кого ты желаешь для ввода въ обитель, благочиннаго вашего, или Саввинскаго намѣстника?» — «Дозвольте, святый владыко, Саввинскаго о. намѣстника; онъ же намъ и духовникъ. Все обойдется простѣе». — «А сумѣетъ-ли онъ защитить тебя, ежели въ пріемѣ обители будутъ какіе недостатки и недоразумѣнія?» — «Я надѣюсь, владыко святый, что будетъ мирно; но ежели бы что̀ и случилось, о. намѣстникъ никакъ не дастъ меня въ обиду». — «Пока будешь въ Москвѣ ожидать указа, побывай у всѣхъ игуменій». — «Владыко святый, я никого изъ нихъ не знаю; что̀ же мнѣ съ ними говорить?» — «Проси ихъ молиться, для прохожденія новаго для тебя поприща». Потомъ наставлялъ, какъ въ духѣ кротости и смиренія должно себя держать и стараться любовію привлечь къ себѣ сестеръ обители, какъ поддержать правило общежитія и водворить порядокъ, бывшій при покойной бабушкѣ, и все говорилъ съ отеческою милостію и любовью.

Наконецъ, я получила указъ, приняла благословеніе архипастыря, расплатилась за всѣ поздравленія и отправилась въ сборномъ экипажѣ въ обитель, т.-е. лошади сестеръ Озеровыхъ, кучеръ взятъ Глѣбова, тарантасъ дяди кн. Мещерскаго, а сзади привязанъ былъ мѣшокъ луку, ибо въ обители не было на сѣмена, а время было садить его.

Трудно описать весь страхъ, который одолѣвалъ меня, когда я подъѣзжала къ монастырю. Проживши четыре года, я знала настроеніе

сколько начальствующихъ, столько всѣхъ прочихъ; понимала, какой подвигъ терпѣнія предстоитъ во всѣхъ отношеніяхъ; о скудости и говорить нечего. Но все было рѣшено, и надо было вступать въ поприще. Подъѣхали къ воротамъ обители, гдѣ намѣстникъ Саввинскій о. Николай, наше монастырское духовенство съ крестомъ и св. иконами, м.-игуменья съ посохомъ, казначея съ хлѣбомъ и солью и всѣ сестры ожидали меня. Не помню, какъ я вышла изъ тарантаса, приложилась къ св. иконамъ; м.-игуменья подала мнѣ посохъ, сказавъ, что передаетъ обитель моему попеченію. Мы одна другой поклонились въ ноги. Пошли въ церковь, прочли указъ, поставили меня на игуменское мѣсто, литія, многолѣтіе, вечерня, и потомъ я отправилась въ кельи настоятельскія, гдѣ была приготовлена закуска. М.-игуменья не пошла; казначея, кажется, тоже. Затѣмъ всенощная, ибо пришлось мое прибытіе 1-го Мая, наканунѣ храмового праздника святыхъ благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба. Литургія на другой день и завтракъ были сопровождены также смущеніемъ, чего и ожидать было должно.

*

„Болящая Юлія"—главное лицо въ судьбѣ досточтимой игуменьи Евгеніи, съ которою познакомились теперь читатели „Русскаго Архива", лицо необыкновенное и таинственное. Это Юлія Николаевна Петрова. Вѣроятно, когда-нибудь отыщется упоминаемое игуменьей Евгеніей жизнеописаніе ея, въ бумагахъ, оставшихся послѣ Прасковьи Алексѣевны Мухановой (и къ сожалѣнію разошедшихся по рукамъ, кромѣ тѣхъ, которыя переданы ею на храненіе въ Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ). „Болящая Юлія" принадлежитъ къ тому ряду явленій и къ той области, которые внушили вѣщему поэту стихи про тихій, свѣтлый ключъ, утоляющій духовную жажду Русскаго народа:

И онъ течетъ неизсякаемъ,
Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу, да Его святымъ.

Въ Москвѣ еще живы многіе, знавшіе „болящую Юлію", именно въ томъ видѣ, какъ она изображена игуменьею Евгеніей. Митрополитъ Филаретъ многократно упоминаетъ о ней въ своихъ письмахъ, изданныхъ архіепископомъ Саввою (Тверь 1888); а въ письмѣ его къ Троицкому архимандриту Антонію, недовѣрчиво относившемуся къ Юліи, отъ 11-го Октября 1855 года (съ помѣтою *весьма секретно*) читаемъ:

„*О Петровой* мало я говорилъ вамъ, потому что вамъ ея состояніе не казалось хорошимъ, а мнѣ казалось хорошимъ, хотя и не совершеннымъ; и я не хотѣлъ опираться на свое мнѣніе. Но я зналъ о ней немало примѣчательнаго. Не задолго до своей смерти, въ болѣзни, она видѣла себя

въ путешествіи въ Кіевъ. Имѣла потомъ значительное облегченіе и имѣла, кажется, надежду, что видѣнное сбудется; однако не сбылось. Но иное сбывалось необыкновеннымъ образомъ. Съ нею бывало такое состояніе, что она видѣла въ духовномъ мірѣ, сохраняя сознаніе видимаго, чувственнаго міра, и тогда скрывала видѣнное въ духовномъ мірѣ; но иногда теряла при семъ сознаніе видимаго міра, и ея необыкновенное состояніе могло быть примѣчено. Для сего старались удалять отъ нея постороннихъ; но одна хрістіанская подруга ея *) имѣла къ ней всегда безпрепятственный входъ. Такимъ образомъ однажды, вошедши къ ней, услышала, что она уговариваетъ султана не начинать войны съ Россіей. Это было гораздо ранѣе посольства князя Меншикова, когда никто не думалъ о войнѣ съ Турціей. Года за два или за три до кончины покойнаго Императора она говорила, что жизнь его не продолжится и что врачъ не безъ вины будетъ.

О видѣніи Преподобнаго Сергія въ ризницѣ она мнѣ написала записку, сказавъ, что видѣла во снѣ, какъ обыкновенно выражалась, когда открывала нѣчто изъ своихъ видѣній. Къ преподобному Сергію она имѣла особенную вѣру и признавала многія отъ него ей милости. Въ первое время болѣзни моей матушки она прислала мнѣ просфору, принесенную за ея здравіе, съ запискою, въ которой сказала, что это послѣдняя изъ сорока, ежедневно приносимыхъ, и что это ей велѣно было сдѣлать. Мнѣ примѣтно было, что матушка проходила въ сіе время нѣкоторое душевное состояніе, которому особенно приличествовала молитвенная помощь и которое потомъ перемѣнилось на лучшее. Несомнѣнно вѣрное слово: Пришедшу слову, познаютъ пророка“ (Іерем. 28, 9).

Конечно, о видѣніи этой же бѣдной Харьковской дворянки (поселившейся съ 1841 года въ Москвѣ для излѣченія отъ болѣзни) Филаретъ говоритъ въ достопамятномъ и доселѣ необъясненномъ письмѣ своемъ къ императору Александру Николаевичу, писанномъ въ Апрѣлѣ 1866 года (Собраніе мнѣній м. Филарета, т. V, ч. 2-я, С.-Пб, 1888, стр. 881-я).

Духовникомъ „болящей Юліи“ былъ протоіерей Сергій Григорьевичъ Терновскій, что́ у Серпуховскихъ воротъ. Невольно вспоминается намъ другая духовная его дочь, дѣвица Марья Васильевна Киреевская († 11 Сентября 1859), сестра извѣстныхъ писателей: отъ нея, какъ и отъ игуменьи Евгеніи, вѣяло святынею живой вѣры; да и въ общественномъ и семейномъ положеніи обѣихъ было сходство. П. Б.

*) Вѣроятно говорится про Екатерину Алексѣевну Муханову, сестру Прасковьи Алексѣевны. Когда Екатерина Алексѣевна скончалась, митрополитъ Филаретъ безъ зова пріѣхалъ къ Мухановымъ въ домъ ихъ на Остоженку и отслужилъ панихиду. П. Б.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ [1]).

Пріемка монастыря окончилась скоро и благополучно. Привязываться къ пустякамъ было бы и грѣшно, и неразумно. И такъ свели счеты вѣрно, и въ наличности денегъ принято 300 рублей ассигн., а затѣмъ разрушеніе во всемъ. Какой-то недовѣрчивый на меня взглядъ сестеръ, недоброжелательство, у иныхъ сплетни, толки! Но что̀ всего грустнѣе, кромѣ немногихъ старицъ возросшихъ духовно подъ руководствомъ покойной матушки Евгеніи, стадо совершенно распущенное, непривыкшее даже ко внѣшнему порядку, не говорю уже о какомъ либо духовномъ расположеніи или понятіи. Вотъ въ какомъ жалкомъ состояніи Господь привелъ меня принять Борисоглѣбскую обитель!

Мать игуменья не медлила долго: среди общаго плача, отслужа молебенъ Тихвинской Б. Матери и панихиду о упокоеніи матушки Евгеніи, уѣхала въ Москву и потомъ въ Серпуховъ, мѣсто своего назначенія. Жаль было видѣть старушку. Ей было тяжко до невозможности разстаться не только съ обителью, но со своей родиной, съ прахомъ родителей своихъ, погребенныхъ въ обители. Нѣкоторыя сестры выѣхали съ нею: воспитанница ея Ѳедосья, еще нѣсколько, и въ скоромъ времени монахиня Рафаила Ровинская [2]). Я же отправилась въ Москву съ донесеніемъ о принятіи и, возвратясь съ милостивымъ благословеніемъ и наставленіемъ отца и владыки, стала мало по малу вникать и приниматься за дѣла общежитія.

Слыхала я отъ мудрыхъ и читала сама у св. отцовъ, что, желая водворить духовный порядокъ, надо прежде дать благоустроеніе и возможность въ необходимомъ для жизни. И такъ моя забота обратилась на разрушенныя до зѣла̀ сестринскія кельи. Полы одинакіе, и тѣ гнилые, холодъ, сырость, тѣснота, половицы въ полахъ проваливались отъ ходьбы; всего разрушенія описать невозможно. Настояла необходимость строиться. Первой вкладчицей явилась А. И. Хохлова. Она желала помѣститься около обители и предложила выстроить маленькую

---

[1]) См. 3-й выпускъ „Русскаго Архива“ сего года, стр. 321.

[2]) Впослѣдствіи игуменья Московскаго Вознесенскаго монастыря.

гостинницу (вмѣсто избы, которая носила это имя) съ тѣмъ, чтобы по жизнь давались ей помѣщеніе, дрова и пища. Владыка соизволилъ. Хохлова внесла 1000 р. сер., купецъ С. пожертвовалъ лѣсу; но сего было недостаточно на построеніе гостинницы. Въ тоже время сдѣлана была и представлена смѣта на устройство каменнаго корпуса для сестринскихъ келій и домовъ священно-церковно-служителямъ. Нужно было заготовить и для сихъ построекъ лѣснаго матеріала, для чего подано было прошеніе на вырубку въ монастырской лѣсной дачѣ. Святый владыка взялъ на себя исходатайствовать у Св. Синода скорѣйшее разрѣшеніе. Въ Январѣ подана смѣта, а въ концѣ великаго поста разрѣшена рубка. Когда я представляла смѣту на каменный корпусъ, то всей суммы имѣлъ монастырь 300 р. асс. Что̀ можно было сдѣлать? Я со смущеніемъ ожидала рѣшенія моего владыки и отца. «Молись больше, Господь не оставитъ», сказалъ онъ мнѣ и разрѣшилъ стройку. Въ это самое время изъявила желаніе вступить въ обитель купчиха Туровская, сама отнеслась къ владыкѣ съ просьбой о помѣщеніи, потомъ мнѣ объявила, и я съ согласія святителя приняла ее. Она при вступленіи своемъ внесла 3000 р. сер., двѣ для построенія келій, а одну для домовъ причта, отъ поддержанія коихъ помѣщица села Аносина, моя родная сестра, В. С., по недостатку средствъ, должна была отказаться, взявъ только на себя обязанность доставлять каждому изъ нихъ по четыре сажени дровъ.

Вдругъ получить 4000 р. сер. была неожиданная и великая помощь, явное Божіе милосердіе за святительскія молитвы и за предстательство нашей покойной матушки Евгеніи. Приступить къ такой трудной и большой постройкѣ, не имѣя ни малѣйшаго опыта, меня крайне смущало. Что̀ дѣлать? Съ чего начать? Отнеслась я къ доброму и почтенному старцу о. Николаю, намѣстнику Саввина монастыря и нашему духовнику, прося его молитвъ и благословенія отправляться въ лѣсъ и начать рубку, какъ Богъ поможетъ. Онъ отклонилъ меня, представя, во первыхъ, мое незнаніе, а во вторыхъ, слабость женской силы на такую работу въ самую раннюю весну, по снѣгу и слякоти, и отправилъ на это дѣло своего казначея, іеромонаха о. Галактіона, который съ тѣхъ поръ и до нынѣ прикомандировывается начальствомъ къ важнымъ постройкамъ монастыря. Много меня облегчила эта помощь; но не безъ скорби она мнѣ досталась; много было столкновеній, смущеній, но терпѣніе все преодолѣть можетъ. При помощи Божіей гостинница была окончена. Кромѣ шести номеровъ для пріѣзжающихъ, устроено отдѣленіе для г-жи Хохловой, въ которомъ она поселилась и доселѣ живетъ и благодаритъ Бога. Каменный корпусъ для келій монашескихъ началъ воздвигаться, шло довольно успѣшно; но нако-

нецъ средства наши совершенно истощились. Я рѣшилась сдѣлать заёмъ, чтобы не задержать уплаты рабочимъ. Являюсь къ святителю съ прошеніемъ.

«Никогда не позволю долга, сказалъ онъ мнѣ, это разоренье монастырю; оставь прошеніе у меня, а завтра приди за отвѣтомъ». На другой день являюсь со страхомъ узнать о рѣшеніи. Вхожу. Владыка бросилъ свой свѣтлый взоръ на меня и съ улыбкой сказалъ: «Возьми свою бумагу съ отвѣтомъ и сочти». Боже мой! 500 р. сер. Я бросилась къ его ногамъ; только слезы свидѣтельствовали о моей благодарности. Кому приходилось оставаться съ 5 копѣйками на 120 человѣкъ да стройкою цѣлаго корпуса на рукахъ, тотъ пойметъ легко мое чувство.—«Будетъ-ли на расплату съ рабочими въ настоящее время?»—«Достаточно, владыко святый».—«Молись, не унывай; Господь не оставитъ». Всѣхъ милостей, всего отеческаго попеченія святителя и благодѣтеля описать невозможно. Каждое его слово было слово совѣта и благодатнаго разума; онъ былъ опора и утвержденіе моей немощи; истинно страшилась я не только предпринять что либо безъ его соизволенія, но даже самомалѣйшее дѣйствіе свое и начинаніе повергала въ его премудрую отеческую волю.

Дѣла шли тихонько. Безпокоило меня странное настроеніе сестеръ обители. Всѣ добрыя, всѣ трудолюбивыя, но всѣ неимѣющія ни малѣйшаго понятія ни о чемъ духовномъ. Старицъ, воспитанныхъ покойной матушкой Евгеніей, оставалось мало; онѣ не могли словомъ своимъ удержать все общество, не привыкшее слушать старшихъ. Даже иныя и старыя вмѣсто добраго совѣта юнымъ и вновь вступавшимъ толковали небылицы и утверждали, что ихъ мнѣніе право. Довольно сказать, что почти всѣ считали грѣхомъ читать Св. Евангеліе въ келіи своей. Бывало, выду на монастырь, меня увидятъ и разбѣгутся какъ овцы, прячутся безъ всякой причины. Довольно сказать: «Игуменья идетъ», чтобы всѣхъ привести въ смущеніе. Часто, объясняя владыкѣ скорбь мою о семъ, объясняла я и недоумѣніе мое, какъ привести къ нѣкоторому устроенію. «Изъ новыхъ готовь людей», говорилъ онъ, «къ служенію обители, хотя ими тебѣ и не пришлось бы пользоваться». Много стоило усилій уничтожить этотъ безсмысленный страхъ, но Господь Самъ своимъ милосердіемъ помогалъ и мою немощь подкрѣплялъ Своею благодатью для возстановленія распадавшейся обители. Туровская недолго нажила въ монастырѣ: уставъ и нѣкоторое водвореніе порядка ей показались невмѣстимыми, и она перешла въ Хотьковъ. Дивное дѣло: точно для того помѣстилась у насъ, чтобы дать помощь обители. Кромѣ взноса денежнаго остались и другіе ея вклады, нѣкоторыя иконы и проч. Впослѣдствіи многія вступавшія прино-

сили посильные вклады, которые всѣ, съ разрѣшенія владыки, употреблялись на построеніе келій и принадлежностей. «Все равно», говорилъ онъ, «придетъ время, возмутъ въ казну капиталы монастырскіе; пользуйся приношеніями для устроенія обители».

Съ самаго начала моего вступленія я познакомилась ближе всѣхъ съ живущей въ Аносинѣ Надеждой Николаевной Макаровой, образованной и умною дѣвицей изъ купеческаго сословія. Я всегда видѣла въ ней добраго и способнаго человѣка; со вступленіемъ же въ должность настоятельницы обратила на нее полное вниманіе и, по выходѣ изъ монастыря монахини Рафаилы Ровинской въ Серпуховской Владычній монастырь къ и. Анастасіи, я передала ея послушаніе письмоводительницы Надеждѣ Николаевнѣ; всегда находила въ ней разсужденіе, духовную начитанность и усердіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и много самомнительности. Во многомъ не сходились мы; но я надѣялась, что время, опытъ, наконецъ моя любовь и довѣріе побѣдятъ ея упорную мысль къ отдаленію себя отъ монашества и отъ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ обители. Оттого я держала ее постоянно въ самомъ близкомъ къ себѣ отношеніи; она тоже много благодѣтельствовала обители и содѣйствовала своими средствами въ постройкахъ.

На первый годъ моего управленія монастыремъ, и тебя, мое доброе чадо, привелъ твой дѣдушка, о. намѣстникъ Саввинской Николай, въ обитель. Ты знаешь, что я чтила его и любила не только по долгу какъ духовника, но какъ вѣрнаго слугу Божьяго. Я чуяла въ немъ его смиренный и правдивый нравъ и крайнюю простоту. Смотри промыселъ Божій! Привелъ онъ тебя почти обманомъ, безъ твоего хотѣнія, сироту бѣдную, безпріютную. Ему желалось уневѣстить тебя Христу, а ты отбивалась отъ безсмертнаго Жениха всѣми силами! Вручилъ онъ мнѣ грѣшной всю тебя: и душу, и тѣло твое на воспитаніе. Предъ иконой Царицы Небесной истинно приняла я тебя отъ руки его, какъ отъ десницы Божіей. Виждь же, чадо мое, виждь благость Божію! И нехотящихъ насъ идти подъ легкое бремя Христово благость Его привлекаетъ, и нежелающихъ насъ вкусить отъ благъ обѣтованныхъ дѣвствующимъ силою ведетъ въ чертогъ Свой! Кто станетъ около престола Его величія въ ризахъ бѣлыхъ? Тѣ, кои не осквернили плоти своей и сердца и помышленія своего похотію плотскою Блюдись, милое чадо, иди путемъ Христовымъ, не посрами упованія старцева, ни меня убогой и грѣшной. Люби Господа, ищи Его, призывай на каждой минутѣ, отставай по маленьку отъ жизни плотской и внѣшней, стремись ко Господу, моя родная; молись, да водворитъ Онъ Всеблагій души наши въ мѣстѣ покоя! А начинай съ постояннаго сознанія немощи твоей, приноси Ему покаяніе простое, дѣтское,

ежедневное. Проси спасенія, и подастъ его. Онъ покрылъ тебя Своею милостію всячески; воздай Ему заботою о душѣ твоей. Ему ничего болѣе не нужно, какъ спасеніе наше. О Господи Всеблагій, ими же вѣси судьбами, спаси насъ! Что̀ воздамъ Господеви, еже воздаде ми? Чашу спасенія пріиму и имя Господне призову!

Наконецъ, послѣ немалой скорби и вмѣстѣ непрестанной помощи Божіей, каменный корпусъ былъ довершенъ. Я не умѣю выразить того чувства душевнаго утѣшенія, которое объяло мое сердце, когда внесли св. иконы и началось молебствіе на освященіе келій. Это было какое-то чудо: изъ ничего создался корпусъ! Есть убѣжище теплое, удобное хотя нѣсколькимъ сестрамъ! Я плакала, какъ ребенокъ. Надо было видѣть и восторгъ сестеръ; имъ онъ казался царскимъ дворцемъ; онѣ не помнили себя отъ радости, обнимались, поздравляли одна другую, а тѣ, которымъ досталось жить въ немъ, не знали мѣры своему благополучію. Такъ какъ это зданіе примыкало къ больничной церкви, а она была въ самомъ жалкомъ состояніи и по ветхости, и по безобразію, то надо было за нее приняться, тѣмъ болѣе, что главный соборъ тоже былъ въ упадкѣ и не могъ долго стоять безъ значительныхъ поправокъ. Предвидя это, надо было устроить больничную церковь такъ, чтобы безъ большаго утѣсненія могла совершаться постоянная служба. Опять недоумѣніе, какъ безъ средствъ приняться за перестройку церкви? Говорила я о семъ святителю; онъ, не предвидя средствъ, ничего не рѣшилъ. Также требовалось выстроить настоятельскія келіи, которыя пришли въ совершенное разрушеніе, и амбары для запасовъ, ибо крыши въ обоихъ зданіяхъ были до того ветхи, что дождь лилъ все равно, что на дворѣ. Опять Господь явилъ Свою помощь. Въ это время дѣвица изъ дворянъ, П. И. Старинкевичъ, поступила въ обитель, внесла 2000 р. сер., а чрезъ владыку я получила 1000 р. на поправку больничной церкви, и опять начали готовить матеріалъ для стройки. А моему сердцу готовились новыя скорби: добрая Екатерина Алексѣевна Муханова скончалась, вручивъ мнѣ свой дневникъ о болящей Юліи съ приказаніемъ владыки хранить его въ ризницѣ монастырской, пока будетъ угодно Господу привести его въ извѣстность. Скорбно было на вѣки съ ней проститься. Добрая была душа! Господь даровалъ ей мирную и христіанскую кончину. Упокой ее, Господи! За этимъ вслѣдъ, добраго, почтеннаго намѣстника Саввинскаго и нашего духовника о. Николая перевели въ Бѣлопесоцкій монастырь. Опять слезы; жаль было разстаться со старцемъ правдивымъ, простымъ, къ намъ искренно благорасположеннымъ, тѣмъ болѣе, что и онъ не желалъ перемѣщенія и со скорбію оставилъ монастырь и насъ убогихъ.

На его мѣсто назначенъ былъ его казначей іеромонахъ о. Галактіонъ, а его замѣнилъ переведенный изъ Ново-Спасскаго монастыря намѣстникъ о. Стефанъ. Я лично его не знала, но онъ былъ духовникомъ и руководителемъ въ мірѣ Авдотьи Александровны и черезъ нее имѣлъ со мною сношеніе. Былъ человѣкъ умный, образованный, съ мягкимъ и нѣжнымъ сердцемъ. Служилъ священникомъ въ селѣ, въ супружествѣ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, а потерявши жену, посвятилъ себя пастырскимъ трудамъ, молитвѣ, провождалъ вполнѣ жизнь монастырскую и въ послѣдствіи вступилъ въ монастырь. Его-то владыка назначилъ намъ въ духовники. Отдохнуло нѣсколько мое сердце. Я привязалась къ нему всей душей. Онъ говорилъ мало отъ ума, былъ направленъ ко всему отвлеченному, духовному; сухость не имѣла въ немъ мѣста, а между тѣмъ мягкость сердца не затмѣвала разсужденія. Онъ со взрослыми былъ серьезенъ и даже строгъ, съ немощными и юными самъ былъ младенецъ. Свое направленіе онъ основывалъ на словѣ Св. апостола Павла: *былъ всѣмъ вся, съ законниками яко подзаконникъ, съ язычниками яко язычникъ.* Но отнюдь не человѣкоугодничалъ, а гдѣ нужно было слово правды, то не обинуясь говорилъ ее. Кромѣ говѣнья я часто видалась съ нимъ. Онъ съ утѣшеніемъ слушалъ мои разсказы о болящей; бесѣда его была радушная, простая, сердечная. Но недолго и здѣсь Господь судилъ имѣть утѣшеніе. О. Стефанъ, въ слѣдствіе многихъ скорбей и простуды, полученной при переѣздѣ черезъ рѣку въ полузимнее время для пріобщенія болящаго, который ни у кого не хотѣлъ исповѣдываться кромѣ его, заболѣлъ: разлилась желчь, и никакія средства не могли спасти его. За нѣсколько дней онъ уже чувствовалъ приближеніе смерти, но старался скрывать, чтобы не оскорбить меня и не повергнуть въ крайнее уныніе, однако говорилъ, что̀ дѣлать въ случаѣ его кончины. Часто я посѣщала его въ эти дни и бесѣдовала съ нимъ. Въ одно изъ сихъ незабвенныхъ свиданій, разговаривая о будущей жизни и какъ должно проводить жизнь временную, онъ мнѣ сказалъ. Тебѣ одной, какъ дочери, скажу; все, другъ мой, бывало. Ты знаешь, я овдовѣлъ 23-хъ лѣтъ; старался соблюсти себя и для того вкушалъ иногда однажды въ седмицу, валялся на голомъ полу, а теперь, видишь, лежу на диванѣ; всему свое время! Въ Св. Четыредесятницу на первой недѣлѣ не вкушалъ я до субботы ничего. Старайся и ты понести что-либо! Случалось, стану читать правило, свое сердце разогрѣется, отстать не хочется отъ молитвы; наконецъ немощь тѣла возметъ свое, лягу, и въ полуснѣ приходятъ чувства, мысли такія свѣтлыя, такія высокія! Вскочу, хочу записать, чтобы сохранить ихъ: нѣтъ земныхъ словъ, чтобы выразить небесное чувство!» За три дня до кончины, когда я поздра-

вила его съ принятіемъ Св. Таинъ и Св. Елеосвященія, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Слава Богу, я только этого и желалъ; теперь я совершенно спокоенъ и смерти не боюсь. Да, приходитъ время, когда ни сродники, ни друзья уже не нужны; одинъ Хранитель Ангелъ, руководствующій душу неизвѣстнымъ путемъ! Скажу тебѣ, что давно ничто меня не привлекало къ жизни, и ничего земнаго душа не желала, все равнодушно!»—А тяжко вамъ, батюшка? спросила я. — «Нѣтъ, я не страдаю».—Въ этотъ же день выслушалъ онъ отходныя молитвы, распорядился, въ чемъ его положить, все на случай смерти приготовленное одѣяніе приказалъ принести и требовалъ, чтобы эпитрахиль, наглазникъ, коротенькую келейную мантійку, мною ему данныя, непремѣнно на него надѣли. «Это даръ моихъ цыплятъ (такъ называлъ онъ насъ); хочу, чтобы и въ гробѣ онѣ были со мною неразлучны.»

Такъ какъ я каждый день возвращалась къ себѣ въ обитель, то онъ, чувствуя, что слабѣетъ и впадаетъ въ забытье, не медля, послалъ за мною. Это было наканунѣ смерти. Когда я пріѣхала и около получаса простояла у его постели, онъ открылъ глаза, узналъ меня, обнялъ и крѣпко прижалъ къ себѣ, сказавъ: «Прощайте, сестры, дѣти мои; всѣмъ мое благословеніе. Богу васъ вручаю и Пречистой Его Матери, а здѣсь некому»!—Въ это время скорбь объяла все существо мое. «Отецъ мой, какъ тяжело жить!»—«Родимая моя, Господа ради не унывай! На мнѣніе людей никогда не гляди, а только думай, какъ бы совѣсть свою представить непорочну предъ Господомъ. Господь милосерднѣе людей, Онъ все знаетъ; а люди только судятъ по внѣшности. Мало ли какихъ искушеній бываетъ? Часто чего мы страшимся, то приходитъ и гдѣ думаемъ нѣтъ опасности, тамъ падаемъ!»—«Батюшка, родной мой, сокровище мое», вопила я, рыдая, «возьми меня скорѣе съ собою!»—«Не могу. Когда будетъ Богу угодно, всѣ будемъ тамъ, рано или поздно. Мать, не имѣй ничего; какъ легко умирать, не оставляя по себѣ ничего!»—Тутъ изнемогъ онъ и впалъ въ забытье; черезъ нѣсколько времени пришелъ въ себя, увидѣлъ меня, крѣпко прижалъ мою голову къ себѣ и сталъ говорить: «Христосъ съ тобой, родная моя; утѣшь тебя Господь, какъ ты меня утѣшала! Помнишь о той особѣ, о которой мы прежде говорили. Они проводятъ жизнь министерскую, а нашей монастырской не понимаютъ и руководствовать нами не могутъ. Твой покровъ—Божія Матерь!» (Мы говорили прежде о протоіереѣ Сергѣѣ Ивановичѣ). Ночь эту провела я около него. Онъ увидѣлъ меня въ 11 часовъ.—«Хлопотунья моя, ты все здѣсь», и крѣпко сжалъ мнѣ руку, которую я держала въ его рукѣ. Въ 12 часовъ ночи умирающій о. Стефанъ потерялъ возможность говорить, но и послѣ узналъ, съ отеческою любовію смотрѣлъ на меня, прощаясь, и

опять пожалъ руку. Это былъ уже послѣдній знакъ его отеческой любви. Сдѣлалось воспаленіе, страдалъ ужасно до 2-хъ часовъ пополудни, а скончался совершенно тихо въ Среду на первой недѣлѣ Великаго поста, 20-го Февраля 1857 года. Послѣ него нашли имущества 20 р. сер., а ожидали найти капиталъ.

Нечего описывать, какъ было мнѣ тяжко утратить это сокровище. Я въ скоромъ времени поплатилась за эту скорбь тяжкою болѣзнію. Нѣсколько опомнясь послѣ похоронъ о. Стефана, а должна была приниматься за стройку и за дѣла. За матеріалы расплатилась, а на производство опять нѣтъ ни гроша. Однажды, расчитывая съ Надеждой Николаевной наши доходы и расходы и видя совершенное оскудѣніе, я, сознаюсь, упала духомъ. Что дѣлать, ни откуда нѣтъ источниковъ. Надежда Николаевна старалась ободрить меня, напоминая, что не въ первый разъ такъ случается. Вдругъ, ты чадо, еще юная и неопытная, входишь и говоришь: «баринъ въ энотовой шубѣ пріѣхалъ и желаетъ непремѣнно васъ видѣть». Хотя я вовсе не была расположена къ пріему гостей, но нечего дѣлать, надо просить. Входитъ почтмейстеръ нашъ съ книгой и объявляетъ, что на имя обители получено 1000 р. серебромъ, «извольте расписаться», говоритъ онъ. Ни слуху, ни глазамъ своимъ не вѣрю; адресъ къ намъ, а послано отъ неизвѣстнаго. И доселѣ не знаю, кто былъ благодѣтель. Вотъ какъ помощь Божія близка къ намъ во всякое время; не умѣемъ мы только цѣнить ее и искать вѣрою и любовію.

Это было великимъ постомъ. Послѣ Пасхи отправилась я съ св. артосомъ къ владыкѣ, передала ему случившееся; онъ съ отеческою любовію выслушалъ и даже разсказывалъ о семъ Павлу Григорьевичу Цурикову, котораго всегда желалъ расположить въ нашу пользу и поддержать въ добромъ къ намъ расположеніи. Святитель зналъ, что съ начала моего вступленія въ настоятельскую должность г. Цуриковъ съ недовѣріемъ всматривался въ мои дѣйствія, хотя и продолжалъ давать запасъ въ трапезу; на вопросы же владыки о порядкахъ монастырскихъ всегда давалъ благопріятный отвѣтъ.

Возвратясь домой ко 2-му Мая, т. е. къ нашему празднику, я уже чувствовала себя дурно и въ самый этотъ день слегла въ постель. Сильная тифозная горячка водворилась въ обители; до 30 человѣкъ почти въ одно время со мной ей подверглись.

Я была при смерти. Добрый докторъ К. И. Сокологорскій пріѣзжалъ и, сколько могъ, помогалъ больнымъ; никто не былъ жертвой болѣзни, но иныя потеряли здоровье, въ томъ числѣ и азъ грѣшная утратила силы, и нѣсколько лѣтъ продолжалось изнеможеніе. Въ болѣзни моей много было страннаго: я мало бредила, но тѣло дошло до

такого истощенія силъ, что сдѣлалось какое-то полусознательное состояніе, въ которомъ, сохраняя весь смыслъ и узнавая всѣхъ, я только теряла всякое свѣтское приличіе и говорила въ глаза каждому то, чего бы въ полной памяти никогда не посмѣла сказать. Я горячо всѣхъ любила и желала всѣмъ спасенія; душа стремилась всѣхъ привлечь къ Богу, къ Его святой любви, всѣхъ соединить во Христѣ Господѣ. Теперь уже я почти перезабыла, что говорила, чувствовала и видѣла и отъ того не могу ничего передать, боясь исказить правду. Болѣзнь моя продолжалась долго: меня особоровали, раза три сообщали Св. Таинъ; я рѣшительно чувствовала и понимала, что умираю. Когда нѣсколько оправилась, въ концѣ Іюня, я просила дозволенія у владыки побывать у преподобнаго Сергія и пробыть ради отдыха нѣсколько времени, чтобы отдалиться отъ заботливости управленія дѣлами; ибо у меня до такой степени ослабли нервы, что я вся тряслась, дѣлались непрестанные обмороки, и я не могла рѣшительно связать никакой мысли. Владыка соизволилъ, писалъ ко мнѣ и прислалъ въ благословеніе икону преп Сергія. Я немедля отправилась, явилась къ нему въ Лаврѣ, едва могла переступать. Онъ удивился, не ожидалъ меня увидѣть въ такомъ положеніи, много распрашивалъ; я ему все раскрыла о своей болѣзни. Много говорилъ онъ о видѣніяхъ, объ искушеніяхъ и между прочимъ разсказалъ слѣдующее. «Одинъ старецъ, подвижникъ нынѣшняго времени, проводилъ жизнь совершенно отшельническую въ уединенной хижинѣ. Однажды, стоя на молитвѣ ночью, слышитъ онъ около келіи шумъ войска и стрѣльбу. Старецъ смутился на первую минуту; но потомъ, сообразивъ, что войску не откуда придти и что это смущеніе вражіе, остановилъ себя и пребылъ на молитвѣ, не обращая вниманія на шумъ и выстрѣлы до самаго разсвѣта. Вышедши утромъ изъ келіи, онъ нашелъ около нея землю всю усыпанную вишневыми косточками. Вотъ какъ ничтожно всякое мечтаніе вражіе. Мудрый старецъ безъ труда отразилъ его молитвою вѣры».

Утѣшившись сердечно, какъ и всегда, бесѣдою святителя, пробыла я нѣсколько дней въ Лаврѣ и возвратилась въ обитель. Однако силы мои не дозволяли продолжать поправку больничной церкви, которая и была отложена до слѣдующаго года; а настоятельскія келіи и амбары для запасовъ были окончены, и возвратилась я уже на новоселье. Кажется, въ это же время П. Г. Цуриковъ устроилъ новую странноприемную на свое иждивеніе для странниковъ; прежде присылалъ запасъ, а вслѣдствіе разговоровъ и пересудовъ сталъ давать деньгами на покупку хлѣба и прочаго для насъ запаса.

Въ этотъ же годъ сильно потрясла меня семейная непріятность. По смерти сестры Надежды Семеновны бѣдный братъ нашъ, промотав-

шись совершенно, впалъ еще въ худшую безнравственную жизнь; постоянно окруженный дурными товарищами, имѣя характеръ слабый, увлекался во все дурное. Наконецъ вздумалъ онъ, безъ всякаго основанія, начать тяжбу съ сестрой Варварой Семеновной, чтобы отнять у нея село Аносино. Конечно, тяжба не была выиграна, но онъ пріѣзжалъ въ Аносино съ разными судейскими крючками и желалъ меня видѣть. Одинъ несчастный видъ его растерзалъ мнѣ сердце: больной, оборванный, потерявшій совершенно даже наружность порядочнаго человѣка! Усовѣщевать его было невозможно; однако я высказала ему, на сколько требовала совѣсть. Это было послѣднее свиданіе: онъ вскорѣ скончалъ свою плачевную жизнь, оставивъ въ утѣшеніе, что, безъ сомнѣнія, за молитвы матушки нашей Евгеніи, Господь даровалъ ему добрую и христіанскую кончину. А гдѣ покаяніе, тамъ и прощеніе отъ Премилосердаго Господа. Да, чадо милое, помни, что никакая скорбь, никакое смущеніе, никакая радость не должны отнюдь мѣшать исполненію обязанности. Долгъ совѣсти долженъ идти всегда впереди всего.

И такъ, наши дѣла монастырскія шли своимъ чередомъ. Надежда Николаевна много помогала мнѣ и денежными средствами, и умомъ своимъ. Часто и много боролась я съ ея настойчивостію, думая непремѣнно сломить ее и сдѣлать изъ нея дѣятельнаго члена нашего смиреннаго общежитія; но впослѣдствіи оказалось, что гдѣ мы хотимъ дѣйствовать своимъ упорнымъ разсужденіемъ, хотя, кажется, и благоразумнымъ, все то непрочно, ибо не имѣетъ въ основаніи *смиренія* и преданности безусловной волѣ Божіей; ибо Онъ Единый все вѣдаетъ и все устрояетъ къ лучшему. Отъ чего чаяла утѣшенія и помощи настоящей, то не сбылось; и далъ Онъ мнѣ впослѣдствіи помощницу въ Н. В. Щенковой, которая въ это время вступила въ обитель. Дочь богатаго отца изъ купеческаго сословія, но воспитанная при мачихѣ, въ довольствѣ, въ пышности внѣшней, но необразованная, загнанная и отъ того неразвернутая и робкая, она старалась образовать себя духовно и много читала. Боялась я всегда принять кого либо позначительнѣе въ обитель, тѣмъ болѣе, что отецъ Щенковой неохотно отпускалъ ее въ монастырь. Я повезла ее къ святителю испросить совѣта и благословенія. Онъ принялъ ее довольно строго и спросилъ, давноли имѣетъ желаніе вступить въ обитель и почему? Наталья Власьевна отвѣчала, что она получила это направленіе отъ тетки своей Никитскаго монастыря игуменьи Аѳилогіи, у которой часто гостила. «Да, она была добрая старица». Наталья Власьевна просить стала благословенія вступить къ намъ въ монастырь. «Богъ благословитъ; но смотри, не разрушай правилъ обители; у нихъ (показывая на меня) и

строго, и сурово; не вводи роскоши, не приноси съ собою мірскихъ вашихъ затѣй, слушайся ея». Мы обѣ, поклонившись ему до лица земли и принявъ благословеніе, отправились, и Щенкова скоро переселилась къ намъ, внеся вклада 2000 р. с. и, драгоцѣннѣе всякаго вклада, принесла истинно-монашеское послушаніе и нестяжаніе.

За ней вступила почти обманомъ, сказавъ, будто владыка приказалъ ее принять, изъ дворянъ, дѣвица Силина, больная и ни къ чему неспособная; внесла 1000 р. с. Обѣимъ вкладчицамъ нужно было устроить келіи. Не хотѣлось мнѣ строить мелкихъ деревянныхъ флигелей, и я рѣшилась начать еще корпусъ (низъ каменный, а верхъ деревянный), а пока помѣстила ихъ въ другихъ зданіяхъ. Къ этому же времени относится переходъ изъ Бородинскаго монастыря монахини Антоніи въ нашу обитель (по причинѣ бывшихъ ей въ оной непріятностей и скорбей). Она испросила дозволеніе выстроить себѣ келію, а до окончанія постройки оной жила довольно тѣсно и проходила послушаніе ризничей. Характера была молчаливаго, терпѣлива, умна и къ дѣлу весьма способна, но здоровья небогатаго. Пользовалась милостію владыки, тѣмъ болѣе, что она была воспитана съ 16-лѣтняго возраста и руководима покойной игуменьей Маріей (Тучковой), которую святитель любилъ и уважалъ. Разскажу странный сонъ, видѣнный м. Антоніей. Когда постройка ея келіи уже приходила къ окончанію, и она утѣшалась спокойнымъ и уединеннымъ помѣщеніемъ, видитъ она во снѣ владыку митрополита Филарета, который ей говоритъ, что ей въ этой келіи не жить. Антонія, проснувшись, смутилась, думая, что эти слова предсказываютъ ей смерть, и разсказала мнѣ видѣнное. Конечно, я старалась успокоить ее, какъ умѣла, говоря, что снамъ вѣрить не должно и что владыка не указалъ-же прямо на кончину ея. Прошло мало времени, получаю приказаніе отъ святителя явиться съ м. Антоніей въ Москву. Она ужасно испугалась, не понимая причины требованія, а когда явились, то онъ объявилъ, что м. Антонія должна быть настоятельницею Страстнаго монастыря. Посвященіе ея совершилось черезъ недѣлю. При этомъ случаѣ и часто при другихъ перемѣнахъ въ настоятельскихъ мѣстахъ молва переводила и меня изъ Аносина, но святитель видимо пока не желалъ меня удалить отъ обители мнѣ родной и дорогой по всему; онъ, какъ отецъ чадолюбивый, понималъ мое сердце и мою привычку къ уединенной жизни, мой робкій нравъ, не сродный для мѣстъ видныхъ, и оставлялъ меня въ нашей безмятежной пустынѣ.

Келія м. Антоніи стоила 1200 р. с. Владыка, зная ея малыя средства, спросилъ, какъ мы рѣшились поступить съ келіей, ибо она была только что выстроена и должна была остаться собственностію обители.

Игуменія Антонія не хотѣла брать отъ насъ, а я непремѣнно желала отдать. «Полно вамъ спорить», сказалъ владыка, улыбаясь. «Я рѣшу ваше прѣніе: ты отдай игуменьѣ Антоніи 500 р. с., а ты съ любовію и благодареніемъ возьми; да и прошу тебя, пробудь съ игуменіей Антоніей нѣсколько времени; ты уже имѣешь нѣсколько опыта, помоги ей принять ея должность и водвориться въ своемъ мѣстѣ; этого требуетъ любовь о Христѣ». Такимъ образомъ, пробывъ недѣли двѣ съ нею, я возвратилась домой къ своимъ мирнымъ и пешумнымъ занятіямъ. Келія м. Антоніи перешла къ Щенковой; впослѣдствіи еще была сдѣлана пристройка для Силиной, потомъ для Болотовой, и все вмѣстѣ составило еще одно-этажный деревянный корпусъ.

Около сего же времени, т. е. въ 1860 г., вспоминаю, что поступила къ намъ А. Лебедева, дитя лѣтъ 12, купеческаго званія. Когда отецъ ея, благоговѣвшій къ владыкѣ, привелъ малютку принять благословеніе, то долго его не допускали; онъ упорно просилъ свиданія, ибо надо было или оставить дитя дома, или отправить со мной въ обитель въ тотъ же день. Наконецъ доложили. Владыка выслушалъ отца, положилъ руку на голову дѣвочки, молился, благословилъ, съ любовію отпустилъ, а мнѣ при первомъ свиданіи сказалъ, когда рѣчь зашла о ней: «Прими, не отрѣвай, таковыхъ бо есть царствіе небесное. Лебедева была тебѣ отдана подъ надзоръ и доселѣ съ тобою неразлучна» Добрая и простая душа! Какъ Господь поведетъ далѣе ея жизнь?.

Общій благодѣтель всего околотка, а въ особенности Саввина и нашего монастыря П. Г. Цуриковъ, въ память своего покойнаго родителя Григорія Михайловича, вознамѣрился устроить часовню для чтенія неугасаемой псалтири надъ пещерой, вырытой самимъ преподобнымъ Саввою, въ которую сей угодникъ Божій удалялся для молитвы, и выстроить около часовни сторожку съ комнатой для помѣщенія по очереди читающимъ псалтирь. Но Господу угодно было прославить сіе уединенное мѣсто, освященное трудомъ и молитвою препод. Саввы. Мысль о часовнѣ перешла къ пещерной церкви, потомъ явилась въ размѣрѣ общежительнаго скита, обезпеченнаго на 16 человѣкъ. Владыка съ любовью принялъ усердіе и разрѣшилъ устройство онаго.

Года за два до сего (около 1858 г.) въ Саввинѣ монастырѣ перестроивали теплую церковь. Владыка самъ освящалъ ее (придѣлы были освящены уже викаріями); когда явилась я принять благословеніе и просить его посѣтить нашу убогую обитель, святитель отвѣчалъ мнѣ: «Въ настоящее время это невозможно: я долженъ спѣшить на экзаменъ въ Николаевскій Институтъ. Насъ не спрашиваютъ; тамъ начальница иностранка назначила день, объявила мнѣ, и перемѣнять уже нельзя». Я на это выразила свою глубокую скорбь, что обитель будетъ лишена

счастія принять личное благословеніе отъ его высокопреосвященства. На это святитель отвѣчалъ: «Не скорби, въ другой разъ пріѣду и буду у тебя». Конечно, я приняла его слово, какъ утѣшеніе, и увѣрена была, что это никогда не случится. И что же? Черезъ три-четыре года, 4 Сентября 1862 г. его прозорливое слово совершилось, и онъ, возвращаясь уже съ освященія скита, посѣтилъ нашу обитель. Хотя о. игуменъ Галактіонъ приглашалъ меня на освященіе, но съ оговоркой, что будетъ очень тѣсно; поэтому, всегда бѣгая большого стеченія, я не поѣхала, а явилась уже послѣ обѣда и прямо къ владыкѣ. Онъ былъ очень благосклоненъ, и я повторила мою просьбу о его посѣщеніи нашей пустыни. «Зачѣмъ не сказала прежде? Я уже пѣвчихъ и ризницу отпустилъ (вѣроятно хотѣлъ служить). Отчего ты не была на освященіи?» — «Побоялась тѣсноты, владыко святый.» — «А я тебя и твоихъ сестеръ вспоминалъ: вотъ просфора о здравіи твоемъ. Не говорю навѣрно, но постараюсь быть у тебя». Я благодарила святителя и поспѣшила ему дать покой. Возвратилась, чтобы все приготовить въ обители къ его принятію. Черезъ день игуменъ далъ знать, что владыка заѣдетъ по дорогѣ въ Москву къ Павлу Григорьевичу, а отъ него къ намъ.

Я не умѣю выразить чувство, меня одушевлявшее. Ждала я со страхомъ. Вся обитель была собрана у св. вратъ, священникъ съ крестомъ и св. водой; народъ за оградой толпился въ ожиданіи святителя, еще при покойной матушкѣ Евгеніи посѣтившаго обитель. Когда ударъ колокола возвѣстилъ о его приближеніи, слезы градомъ полились изъ глазъ моихъ; мнѣ казалось, что Самъ Господь въ лицѣ Своего святителя посѣщаетъ этотъ смиренный уголокъ земли. Когда остановилась карета, и онъ, свѣтлый, какъ ангелъ Божій, окруженный сестрами обители, пошелъ во храмъ, я не помнила сама себя и все и всѣхъ забыла. Прослушавъ литію и многолѣтіе, осмотрѣвъ алтарь, вышелъ онъ и сталъ около праваго клироса. Сестры стали подходить къ благословенію, начиная со старшихъ; я указывала на тѣхъ, которыя еще были при покойной основательницѣ. Многія плакали, старицы по нѣскольку разъ лобызали его благословляющую десницу. Наконецъ онъ спросилъ: «Гдѣ погребена покойная основательница?» Я указала мѣсто. Владыка вышелъ въ сѣверную дверь холоднаго собора, на паперть, которая приходится прямо надъ могилой, и тихо самъ совершилъ литію, поклонился почти до земли. «Почему не въ церкви положена?» — «Ей не угодно было лечь въ церкви; мѣсто могилы было задолго ею самой назначено, и никто не смѣлъ нарушить ея воли». Потомъ, вошедъ обратно въ церковь, онъ осмотрѣлъ придѣлы уже весьма ветхіе; отсюда прошелъ въ больничную церковь, недавно поправленную, замѣ-

тилъ, что иконостасъ вѣроятно сохраненъ тотъ же, а только колеръ измѣненъ, и ему была пріятна прежняя простота. Потомъ онъ направился въ больницу, устроенную съ помощію г-жи Хвостовой (старой, бывшей при основательницѣ, и слѣда не было) въ память ея мужа.— «Почему не оштукатурено зданіе внутри?» — «Средствъ нѣтъ, святый владыко; штукатурка не необходима». — «Неужели настолько денегъ нѣтъ?» Оттуда прошелъ въ верхній этажъ. На лѣстницѣ лежали половики и всякая дрянь; я, не разбирая, сбросила внизъ чуть не на голову преосвященному Леониду.—«Покажи мнѣ келію которую нибудь». Куда ни кинусь, вездѣ заперто. — «Зачѣмъ вездѣ замокъ? Видно, есть что хранить въ келіи. Когда я въ первый разъ былъ въ Песношскомъ монастырѣ, всѣ келіи были отперты, и я находилъ въ нихъ скамьи вмѣсто кровати и столъ; а нынѣ тоже подъ замкомъ, и развелись самовары и многое другое; такъ-то и теперь у тебя?» — «Владыко святый, всѣ стремились къ вамъ на встрѣчу, а народа много; опасно оставить келію безъ замка: унесутъ и самое необходимое». Вышедъ на крыльцо корпуса, остановился, съ удовольствіемъ окинулъ взоромъ и сказалъ: «Хорошо, только старайся не стѣснять монастыря деревянной постройкой». И отправился прямо въ трапезу, гдѣ были накрыты столы, благословилъ, отвѣдалъ хлѣбъ, квасъ, поцѣловалъ булку и пошелъ въ настоятельскія келіи. Видно было, что ему пріятна была простота оныхъ и неогромный размѣръ; помолился, благословилъ меня, поставилъ свою трость въ уголокъ подлѣ себя и занялъ мѣсто на смиренномъ диванѣ, обитомъ Ярославской синей матеріей. «Зови же преосвященнаго, Павла Григорьевича и прочихъ». Когда всѣ размѣстились, и мнѣ тоже указавъ мѣсто, владыка сталъ говорить. «Знаешь ли ты, что я способствовалъ къ основанію этой обители?» — «Очень часто слыхала отъ покойной матушки о вашемъ отеческомъ попеченіи, владыко святый.» — «Я разскажу вамъ, преосвященный», продолжалъ святитель, обратившись къ бывшему тутъ же своему викарію Леониду, «какъ устроилась эта обитель. Первый годъ присутствовалъ я въ Синодѣ, когда княгиня Мещерская, по моему же указанію, подала просьбу о обращеніи богадѣльни въ общежительный монастырь. Многіе противились этой мысли по скудости средствъ и малаго обезпеченія; но я, зная усердіе и вѣру основательницы, употребилъ все стараніе, чтобы ея благочестивое желаніе исполнилось, и вотъ обитель и доселѣ существуетъ, и донынѣ средства скудныя; но Господь не оставитъ». Потомъ, обратя вниманіе на соборъ: «Странная архитектура того времени, вкусъ Александровскаго царствованія, круги да столбы. Да ветхое все, строилось на гроши».—Подали чай. Владыка взялъ чашку, прибавилъ нѣсколько капель вина, выкушалъ половину и отдалъ. Закуска

стояла неприкосновенна. Не помню, еще о чемъ шла рѣчь. Я смотрѣла и исчезала отъ радости, что святитель въ обители, и до того растерялась, что не умѣла даже предложить отдыха въ приготовленной келіи. Преосвященный Леонидъ поправилъ мою неловкость. «Ваше высокопреосвященство», сказалъ онъ, «мать игуменья озаботилась приготовить вамъ келію для отдохновенія; а насъ благословите возвратиться пировать у соорудителя Пещерной церкви». — «Богъ васъ благословитъ». Когда Павелъ Григорьевичъ подошелъ принять благословеніе и, поклонясь до земли, благодарилъ святителя за оказанную ему милость пріѣздомъ своимъ; владыка склонился къ нему, довольно долго говорилъ, но тихо, а тотъ отъ слезъ не могъ сказать ни слова. Потомъ владыка благодарилъ г. исправника Брюзгина за распорядительность и просилъ къ себѣ, а игумену Галактіону изъявилъ свою признательность и удовольствіе, послѣ чего и удалился, а я пошла провожать преосвященнаго Леонида.—Не правда-ли, мать игуменья, когда солнце сіяетъ, объ звѣздахъ не думаютъ? сказалъ онъ улыбаясь. «И съ нами теперь такъ случается». Ласково простились и всѣ уѣхали.

Владыка, отдохнувъ нѣсколько минутъ, вышелъ въ пріемную, гдѣ я его ожидала. «Зови же Московскихъ гостей, я ихъ впдѣлъ давеча». Это были семейства С. Г. Котова и Егоровыхъ. «Мнѣ пріятно видѣть васъ всѣхъ здѣсь вкупѣ, въ обители у нея».—«Владыко святый», возразила я, «не иначе ихъ считаю, какъ ближайшими родными».—«Духовное родство ближе тѣлеснаго, союзъ духовный тверже и прочнѣе: онъ имѣетъ основаніе въ вѣрѣ и любви Божіей. Желаю, чтобы всегда оный между вами сохранился». Потомъ повелъ рѣчь о дѣлахъ Котова, о торговлѣ, о скудости обители нашей, о промыслѣ Божіемъ надъ ней и, пробывъ около получаса, собрался въ путь. Всѣ ожидали его выхода: сестры, народъ, посѣтители спѣшили принять благословеніе его; всѣ мы знали, что уже болѣе въ нашей пустыни его не увидимъ, тѣмъ болѣе, что онъ самъ сказалъ: «Силы мнѣ измѣняютъ, путешествія уже никуда не могу предпринимать, развѣ только въ Лавру». Когда онъ уже сѣлъ въ карету, я вошла на подножку, обняла его стопы, залилась слезами: «Свѣтлый ангелъ нашъ! Отецъ нашъ!» Далѣе ничего не могла говорить. «Довольно, довольно», и у самого на глазахъ навернулись слезы, тихо отстранялъ меня рукой и далъ знакъ къ отъѣзду. Добрый и усердный С. Г. Котовъ вспрыгнулъ на козлы кареты вмѣсто провожатаго и такъ везъ святителя до Москвы, ограждая его спокойствіе.

Во время посѣщенія владыки, страдавшая бѣснованіемъ сестра Матрена встрѣтила его при выходѣ изъ трапезы и подала ему поясокъ съ молитвой; онъ принялъ и, замѣтя ея растроенный видъ, положилъ

руку на голову ея, тихо произнесъ молитву, потомъ, въ скоромъ времени, прислалъ икону въ благословеніе. Съ тѣхъ поръ припадки изступленія миновались, и хотя осталась въ нравѣ раздражительность, но пребываетъ въ совершенномъ разумѣ.

Не медлила я. Рано утромъ на другой день, вынувъ просфору о здравіи святителя, во время благовѣста къ ранней обѣднѣ, отправилась благодарить нашего безцѣннаго гостя. Я первая въ тотъ же день прискакала на подворье. Владыка милостиво принялъ меня и возобновилъ разговоръ, почему основательница не въ церкви положена. Я разсказала ему, что за нѣсколько лѣтъ до кончины у нея была приготовлена самая простая дубовая колода вмѣсто гроба, и мѣсто для могилы было самой ею назначено. По кончинѣ ея, родители мои никакъ не хотѣли положить ея тѣло въ колодѣ и прислали приличный гробъ, обитый чернымъ бархатомъ, и такой же покровъ, и сами находились при ея погребеніи. Въ эту же ночь м. игуменья Анастасія, бывшая тогда казначеей, видѣла сонъ, будто ей матушка Евгешія съ гнѣвомъ выговаривала, какъ смѣла она преступить ея волю, что̀ м. Анастасію весьма смутило. «Какъ разрѣшить это смущеніе, владыко святый?» спросила я. «Виноваты-ли родители мои, что поступили противъ воли матушки, и виновата-ли игуменья, что вняла ихъ желанію?»—«Никто не виноватъ: родители твои явили усердіе и любовь къ усопшей, а игуменьѣ нельзя было сопротивляться волѣ ихъ. Негодованіе же покойной доказываетъ, что она смиренна даже и за гробомъ». Потомъ поговорили о стройкѣ, и я простилась, принявъ благословеніе на возвратный путь.

Вздумалось мнѣ въ теченіе дня заѣхать къ Саввинскому игумену на архіерейское подворье, которое на Тверской улицѣ; не помню, зачѣмъ онъ мнѣ былъ нуженъ. Нахожу тамъ Павла Григорьевича, который объявляетъ мнѣ, что искалъ меня по всему городу. «Вотъ вамъ пакетъ отъ его высокопреосвященства; въ немъ 500 р. с., отправляйтесь и благодарите святителя».—«Что̀ это значитъ? Я не понимаю», сказала я. «Вотъ что: когда я явился благодарить владыку за освященіе скита, то подалъ ему пакетъ, прося принять милостиво изъявленіе моей признательности».—«Ни за что», сказалъ владыка. «Это для бѣдныхъ вашихъ, извольте имъ раздать».—«У васъ свои есть бѣдные, сами своихъ и одѣляйте».—«Владыко святый, сдѣлайте милость, примите».—«Никакъ». Я въ смущеніи, продолжалъ П. Г., видя безвыходное свое положеніе и неудовольствіе митрополита, сказалъ: «Дозвольте эту сумму передать въ Аносинъ монастырь». Самъ Богъ внушилъ мнѣ эту мысль. Лицо святителя прояснилось. «Хорошо», сказалъ онъ, «пусть будетъ отъ насъ обоихъ, передайте такъ и игуменьѣ». Узнавъ о такой архипастырской милости и поблагодаривъ усердно и благодѣтеля, отпра-

вилась я съ таковою же благодарностью ко владыкѣ, который разсказалъ мнѣ свой разговоръ съ Цуриковымъ и отпустилъ меня съ миромъ восвояси.

Всегда и во всемъ видимо Господь покрываетъ эту обитель Своимъ крайнимъ милосердіемъ. Кажется, чрезъ годъ А. М. Котова разрѣшилась и послѣ была сильно больна, сдѣлалась рана на груди; много ее лѣчили, но страданія продолжались. Въ одну ночь она видитъ во снѣ, будто бы я пришла къ ней и (не помню теперь) сказала-ли я ей чѣмъ мазать грудь или что иное, только проснувшись она почувствовала себя лучше. Мужъ ея съ той поры сталъ давать въ обитель ежегодно 1000 р. с., что̀ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Онъ самъ разсказывалъ, что прочіе купцы, отпуская въ ярмарки товаръ, имѣютъ обычай всегда его застраховывать; а онъ, вмѣсто обезпеченія отъ огня, вносилъ эту сумму 1000 р. с. въ обитель, и никогда не случалось, чтобы горѣлъ его товаръ. Однажды его возщики только выѣхали съ товаромъ съ ночлега, какъ занялось все селеніе и множество товара у другихъ сгорѣло, а его товаръ былъ доставленъ до ярмарки благополучно.

Ты не возымѣй, по твоей ко мнѣ любви, пустой мысли о моемъ какомъ-либо достоинствѣ; ради Бога, не вдавайся въ пустое мнѣніе, а смотри на вещи, какъ онѣ есть: удивляйся промыслу Божію, что Онъ дозволилъ ангелу Своему взять образъ моего недостоинства, чтобы симъ привлечь любовь боголюбивыхъ людей къ обители, которая постоянно была въ недостаткѣ.

Около сего же времени, т.-е. въ 1863 г. 21 Іюля, прибыла къ намъ на монастырскую гостиницу монахиня Саратовскаго дѣвичья монастыря Марія Любарская и, желая лично видѣться со мною, прислала просить дозволенія придти и принести въ даръ обители св. икону. Это предложеніе навело на меня заботливое смущеніе. Иконъ множество, думала я, и находящихся у насъ не знаю куда дѣвать: устраивать кіоты не на что, а валяться имъ на полкѣ въ ризницѣ, право, грѣшно. Вотъ какъ человѣкъ слѣпъ! Владычица грядетъ съ милостью честною Своею иконой, а бренный, слѣпой человѣкъ не хочетъ принять Ее и смущается о помѣщеніи. Смотри, маловѣрне, пользуйся чужимъ опытомъ и возгрѣвай въ сердцѣ чувство вѣры, чадо любимое! Монахиня пришла. Послѣ первыхъ словъ знакомства, приказываетъ келейной своей принести икону. Когда открыли ящикъ, и я увидѣла изображеніе, не умѣю передать, что̀ совершилось въ душѣ моей: благоговѣйная радость и страхъ овладѣли мною. Видѣла глазами тѣлесными икону, а сердце чувствовало присутствіе благодатнаго посѣщенія. Монахиня Марія такъ о себѣ разсказывала: «Я изъ дворянъ, пожелала быть въ числѣ сестеръ

милосердія при раненыхъ во время Крымской войны, пробыла тамъ во все продолженіе оной. Окруженная постоянно смертію, я восчувствовала всю ничтожность суеты міра, отправилась въ Іерусалимъ на поклоненіе св. гробу Господню; тамъ еще болѣе развилась мысль о уединеніи, и я просила митрополита Мелетія, старца истинно богодухновеннаго, наставить меня и постричь въ монашество, что̀ и совершилось съ разрѣшенія Государыни Императрицы и св. Синода епископомъ Кирилломъ. Тогда я писала къ замужней дочери моей въ Саратовъ и высказала мое желаніе помѣститься въ дѣвичьемъ Крестo-Воздвиженскомъ Саратовскомъ монастырѣ, гдѣ игуменья мнѣ давно была знакома. Получа ея согласіе, я озаботилась устроить въ семъ монастырѣ для себя келію, чтобы безъ затрудненій прямо изъ св. града перейти въ св. обитель. Желая имѣть памятникъ моего пребыванія при Гробѣ Господнемъ, заказала икону. Наступило время отъѣзда, а икона не готова; отлагать нельзя, ибо только два раза въ годъ отправляются поклонники изъ Іерусалима. Съ горемъ пошла я принять благословеніе святителя и наставника моего митрополита Мелетія; объявляю, что не могу получить желаемаго и должна безъ иконы отправляться въ путь. Онъ, видя скорбь моего сердца, приказалъ принести Геѳсиманскую икону Божіей матери Пречестнаго Ея успенія, которая лежала нѣсколько времени на гробѣ Господнемъ. Принимая ее отъ митрополита, какъ даръ благодатный, я изъявила желаніе устроить ее въ Саратовской обители. На это святитель сказалъ мнѣ: «*Будетъ въ обители, но не въ вашей; гдѣ пребудетъ сія икона, пребудетъ и благословеніе Владычицы и стеченіе народа*». Не смотря на слова сіи, по вступленіи моемъ въ Саратовскій монастырь, я непремѣнно желала устроить сію икону въ обители. И, пріѣхавъ, въ отсутствіи игуменьи, увѣренная, что и она раздѣлитъ мои чувства, поставила икону въ церковь; а сама, утомленная путешествіемъ, въ тотъ же день слегла и выдержала сильную болѣзнь. По выздоровленіи моемъ не въ храмѣ уже нашла св. икону Владычицы, а въ какомъ-то углу и всю въ пыли и небреженіи. Сіе случилось вслѣдствіе разныхъ столкновеній. Не порицаю за сіе игуменью, она была и есть добрая душа; но видно такъ вела всесильная десница Божія. И такъ икона была взята мною въ келію, гдѣ и пребывала четыре года; часто приходили ко мнѣ болящіе и, получая елей изъ лампады, теплящейся предъ св. иконой, получали исцѣленіе. Въ продолженіи этого времени, сынъ мой, послушникъ Саратовскаго мужскаго монастыря, путешествуя въ видѣ странника, былъ и въ вашей обители и, возвратясь, говорилъ мнѣ, что онъ нечаянно попалъ къ вамъ, что пустынь, хотя бѣдная, но пришлась ему по сердцу. Я же, видя многія исцѣленія отъ св. иконы Владычицы, непрестанно со скор-

бію размышляла, что̀ будетъ съ нею послѣ моей смерти. Однажды, сидя въ креслахъ противъ нея въ грустномъ недоумѣніи, кому ее вручить, ибо настоятели многихъ монастырей желали получить и водворить у себя это духовное сокровище, я задремала около полуночи и слышу вѣщающій гласъ: «*Отвези и поставь въ Аносинскую пустынь*». Я очнулась въ недоумѣніи, какая такая пустынь и, думая, что это мечта, начала̀ обычное свое молитвенное правило и, окончивъ, легла въ постель. Едва свела глаза, слышу опять повелительный гласъ, повторяющій строго тѣже слова. Когда я разсказала о случившемся пришедшимъ моимъ дѣтямъ, сынъ напомнилъ мнѣ про пустынь вашу. Я видѣла Божіе произволеніе; но дальность разстоянія, скорбь разлуки съ моей Покровительницей, колебали мое сердце, я не рѣшалась исполнить повелѣнное. Господь наконецъ наказалъ мое непокореніе: я распухла съ головы до ногъ. М. игуменья, дѣти, доктора всѣ прилагали свои старанія, и все оставалось тщетно. Я же, страдая, наконецъ образумилась и, сознавъ свой грѣхъ, обѣщала, что ежели подниметъ меня Владычица, то, не медля, на своихъ рукахъ понесу Ея св. икону въ угодное Ей обиталище. Въ три дня опухоль прошла, и я вскорѣ съ келейной моей, гдѣ пѣшкомъ, гдѣ въ телѣгѣ, гдѣ по водѣ достигла до васъ, и вотъ вручаю вамъ свое сокровище!»

Съ удивленіемъ и благоговѣніемъ выслушавъ разсказъ старицы, я предложила ей отправиться къ владыкѣ и ему лично все объяснить подробно. Она будто была согласна, но потомъ уклонилась; я должна была уже одна о всемъ донести святителю нашему, и онъ съ внимательнымъ благоговѣніемъ выслушивалъ разсказъ мой. Икона была принесена тобою и положена предъ нимъ на столѣ. Снявъ владыка свою шапочку, сталъ склонясь надъ иконою; и прочелъ тропать: *Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси* и пр. до конца; долго и пристально смотрѣлъ и сказалъ: «Живопись точно Греческая; можетъ быть, найдутся художники подражать платью, но лику—едва-ли». Я спросила, какъ и гдѣ устроить? «Отнесись къ священнику въ приходѣ Космы и Доміана, что̀ за Москвой-рѣкой; онъ человѣкъ внимательный и вели, сдѣлавъ доску, приписать Спасителя, пріемлющаго душу Богоматери и одръ, на коемъ возлежало-бы тѣло Ея. Изображеніе-же врѣзать въ доску, но не совершенно углублять его, чтобы отдѣлялась отъ общей иконы. Пріищи удобное мѣсто и мнѣ тогда скажи». Я въ точности исполнила приказаніе и за день до праздника Успенія послала монахиню домой. Пошелъ проливной дождь, нѣкоторыя плотины прорвало, рѣки наполнились. Монахиня съ иконою пробралась съ трудомъ до села Рожествена, надѣясь, что въ этомъ мѣстѣ удобнѣе переходить черезъ рѣку, но на берегу Истры остановилась въ недоумѣніи. Князь

Голицынъ, помѣщикъ села, всячески отклонялъ ее, представляя невозможность переѣзда. Но простосердечная м. Макрина отвѣчала: «Завтра праздникъ Владычицы, а съ Нею потонуть нельзя». Между тѣмъ собрался народъ у берега, взяли ящикъ съ иконою на головы и пустились въ бродъ, едва головы были видны изъ подъ воды, перенесли благополучно и прибыли въ обитель въ повечеріе. Св. икона была устроена на столикѣ въ сѣверной паперти Троицкаго храма. Въ туже, можно сказать, минуту началъ стекаться народъ, и ко всенощной не только храмъ; но и монастырь наполнился толпами богомольцевъ. Спрашивали у нихъ, кто сказалъ имъ о принесенной иконѣ? Иные говорили: «старикъ намъ повѣстилъ». Другіе: «мальчикъ объявлялъ всѣмъ и звалъ въ Аносинъ монастырь». Удивительно и трепетно было видѣть множество болящихъ, притекавшихъ къ заступленію Богоматери; многіе получали исцѣленіе, о которыхъ находится запись въ монастырской ризницѣ и лѣтописи, а другой экземпляръ всегда представлялся владыкѣ.

Нашъ благодѣтель былъ тронутъ и пораженъ симъ особеннымъ Божіимъ промышленіемъ и пожелалъ устроить два кіота: одинъ великолѣпный въ холодный храмъ, а другой попроще въ теплый. Сдѣлали рисунки, представили владыкѣ, означивъ мѣсто, гдѣ поставится. «Хорошо», сказалъ святитель, «но я бы совѣтовалъ сдѣлать кіоты одинаковые, чтобы народъ свободно узнавалъ икону. *Нарядную послѣ сдѣлаете*, а теперь держите себя смиреннѣе, тише, немного разглагольствуйте». И выбралъ рисунокъ попроще. Съ симъ отвѣтомъ возвратилась я къ благодѣтелю. Тотъ никогда и ни въ чемъ не прекекалъ волѣ святителя, и простенькій кіотъ былъ заказанъ. Онъ изъявилъ желаніе, чтобы по причинѣ стеченія парода на зиму не переходить въ больничную церковь (въ которой обычно была зимою служба), а оттопить предѣлы въ соборѣ. Когда стали топить и готовиться къ переходу въ оные, то церковница замѣтила увеличивающіяся трещины на потолкѣ и однажды была испугана сильнымъ ударомъ, какъ будто выстрѣломъ изъ ружья. Стали осматривать и увидѣли, что верхній накатъ на поларшина отъ стѣны сгнилъ и висѣлъ на штукатуркѣ, которая дала трещину отъ западной стѣны до средины алтаря. Дѣло опасное, службѣ быть невозможно. Я отправилась съ докладомъ. Владыко приказалъ осмотрѣть подробно, соборъ запереть, а икону на зиму устроить въ больничной церкви, гдѣ быть и богослуженію. Пригласили архитектора и подрядчика, поставили для безопасности 24 подставки и вслѣдствіе соображеній предложили: по скудости средствъ сдѣлать опять деревянный потолокъ или, опоясавъ церковь желѣзомъ, нанести своды, что конечно потребуетъ бо́льшей суммы. Опять я от-

неслась къ святителю, но такъ какъ ни на то, ни на другое средствъ обитель не имѣла, то онъ и рѣшилъ однимъ словомъ: «повременить». Всѣ эти переговоры заняли время, и кіотъ былъ готовъ только къ 21 Ноября. Нашъ попечитель и благодѣтель самъ пріѣхалъ въ этотъ день, чтобы все устроить, и послѣ закуски, когда всѣ разошлись, объявилъ мнѣ, что на первый случай для устройства храма жертвуетъ 10000 р. с., а тамъ, что Богъ дастъ, и прибавилъ: «Отправляйтесь ко владыкѣ, донесите ему и начинайте готовить кирпичъ; скажите, что своды не будутъ прочны на старыхъ стѣнахъ, а что надо съ основанія вывести стѣны; я не отступлюсь отъ своего слова и надѣюсь устроить храмъ.»—«Я слушала и едва понимала его слова. Онъ, который сначала не бралъ на себя поправки, теперь берется выстроить всю церковь, да еще расширить стѣны на двѣ саж. въ ширину противъ старой!

Истинно это было видимое чудо покровительства Владычицы!

Не медля нисколько, я опять въ Москву. Надо было видѣть утѣшеніе святителя, что объ его убогой пустынькѣ пекутся! Конечно, постройку разрѣшилъ и, кажется, съ сего времени еще усугубилъ свое расположеніе и вниманіе къ П. Г. Цурикову. Назначилъ въ строители собора Саввинскаго намѣстника Галактіона и примолвилъ: «много пташекъ на свѣтѣ, и каждая поетъ своимъ голосомъ, а ты должна учиться подпѣвать каждой изъ нихъ. Не человѣкоугодничать надо, а смиренною покорностію снискивать благорасположеніе добрыхъ людей!» Въ скоромъ времени матеріалы были изготовлены; въ самый день закладки храма, совершенной о. Галактіономъ, отслужена была соборнѣ съ нашими священниками паннихида надъ могилой основательницы и при большомъ стеченіи народа былъ положенъ первый камень. Стройка собора продолжалась болѣе трехъ лѣтъ; благодѣтель не щадилъ ничего, старался сколько о прочности, столько и о благолѣпіи.

Въ теченіи этого времени обитель пострадала отъ тифозной горячки; ты безъ сомнѣнія хранишь въ памяти бывшее на тебѣ милосердіе Богоматери; блаженную кончину м. Венедикты и м. Аполинаріи, стало быть нечего сего и повторять, а только скажу, что заступленіемъ Владычицы прекратилась эпидемія въ обители.

Наконецъ храмъ довершенъ, и мы съ благодѣтелемъ отправились въ Лавру къ владыкѣ за благословеніемъ къ освященію. Застали его въ Геѳсиманскомъ скиту. Сперва П. Г. вошелъ, потомъ и меня позвали. Владыка высказалъ свою благодарность, и на нашу робкую просьбу, не можно ли надѣяться, что самъ святитель освятитъ храмъ, владыка сказалъ: «Нѣтъ, преосвященный викарій Леонидъ за меня сіе исполнитъ, я и здѣсь едва двигаюсь. Видите, какъ у меня здѣсь хоро-

шо, окно прямо въ церковь; я слушаю службу, часто сижу, никого не соблазняя. Силы упадаютъ.» Потомъ приготовленною у него на столѣ иконою Живоначальной Троицы онъ благословилъ Павла Григорьевича, и мы отправились къ препод. Сергію, отслушали молебенъ и тѣмъ же днемъ въ Москву, а оттуда, не мѣшкая, къ себѣ въ обитель. Суета приготовленія измучивала меня до невозможности. Настало 22 Іюля. Ждемъ преосвященнаго цѣлый день, все нѣтъ его. Наконецъ, является эстафетъ съ извѣстіемъ, что онъ поѣхалъ въ Лавру по случаю болѣзни архипастыря и отца нашего и что ежели не возвратится оттуда, дастъ знать. Скорбь и уныніе объяли всѣхъ! Что̀ будетъ? Что̀ за болѣзнь владыки? Весь день и вечеръ прошелъ въ мучительномъ ожиданіи. Всенощное бдѣніе совершалъ архимандритъ Угрѣшскаго монастыря Пименъ своимъ чередомъ; утѣшеніе являлось въ сердцѣ при видѣ храма и при созерцаніи великихъ благодѣяній Царицы Небесной, но опять омрачалось скорбію неизвѣстности о первосвятителѣ. Наконецъ, въ 4 часу утра, прибылъ преосвященный Леонидъ. Я встрѣтила, и онъ объявилъ, что владыка точно почувствовалъ себя дурно, но теперь все миновалось, и что онъ призываетъ Божіе благословеніе на новосозданный храмъ, храмоздателя и на обитель. Отлегло отъ сердца! Освященіе совершилось благолѣпно и благополучно, къ общему всѣхъ утѣшенію, 23-го Іюля 1867 года. Я на другой день отправилась благодарить преосвященнаго Леонида въ Саввинъ монастырь и также благодѣтеля, въ прибавокъ къ изнеможенію еще простудилась и хотя отправилась въ Москву съ намѣреніемъ явиться въ Лаврѣ къ владыкѣ-митрополиту, донести объ освященіи и вмѣстѣ поздравить съ 50-тилѣтнимъ юбилеемъ его святительства, но болѣзнь одолѣла меня: сдѣлалось воспаленіе во рту, и я лишена была сего сердечнаго утѣшенія.

Икону Успенія Божіей Матери и поздравленіе препроводила черезъ Надежду Николаевну. Уже послѣ болѣзни ѣздила я съ донесеніемъ объ утвержденіи въ казначеи матери Никандры Щенковой.

Нечего повторять, по какому поводу палъ жребій на Никандру. Тебѣ чадо мое, извѣстно, что все было истощено въ отношеніи Надежды Николаевны. Все сіе стоило мнѣ многихъ слезъ, скорби, но все Господь ведетъ къ лучшему, и я Его благодарю, что отклонилъ мое упорное желаніе, а избралъ Самъ кого было угодно Его святой волѣ. И теперь радуюсь объ этомъ, ибо черезъ сіе сохранился миръ и единодушіе.

Когда я поправилась, а торжество юбилея нашего первосвятителя прошло, я была у владыки и просила себѣ помощницу, «ибо чувствую,

владыко святый», говорила я, «что не въ силахъ уже исполнять одна того, что̀ дѣлала по сіе время за ваши святыя молитвы» (была казначея старая и неспособная и ни во что не входила).—«Да ты и теперь больна», сказалъ владыка; «я въ выборѣ на тебя надѣюсь. На прошеніе согласенъ; но мнѣ жаль ея: она изъ младшихъ, старухи съѣдятъ ее".—«Что̀ дѣлать, владыко святый, поучится терпѣнію», отвѣчала я, и святитель утвердилъ прошеніе мое. Много разспрашивалъ о новомъ храмѣ и, прощаясь, сказалъ: «Служи, но береги себя». Это было послѣднее свиданіе. 1867 г. 19-го Ноября его не стало. Буди воля Господня!

Тяжка ли мнѣ сія потеря, ты другъ мой, знаешь все. Ты уже не дитя; съ тобой раздѣлены и радость и горе. Я забыла сказать, что жившая у насъ на гостинницѣ г-жа Злобина (Вѣра Алексѣевна) умирая, отказала свой капиталъ, 7000 р. с., на построеніе трапезы, и м. казначея Никандра, вступивъ въ должность, на свой счетъ оканчиваетъ корпусъ. Спаси и награди ее, Господи, а усопшую Вѣру помяни во царствіи Своемъ!

Предрѣченіе митрополита Мелетія сбывается: со времени перенесенія въ Аносинъ святой иконы въ праздники ея иконы бываетъ большое стеченіе народа, и вообще гораздо болѣе стало богомольцевъ. По сему случаю однажды я сказала митрополиту Филарету: «Въ Аносинѣ нѣтъ уже уединенія, котораго всегда искала и желала душа моя. Сдѣлалось суетно и многопопечительно. — «Ищи его въ сердцѣ», отвѣчалъ онъ.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ. *)

1868 года 28 Сентября обитель была удостоена посѣщенія его высокопреосвященства митрополита Московскаго Иннокентія. Онъ останавливался на сутки по случаю освященія храма въ с. Ивановскомъ, на фабрикѣ благодѣтеля нашего П. Г. Цурикова. Въ 3 часа пополудни прибылъ архипастырь. Вообще его серьезный видъ и довольно сухое обращеніе съ монашествующими наводили на меня страхъ и смущеніе. Встрѣченъ онъ былъ у св. вратъ съ хоругвями и запрестольными иконами, крестомъ и св. водой. Въ храмѣ мы зажгли всѣ паникадила и свѣчи, украсили его всѣмъ, что было лучшаго, какъ на самый большой праздникъ. Я не имѣла ни возможности, ни можетъ быть и довольно усердія, чтобы стать на молитву, а только въ умѣ говорила Владычицѣ, чтобы Она Сама расположила и смягчила сердце митрополита къ нашей убогой обители. Послѣ литіи и многолѣтія въ храмѣ я поднесла ему икону Успенія Божіей Матери и просфору, прося посѣтить наши маленькія заведенія. Онъ промолчалъ и прямо изъ церкви пошелъ въ приготовленную для него келію. Кушалъ одинъ. Сынъ его, протоіерей Гавріилъ Ивановичъ и секретарь, противъ обыкновенія, обѣдали особо, а меня онъ оставилъ съ собою во время стола. Сначала былъ суровъ, разспрашивалъ, какъ и кѣмъ основалась обитель, какія средства, гдѣ источникъ доходовъ, сколько примѣрно получается въ годъ? «Отъ 6 до 8 тысячъ, ваше высокопреосвященство», отвѣчала я.—«Какъ и гдѣ набираете вы 8.000 р.?»—«Владычица насъ собрала, Она насъ и питаетъ и промышляетъ насъ, а со сборомъ мы не ходимъ по завѣщанію основательницы обители, ваше в-во».—«Все тратите? Нѣтъ ли залежныхъ капиталовъ?»—Ваше в-во., когда я представляла отчеты покойному владыкѣ, отцу и благодѣтелю нашему, то всегда его первый былъ вопросъ: «Нѣтъ ли долга?» и получивъ отвѣтъ отъ меня, что нѣтъ его, спрашивалъ объ остаткѣ, на что тоже отвѣчала: иногда 3 р. или 2 р., а иногда и 50 к. с. Тутъ митрополитъ расхохотался.—«Вотъ богачи!» и сдѣлался гораздо благосклоннѣе. Мно-

*) См. выше, стр. 124.

Страстного Монастыря
игуменъ Евгеній

го говорилъ о бѣдности духовенства и что желаетъ на монастырскіе капиталы устроить для него богадѣльню на 300 человѣкъ.—«Все равно отнимете же у монастырей казна; лучше употребить на доброе дѣло. Покойнаго много обманывали, увѣряя, что духовенству хорошо.» Потомъ разспрашивалъ объ иконѣ Успенія Божіей Матери, кѣмъ, когда и какъ принесена. Приказалъ холодную церковь затворить, гдѣ его встрѣтили. «Холодно, одежонка на всѣхъ васъ плохая, зазябните; служите въ Успенскомъ придѣлѣ, а я буду стоять въ лѣвомъ, чтобы не стѣснять ни служащихъ, ни поющихъ и чтобы никто не входилъ ко мнѣ въ алтарь во время всенощной».—«А какъ прикажите, в. в., сократить служеніе или исполнять какъ у насъ обычно?»—«Чтобы служба шла порядкомъ, какъ всегда у васъ; я хочу посмотрѣть.» Послѣ обѣда отдыхалъ, и въ 6 часовъ ударили къ бдѣнію. Послѣ всенощной, провожавъ митрополита въ келію, я спросила его, не изволитъ ли сдѣлать какого замѣчанія на счетъ богослуженія? «Служба идетъ хорошо, очень хорошо, и поютъ хорошо, стройно, только нота хитра». Я просила служить у насъ.—«Некогда, спѣшу».

Утромъ, прочитавъ правило, осматривалъ монастырь, входилъ въ келіи и между прочимъ и къ регентшѣ м. Филаретѣ, опять хвалилъ пѣніе, былъ во всѣхъ церквахъ, въ новой трапезѣ, всѣмъ былъ доволенъ и вообще очень веселъ. Обходя монастырь, спросилъ меня: «Неужели всегда усыпаютъ монастырь пескомъ?»—Нѣтъ, в. в. Сестры, ожидая вашего посѣщенія, вмѣнили себѣ въ утѣшеніе убрать монастырь сколько возможно лучше, а ежедневно усыпать намъ некогда.»—«А гуляютъ ли онѣ?»—«Лѣтомъ послѣ богослуженія и послушаній клиросныя гуляютъ.»—«Надо, чтобы имѣли движеніе.» Часто повторялъ: хорошо, очень хорошо. Возвратясь съ освященія храма отъ Павла Григорьевича, позвалъ меня и старшихъ сестеръ и сказалъ: «М. игуменья и сестры, я слышу, что ни отъ игуменьи на сестеръ, ни отъ сестеръ на игуменью никогда не было доносовъ и прошеній. Мнѣ это весьма пріятно. Благодарю м. игуменью за порядокъ, за распоряженіе и васъ, сестры, за усердіе, за трудолюбіе. Благодарю, за все благодарю. Помните, что узокъ путь въ Царство Небесное. Недостатки несите съ терпѣніемъ; надо или здѣсь или тамъ потерпѣть. М. игуменья, живите дальше для блага обители, Богъ васъ благословитъ». И, вышедъ на крыльцо, еще повторилъ: «благодарю, всѣхъ благодарю.» Сестры бросились толпою къ благословенію и, подходя по нѣскольку разъ, тѣснились. Я старалась удержать ихъ; но онѣ, продираясь, изорвали мои четки и толкали митрополита. «В. в., простите ихъ простоту», сказала я.—«Сохраняйте сію любезную простоту навсегда, Богъ васъ благословитъ». Сѣлъ въ экипажъ и выѣхалъ изъ воротъ, благословляя на всѣ стороны.

Сіе впечатлѣніе обители на митрополита ни къ чему не могу приписать, какъ къ особенному покрову и склонности Владычицы! Когда явилась я въ Москву благодарить владыку за посѣщеніе, еще онъ благодарилъ и сказалъ: «Чтобы сохранить добрую славу обители, держите сестеръ строже, какъ можно строже.»

Преосвященный викарій Леонидъ утѣшился до глубины души отзывомъ митрополита о насъ, сказывалъ, что и ему хвалилъ все устройство и пѣніе, даже сказалъ, что келія игуменьи очень понравилась: «не роскошна и непространна, а очень хороша». Слава Богу, устрояющему вся!

Сего же года 27 Октября, къ общему утѣшенію, зданіе трапезы окончено и освящено игуменомъ Саввина монастыря Галактіономъ. Радость была общая; всѣ обнимались послѣ молебна, поздравляли другъ друга; но безъ сомнѣнія радость была болѣе всѣхъ ощутительна для м. казначеи Никандры, иждивеніемъ которой окончательно соорудилось зданіе. Къ 7.000 р. покойной г-жи Злобиной м. Никандра все нужное для совершенія и устройства трапезы дополнила своимъ капиталомъ (около 6.000 р. с.). Монастырскихъ употреблено тутъ же около 1.500 руб. с. Всѣ ее благодарили со слезами. Прибылъ на освященіе и Павелъ Григорьевичъ, его добрая душа не можетъ не участвовать въ радости ближняго; привезъ хлѣбъ-соль и со слезами тоже всѣхъ поздравлялъ, желая, чтобы въ трапезѣ *всего было много*. Какъ не дивиться? Почти всѣ жители обители неимущи до того, что иныя не имѣли копѣйки, чтобы взять заздравную просфору за м. Никандру. А зданіе стóить слишкомъ 15.000 р. с. по здѣшнимъ цѣнамъ, а въ Москвѣ навѣрно стоило бы около 30.000 р. Не дивное ли чудо? Слава Богу! Теперь и порядокъ держать можно, и всѣ въ покоѣ и утѣшеніи. Господи, созижди и души наши!

1868 года 8-го Декабря обитель была поражена ужасною вѣстью. Собрались говѣть; по обычаю послали лошадей за о. духовникомъ, экономомъ Чудова монастыря і. Стефаномъ. Экипажъ возвратился съ страшнымъ извѣстіемъ, что добраго и кроткаго старца убилъ его келейникъ. О. Стефанъ изъ жалости къ безнравственности этого молодого человѣка принялъ его подъ свой надзоръ, одѣвалъ и наконецъ взялъ себѣ въ келейники, надѣвъ на него монастырское одѣяніе; а онъ, злодѣй, въ благодарность за благодѣяніе, думая ограбить сундукъ съ деньгами (вѣроятно монастырскими), во время отдыха старца, послѣ того какъ онъ совершилъ въ Воскресенье позднюю литургію, вошелъ и, найдя его спящимъ, убилъ топоромъ. Господи, какой ужасъ! Человѣкъ все идетъ отъ силы въ силу ко злу. Страшное время! Господи, покрой и заступи!

1869 года, въ концѣ Генваря, заболѣла наша дорогая старушка бабушка Марья Григорьевна, была при вратахъ смерти; но Господь поднялъ ее. Слава силѣ Его, слава милосердію Его! Во всю болѣзнь была въ такомъ христіанскомъ и мирномъ духѣ, что ожидала смерти, какъ вожделѣнной гостьи. Не хотѣла она принимать никакого врачебнаго пособія, часто сообщалась Св. Таинъ и соборовалась. Письмо преосвященнаго Леонида, котораго она чтила и любила сердечно, заставило ее уступить нашимъ просьбамъ и употребить, хотя изрѣдка, врачебную помощь.

Того же года, въ первыхъ числахъ Февраля, монастырская сестра Александра Лебедева, доброе и простодушное дитя, вечеромъ была послана на монастырскую гостиницу часу въ 7 и, возвращаясь, увидѣла летящій отъ Востока къ Западу шаръ, видомъ и цвѣтомъ подобный лунѣ, но гораздо больше; отъ него хвостъ красноватый и синеватый съ искрами; пролетѣлъ очень быстро. Дѣвочка стояла въ страхѣ, никому о семъ не сказала, а по возвращеніи нашемъ съ тобою *) изъ Москвы передала тебѣ о явленіи семъ. Послѣ услышали, что крестьяне деревни Покровской видѣли шаръ въ томъ же видѣ. Вскорѣ открылась въ обители тифозная горячка. 21-го Февраля болѣзнь похитила сперва рясофорную послушницу Аглаиду, старшую въ рукодѣльной, а черезъ день (22 Февр. 1869) и мое доброе и послушливое чадо м. казначею Никандру. Господу угодно было отнять отъ меня утѣшеніе, которое я находила въ ея единодушіи и въ послушаніи. Буди его святая воля! Она вѣрно соблюдала слова святителя Филарета: нестяжаніе и воздержаніе ея были примѣрныя. Ничѣмъ она не отличала себя отъ сестеръ; не смотря на сіе, многіе старшія поносили ее; безъ сомнѣнія нуженъ былъ ей сей очистительный крестъ терпѣнія, дабы предстать предъ Господа съ чистою душой! Гряди, доброе чадо, въ вѣчность съ міромъ и, аще обрящешь дерзновеніе, помяни мать твою, утопающую въ суетѣ грѣховности.

Когда болѣзнь была во всемъ разгарѣ, и ежедневно по двое и по трое занемогали, совершено было молебствіе съ водоосвященіемъ предъ иконою Владычицы пречестнаго Ея Успенія; больныя напоены св. водой, окроплены ею всѣ палаты больницы и всѣ кельи монастырскія, и съ тѣхъ поръ никто уже не занемогалъ, милосердіемъ и предстательствомъ Царицы Небесной! Избранъ новый духовникъ, старецъ Саввинскаго скита о. Іоиль. Во время эпидеміи жилъ у насъ онъ сердобольный и въ жизни монашеской опытный.

---

*) Т. е. съ нынѣшнею игуменьей Московскаго Вознесенскаго монастыря, матерью Евгеніей же, для которой и написаны эти, принадлежащія ей лично, Записки. П. Б.

1869 года 9-го Марта вся обитель говѣла; отецъ Іоиль вступилъ въ свое дѣло духовника. Слава Богу! Кромѣ отрады и духовнаго утѣшенія ничего не предвидится.

Не знаю кто, духовникъ ли о. Іоиль, или Московскій священникъ Петръ Ив. Косминъ, руководитель Надежды Николаевны, воздѣйствовалъ на нее, и она наконецъ согласилась принять постриженіе въ мантію и послушаніе казначеи. Господи, благослови доброе начало! Много было разговора, убѣжденій. Однако она добра и умна, можетъ быть настоящею помощью. Какъ-то сойдемся съ нею; всегда у насъ было разномысліе. Буди воля Божія!

1869 года 14-го Марта отецъ духовникъ Іоиль принялъ схиму и наречень Иліей.

1869-го года 24 Іюня; послѣ литургіи въ настоящей церкви Св. Живоначальной Троицы, когда всѣ уже вышли, а остались однѣ церковницы для уборки, между ними и ты съ м. Мелетиной, какъ свѣчницы оправляли паникадило, ты только успѣла отойти къ двери, а м. Мелетина стояла еще на лѣстницѣ, цѣпь, на которой ово висѣло, оборвалась, и оно упало, раздробило аналой стоящій у амвона и падая даже не коснулось м. Мелетины. Цѣпь кольчатая никуда не откинулась, а собралась въ кучу около упавшаго паникадила. Разумѣвай милость Божію, напоминающую намъ, съ какимъ опасеніемъ мы должны проходить путь жизни нашей, находясь всегда на одну черту отъ смерти! Въ тотъ же день былъ отслуженъ молебенъ Заступницѣ и Покровительницѣ нашей Владычицѣ Богородицѣ предъ иконою Ея пречестнаго Успенія. А паникадило поновлено и опять устроено всегдашнимъ попечителемъ и благодѣтелемъ П. Г. Цуриковымъ.

1869 года 31-го Іюля отправились мы съ тобой къ Преподобному Сергію въ Троицкую Лавру, я грѣшная, сколько для поклоненія его св. мощамъ, столько, или даже болѣе, чтобы побывать на гробѣ отца и владыки. Придумала, чтобы по-желанію сердца и панихиду служить прежде молебна; но Преподобный, видя малодушіе мое, все устроилъ въ порядкѣ и даже не знаю, какъ и за что и почему мнѣ открыли его святую главу. Тутъ я возчувствовала свое увлеченіе. Никогда, другъ мой, не дѣйствуй по влеченію сердца, а всегда будь руководима разсудкомъ. Была я у о. намѣстника Антонія; много говорили о преставшемся владыкѣ. Постараюсь припомнить какъ можно вѣрнѣе слова о. архимандрита.

1867 года 1-го Октября (началъ рѣчь о. намѣстникъ) служилъ я въ Хотьковской женской обители въ день ихъ храмового праздника, стало быть, за полтора мѣсяца до кончины святителя. Вхожу къ нему съ докладомъ, что служеніе было благополучно. Выслушавъ меня, онъ

началъ свою рѣчь:—«Видно, я скоро умру; въ умѣ моемъ чувствую просвѣщеніе». Владыка святый, Господь продлить жизнь вашу. Ваша матушка жила 96 лѣтъ.—«А почему ты это знаешь?»—Я слышалъ такъ.—«А я тебѣ скажу, что она окончила жизнь на 86 году; мнѣ всѣхъ вѣрнѣе это знать. И такъ повторяю тебѣ, что чувствую просвѣщеніе въ умѣ; боюсь самообольщенія».—Имѣя вашу многолютную опытность, владыка святый, вы не должны страшиться.—«Вижу я страшную тучу, идущую отъ Запада на церковь и на Россію; но, чѣмъ она разразится, не вижу».—Будьте молитвенникомъ предъ Господомъ за насъ.

Еще говорилъ о. Антоній: «Господи Боже мой, когда былъ святитель еще покрѣпче, бывало придетъ въ Троицкій соборъ къ утрени, станетъ на третьемъ мѣстечкѣ, озаботится, что я стою на первомъ отъ двери: «Тебѣ дуетъ, какъ ты стоишь здѣсь?» Простоитъ шестопсалміе и пойдетъ въ Успенскій соборъ, оттуда къ Смоленской, вездѣ все примѣтитъ, точно птичка все облетитъ. Да и скажетъ: тамъ читаютъ спѣшно, тамъ-то замѣтитъ какой либо безпорядокъ, а замѣтитъ, такъ отечески, съ такою любовью! А между тѣмъ не выполнить замѣчанія пѣть возможности. Бывало доложишь съ волненіемъ о какомъ-либо бездорядкѣ въ братіи, требуешь строгихъ мѣръ для исправленія; а онъ такъ разумно, такъ спокойно отдѣлитъ человѣка отъ его паденія, дастъ понять всю должную мѣру любви и терпѣнія, что невольно выйдешь отъ него, обличая себя въ суровости и нелюбви къ ближнему. Господи, Боже мой! Какъ онъ постоянно любилъ Бога и ближняго! Онъ не былъ постникъ, не былъ подвижникъ, но шелъ съ юности почти ровнымъ одинаковымъ царскимъ путемъ. Иной на подвигѣ положитъ года, а тамъ разслабѣетъ и позволяетъ себѣ покой, а онъ всю жизнь былъ на одинаковой стражѣ, какъ положилъ себѣ сначала. Все вкушалъ, но въ такой строгой мѣрѣ, что труднѣе всякаго пѣденія. Напримѣръ. Однажды онъ кушалъ чай; его мѣра послѣ обѣда была одна чашка; онъ выкушалъ ее и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: «что-то пить хочется; можно еще?»—Да кушайте, владыко святый.—«Подайте полчашки. А хлѣба можно?» Подали ломоть хлѣба; онъ отломилъ ¼ доли и скушалъ съ чаемъ. Да что вы кормите цыплятъ; кушайте Бога ради.—«Нѣтъ, этого мнѣ довольно».—Какой подвижникъ или постникъ возможетъ себя воздержать такимъ образомъ всю жизнь? Еще сказывалъ: «Любилъ онъ меня какъ сына, не скрывалъ отъ меня своихъ свѣтлыхъ мыслей; а между тѣмъ я чувствовалъ предъ нимъ великій страхъ и благоговѣніе. Отъ чего, однажды спросилъ я его, я васъ боюсь до того, что, входя къ вамъ, всегда прочитываю молитву *Отче нашъ* и призываю Св. Ангела хранителя, чтобы словомъ моимъ не нарушить мира вашего? Отъ чего

этотъ страхъ и благоговѣніе? — «Это твое добро, а моего ничего нѣтъ», отвѣчалъ онъ. Святитель всегда даже до излишества видѣлъ все доброе въ ближнемъ; ему все казалось великимъ подвигомъ въ другихъ, свое-же великое онъ не только не примѣчалъ, но и даже и не постигалъ, что оно можетъ быть въ немъ. Сколько разъ съ удивленіемъ говорилъ онъ о подвигахъ миссіонерства преосвященнаго Иннокентія. «Вообрази, говорилъ, онъ ѣздитъ на собакахъ!» — Да и всѣ тоже ѣздятъ такъ. — «Нѣтъ, удивляюсь ему; надо дать понятіе о немъ въ Св. Сунодѣ». И точно, кто же какъ не святителевъ гласъ возвелъ преосвященнаго Иннокентія на митрополію Московскую.

Еще любопытное событіе о себѣ самомъ разсказывалъ о. архимандритъ. Когда я былъ изъ пустыни переведенъ въ настоятели Лавры, меня страшно тяготила эта должность; постоянная мысль, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, проситься въ отставку мучила меня до уныніе. Не находя утѣшенія ни въ комъ, я отправился на богомолье въ Воронежъ. Преосвященный Антоній Воронежскій, мужъ въ добродѣтели дивный, встрѣтилъ меня съ отеческою любовію, и я открылъ ему возмущавшій меня помыселъ.

«Нельзя рѣшить вдругъ этотъ вопросъ, сказалъ онъ мнѣ; помолимся три дня святителю Митрофану и что онъ намъ откроетъ, то и сотворимъ». По окончаніи трехъ дней преосвященный приглашаетъ меня ѣхать съ нимъ за городъ въ Дѣвичій монастырь, который онъ любилъ, а игуменья и казначея были въ немъ Московскія и мнѣ дѣти духовныя. Я принялъ приглашеніе, и въ каретѣ началъ онъ мнѣ разсказывать, какъ и его тяготило начальство, какъ онъ просился у Сунода на покой. Да, продолжалъ онъ надо возлагать все на волю Промысла Божія. Въ этомъ смущеніи мыслей я однажды прилегъ на диванъ въ залѣ отдохнуть и едва закрылъ глаза, слышу голосъ въ головахъ. Не знаю кто говорилъ мнѣ, Ангелъ или святитель Митрофанъ. «Ты хочешь проситься на покой?» — Да, отвѣчаю мысленно. — «А знаешь ли ты, что такое начальство?» Это распятіе Господу Нашему Іисусу Христу; а Онъ съ креста не сошелъ, Его сняли со креста: то ты и долженъ пребывать на немъ». Я, продолжалъ о. архимандритъ, слушалъ его и старался скрыть лицо мое, по которому слезы градомъ катились изъ глазъ, а слова его какъ острымъ орудіемъ врѣзывались на сердцѣ моемъ. Между тѣмъ карета остановилась у вратъ монастыря, старицы приняли насъ съ радостію и предложили намъ взглянуть на 99-тилѣтнюю подвижницу ихъ обители. Вошли мы въ ея убогую келію. Согбенная лѣтами и подвигами старица встала, чтобы принять благословеніе, и опять сѣла на свою кроватку, надъ которой находились два портрета святителей Митрофана и Тихона. «Вотъ, ба-

тюшка, сказала она, указывая на портреты, этотъ милостивый, добрый, т.-е. святитель Митрофанъ, а этотъ—Богъ съ нимъ!» — Что ты это говоришь? возразилъ преосвященный...—«Да какъ же, вотъ въ прошедшую ночь они оба ко мнѣ пришли. Святитель Митрофанъ и говоритъ святителю Тихону: «Пора отпустить рабу Божію, пора разрѣшиться ей изъ узъ плоти; а святитель-то Тихонъ отвѣтилъ: «нѣтъ, пусть еще потерпитъ.» Каковъ же; а я какъ молилась, какъ просила, что пора уже переселиться въ вѣчность! Самъ онъ потерпи!» Вотъ простота! Сама не понимаетъ, отчего бесѣдуетъ со святыми какъ съ живыми людьми. Нынѣ трудно уже найти сію блаженную простоту. Наконецъ, отправились домой и, возвратясь, преосвященный Антоній предлагаетъ мнѣ ужинать съ нимъ.—Никогда не ужинаю, владыко. — Ну, хоть такъ посиди. Черезъ нѣсколько минутъ онъ началъ рѣчь: «Вотъ три дня прошли; надо рѣшить твое недоумѣніе и волненіе твоего духа.»— Владыко, давеча въ каретѣ вы съ намѣреніемъ говорили, или это былъ просто разсказъ о вашемъ прошедшемъ?—«Что я говорилъ?» —Да какъ же, вы мнѣ разсказывали о собственномъ вашемъ состояніи духа и о гласѣ вами слышанномъ. Ваше слово все рѣшило.— «Неужели я разсказалъ тебѣ? Смотри же, молчи, никому въ жизни я сего не открывалъ, и какъ сказалъ тебѣ, не помню.» —«И мы, прибавилъ о. архимандритъ, можемъ сказать, что сами грѣшные, но видѣли праведныхъ и избранныхъ Божіихъ.» Сему повѣствованію было поводомъ, что я объяснила о. архимандриту смущеніе мое въ послушаніи управленія и насколько трудно сохранить миръ душевный и порядокъ въ дѣлахъ обители. На это онъ отвѣтилъ: «Что дѣлать? Часто приходится и кошкѣ поклониться въ ножки!.»

1869 года 16-го Сентября. Посѣтилъ обитель нашу достопочтенный старецъ Іоаннъ Александровичъ Кривцовъ, основатель Введенской богадѣльни въ Бессарабіи. Слѣпецъ престарѣлый, сопровождаемый однимъ изъ учениковъ своихъ (Одесскимъ купцомъ, положившимъ все свое достояніе для устройства благотворительнаго заведенія), уже полтора года проживаетъ въ Москвѣ, смиренно испрашивая пособія у добрыхъ людей для своихъ возлюбленныхъ чадъ, хромыхъ, слѣпыхъ, калѣкъ, собранныхъ въ его заведеніи въ числѣ 150 человѣкъ. Усердіе оказалось малочисленно; но онъ, уповая на Владычицу, не скорбитъ и возвращается съ радостію въ свое уединеніе. Видъ старца поразителенъ; слѣпой, согбенный, удрученный постомъ и подвигомъ, онъ непрестанно творитъ молитву, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятенъ, радушенъ и веселъ. Ни онъ, ни его сотоварищи и ученики не имѣютъ монашескаго одѣянія, но проходятъ тайное монашество, какъ самъ онъ выразился. Я пригласила его къ себѣ. Бесѣда его простая, сердечная, изъ ко-

ей ясно видно, что онъ не отъ начитанности, не отъ привычки научать говорить, а отъ внутренняго и опытнаго упражненія въ добродѣтельномъ подвигѣ. Въ бесѣдѣ своей высказалъ онъ свое уваженіе къ преосвященному Воронежскому Серафиму.—«Это архіерей не вѣка сего, сказалъ старецъ, смиреніе его дивное. Подумай, матушка; онъ промѣнялся со мной своей одеждой, мою возложилъ на себя, а мнѣ отдалъ свою. При мнѣ пришла къ нему женщина съ просьбой и, конечно, кланялась ему въ ноги; а онъ, подумай-ка, разсмѣялся да и говоритъ: «Посмотримъ, старица, умѣютъ ли архіереи низко кланяться», да самъ бухъ ей въ ноги. Вотъ, матушка, святитель предобрый и пресмиренный. Нынѣ мало уже таковыхъ».

Еще говорилъ: «Спасайтесь, ищите Царствія Божія, много званныхъ да мало избранныхъ, говоритъ Господь; а что это значитъ? Взгляни на небо, все усыпано звѣздами, а много ли блестящихъ звѣздъ? Опусти взоръ на лугъ въ Маѣ мѣсяцѣ, весь усѣянъ разными травами, а часто ли найдешь ладоновую травку; такъ, кое-гдѣ! Такъ-то и избранные Божіи; много вѣрующихъ словомъ, да много ли спасающихся?» Еще говорилъ: «Трудно поклоны класть, трудно поститься, лѣнь одолѣваетъ, немощь мѣшаетъ; а вы возьмитесь за вѣрный путь, любите другъ друга, смиряйтесь, прощайте другъ друга, вотъ и легкій путь. Спаситель сказалъ: *Претерпѣвый до конца той спасется. Въ терпѣніи вашемъ стяжите души ваша.* Сими словами какъ бы устрашаетъ насъ, а тамъ и прибавляетъ: *Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть*, а то-то сіе и есть иго любви и смиренія.»

Прощаясь я просила его принять на память четки. Онъ разсмѣялся и сказалъ: «А, мать, какая ты хитрая! Ты какъ Закхей, возрастомъ малъ бѣ и влѣзъ на высокое дерево, да оттуда и заманилъ къ себѣ Спасителя; а ты мнѣ старому хитро напоминаешь о непрестанной молитвѣ и заставляешь восходить по этой лѣстницѣ на небо. — Да вашими молитвами и насъ туда же притащите», сказала я.—«Благо, благо, молитвою взыдемъ на небо! Простите, да будетъ надъ вами всѣми благословеніе Господне!»

Сего же года 18 Сентября посѣтилъ обитель преосвященный Леонидъ, викарій Московскій. Совѣстно даже передавать его милостивое и внимательное обхожденіе со мною грѣшной. Объѣзжалъ епархію и непремѣнно хотѣлъ быть въ обители 18-го числа, въ день открытія, день достопамятный для насъ. Сколько сирыхъ, бѣдныхъ, престарѣлыхъ нашли пріютъ подъ сѣнію сего устроенія! Буди вѣчная память основательницѣ игуменьѣ Евгеніи. Преосвященный выразилъ сіе сочувствіе и глубокое уваженіе къ памяти матушки-игуменьи. Онъ посѣтилъ уже насъ вечеромъ и уѣхалъ въ 11 часу, въ дождь и сильную грозу.

1869 года 15 Октября получили при указѣ Московской Духовной Консисторіи отъ купца Щенкова (брата покойной м. казначеи Никандры) остальной ея капиталъ, который она просила брата еще при жизни своей отдать въ обитель послѣ ея смерти, 14.500 р. с., изъ оныхъ 1.000 р. с. священно-церковно служителямъ для вѣчнаго поминовенія, а остальные 13.500 р. с. въ обитель для полученія процентовъ, не трогая капитала. Смотри и разумѣвай, чадо возлюбленное, попеченіе Владычицы о насъ грѣшныхъ и недостойныхъ! Перестали ѣздить побираться по деревнямъ, что всегда было у меня на совѣсти, первое потому, что разрушалось симъ завѣщаніе покойной матушки не ходить со сборомъ; второе, что сестры, шатаясь по деревнямъ, теряли время, привычку быть дома и сколько-нибудь внимательно проводить жизнь; а третье, что противъ совѣсти вытягивать у людей трудовой хлѣбъ, когда мы можемъ его своими руками выработать. И что же? Перестали ханжить; года не прошло, и съ преизбыткомъ Владычица замѣнила получаемое въ хлѣбномъ сборѣ. Великій еси Господи, и чудны дѣла Твои!

Того же года 28-го Ноября была я въ Москвѣ по дѣламъ обители и посѣтила княжну А. В. Голицыну, у которой устроена больница для монашествующихъ и сборщицъ. Наша м. Клеопатра лежала у нея, и я желала поблагодарить княжну. Въ разговорѣ она мнѣ передала, что, въ послѣднее ея свиданіе съ митрополитомъ Филаретомъ, онъ ее просилъ всегда принимать въ больницу Аносинскихъ и Зосимовскихъ сестеръ. «Я всегда принимаю Бородинскихъ», сказала княжна, «и въ настоящее время многія лежатъ у меня».—«Я васъ прошу о тѣхъ. Бородинскія не такъ жалки, у нихъ болѣе связей и средствъ, а эти бѣдныя сироты». Вотъ какое попеченіе отецъ и святитель имѣлъ постоянно о насъ!

1870 года 3-го Февраля совершилось у насъ въ обители небывалое событіе: милостію Божіею воспріяла св. схиму м. Аріадна, нынѣ схи-монахиня Анна, кроткое, незлобливое существо. Сколько было глумленія надъ ней всегда; съ самаго ея вступленія не было ей въ обители другого имени, какъ *дурочка гнилая*; сколько ее укоряли за ея постоянную довѣренность и любовь ко мнѣ грѣшной! Она все сносила въ молчаніи и всегдашнемъ незлобіи. За то и Богъ ее превознесъ и даровалъ сей имя Серафимское и безъ сомнѣнія благодать Свою. Она уже слишкомъ 26 лѣтъ живетъ въ обители.

Хотя спамъ вѣрить не должно и грѣшно; но что̀ хочу передать, то случилось не безъ промысла Божія, ищущаго всѣмъ спастися. Когда

наступило время сбора монашествующихъ и сестеръ въ мою келію для вывода къ постриженію въ схиму въ церковь м. Аріадны (это ея монашеское имя), мало кто изъ монахинь пришли. Послали за ними и когда сказали одной изъ нихъ, которая поносила и глумилась всячески надъ м. Аріадной, она и тутъ выразила презрѣніе къ ней и сомнѣніе, что не по достоинству пріемлетъ св. схиму. Эта монахиня въ слѣдующую ночь видитъ во снѣ огромное поле застроенное разными зданіями съ обѣихъ сторонъ, посреди древо необыкновенно красивое; она хочетъ осмотрѣть его и чѣмъ болѣе приближается, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ необычайное благоуханіе; подходитъ ближе и удостовѣряется, что запахъ отъ дерева и видитъ съ вѣтвей его сливающуюся росу на землю и ее орошающую; хочетъ распространить росу животворную на весь лугъ, но недоумѣваетъ, какъ это сдѣлать. Въ эту минуту просыпается и понимаетъ, что дерево благоуханное м. Аріадна, ею всегда поносимая. Монахиня, сильно тронутая и по послушанію отъѣзжавшая въ Москву, просила молитвъ и прощенья у новой схимонахини Анны.

Того же года въ Февралѣ мѣсяцѣ по дѣламъ обители была я въ Москвѣ у преосвященнаго викарія Леонида и, въ разговорѣ объ исповѣди и духовникахъ онъ передалъ мнѣ замѣчанія въ Бозѣ почившаго владыки митрополита Филарета.... Преосвященный Леонидъ день отъ дня болѣе располагается довѣріемъ ко мнѣ грѣшной. Господи управь сіе во благо и на пользу! Не попусти моему самолюбію утѣшаться и превозноситься довѣріемъ лица начальствующаго!

1870 года 19 Мая лишилась наша семья драгоцѣнной нашей бабушки Марьи Григорьевны; она переселилась въ вѣчность, можно сказать, безболѣзненно, 75-ти лѣтъ. Вечеромъ была весела, забавляла и утѣшала внучку свою и крестницу Машу Кругликову, легла въ 12 часу вечера, сдѣлался ударъ, продолжалось безчувствіе до 1-го часа дня, и тихо предала духъ свой Господу, окончивъ свою жизнь самоотверженную и исполненную любви ко всѣмъ. Съ полнымъ утѣшеніемъ принимаю прахъ ея въ обитель ей совершенно близкую и родную. Господь привелъ ее здѣсь въ Аносинѣ воспитаться у матушки Евгеніи вмѣстѣ съ матерью нашей, потомъ и самой воспитать двухъ ея дѣтей, Настасью Кругликову и Александру Глѣбову. А теперь первую Господь утѣшилъ исполнить послѣдній долгъ и самой принять духъ матери-воспитательницы, а подлѣ другой лечь въ могильный покой! Какъ

вторую мать съ любовію срѣтаю. Упокой ее, Господи, во царствіи Своемъ!

1870-го года 19 Іюля посѣтилъ обитель преосвященный Леонидъ, предваривъ меня письмомъ, что желаетъ придти въ обитель не въ видѣ начальника, но какъ братъ, безъ всякихъ излишнихъ приготовленій. Я и мысли не имѣла приглашать его къ служенію, на что у насъ нѣтъ и средствъ; но онъ самъ вызвался совершать всенощную, па другой день литургію, кушалъ обще съ нами въ трапезѣ, не захотѣвъ отнюдь измѣненія въ оной; все что̀ могла—испросить позволенія устроить пищу какъ въ большіе праздники у насъ на трапезѣ устрояется, что̀ весьма не великолѣпно для архіерейскаго обѣда. Преосвященный обошелъ всѣ наши маленькія заведенія, всѣ келіи, съ любовію и милостію всѣхъ привѣтствовалъ. На могилѣ матушки игуменіи Евгеніи и бабушки Марьи Григорьевны совершилъ литію, всѣмъ остался доволенъ. Мы проводили владыку съ грустью и вмѣстѣ съ сердечною признательностію. Сестры забыли труды и усталость ради приготовленія, а только радовались, что удостоена обитель вожделѣннаго посѣщенія добраго и милостиваго нашего владыки.

1870-го года, въ началѣ Августа, рѣшились сдѣлать заемъ для устройства ограды, которая падаетъ. Смущала меня мысль, что долгъ всегда былъ противу мысли покойнаго святителя, но нужда крайняя заставила и противъ желанія просить. Игуменъ о. Іосифъ Давидовской пустыни обѣщалъ дать безъ процента 4.000 р. с. Ну слава Богу, думала я, выпросила, доложила митрополиту; дѣло улажено. И вдругъ Господь судилъ иначе: отецъ и святитель не восхотѣлъ, чтобы я грѣшная преступила заповѣдь его. О. игуменъ отказался безъ настоящей причины, а постройку взялъ на себя благодѣтель обители П. Г. Цуриковъ.

1870-го года 19 Ноября день памяти отца и владыки нашего. Думая часто и перебирая въ умѣ всѣ случаи и слова святителя, припоминалось мнѣ слѣдующее происшествіе. Строился у насъ въ монастырѣ каменный подвалъ подъ рухлядной противъ моей келіи. Каменьщики были безпорядочны. Сестра, приставленная за надзоромъ по стройкѣ, конечно часто ворчала на нихъ, а они много ей грубили. Наконецъ подвалъ былъ оконченъ, убранъ, и уже кое-что въ него поставлено, и тѣмъ днемъ хотѣли освятить его. Утромъ послѣ заутрени старшая трапезница послала одну изъ вновь вступившихъ что-то изъ него принести; та побѣжала, отворяя дверь, испугалась и упала навзничь безъ памяти. Долго не могли привести ее въ сознаніе; наконецъ, когда память возвратилась, она разсказала, что, входя въ подвалъ безъ молитвы и спѣшно, увидѣла страшную, огромную лягушку, которая

съ визгомъ бросилась на нее, а больше ничего не помнитъ. Я же, сидя у открытаго окна въ моей келіи, точно слышала страшный визгъ, что̀ заставило меня выйти узнать о причинѣ оного; сестру видѣла въ конвульсіяхъ, но лягушки не видала. Съ тѣхъ поръ бѣдная сестра сдѣлалась почти дурочкой, отъ всего святаго отвращалась, церкви бѣгала, кричала; ее ломало, особливо, когда сообщалась Св. Таинъ. Въ безпамятствѣ повторяла: «наконецъ перейдетъ со мной, а послушанія святаго никогда нести не буду». Не зная что̀ сдѣлать съ ней, однажды пришло мнѣ на мысль надѣть на нее образъ Пр. Сергія, благословленный мнѣ отцемъ владыкой митрополитомъ Филаретомъ и, скативъ съ него воду, напоить несчастную. Это послужило къ ея успокоенію и было единственнымъ способомъ облегченія въ ея припадкахъ. Наконецъ, бывъ по дѣламъ въ Москвѣ у святителя, я ему передала все подробно, и онъ приказалъ ее отвезти въ Лавру къ Преп. Сергію съ порученіемъ о. намѣстнику попещись духовно о больной. Взявъ благословеніе и съ вѣрою въ святительскія молитвы, мы отправились; наша больная все время была тревожна, но изъ экипажа не рвалась. Остановились кормить лошадей, сами отдохнули, пообѣдали, приказываю закладывать; кучеръ говоритъ: «съ лошадью что-то сдѣлалось, вся въ пѣнѣ, трясется и корма не ѣстъ». Въ раздумьѣ велѣла нанять лошадь, и вдругъ пришла мнѣ мысль, не врагъ-ли намъ хочетъ преградить путь и, призвавъ въ помощь Угодника Божія и молитвы владыки, скатила водой образъ имъ мнѣ благословленный, облила лошадь и дала ей остальное выпить. Лошадь успокоилась, съѣла кормъ, и мы доѣхали благополучно. Послѣ сего она служила намъ нѣсколько лѣтъ. Больную-же оставили въ Лаврѣ съ монахиней нашей; она тамъ пробыла шесть недѣль; надъ ней читали, часто сообщали Св. Таинъ, соборовали, и она возвратилась милостію Божіей исцѣленною. Только здоровье ея потеряно: она страдаетъ болью въ головѣ и потому постояннаго послушанія нести не можетъ, но безуміе и припадки вовсе прошли. Впослѣдствіи негодные каменщики проговорились и высказывали, что имъ жаль эту сестру, а что они это устроили для той, которая была въ то время при постройкѣ.

Того-же года 1871 въ началѣ Марта получила указъ о перемѣнѣ у насъ благочиннаго и о назначеніи въ сію должность вмѣсто досточтимаго старца отца архимандрита Гедеона Угрѣшенскаго архимандрита Пимена. Эта перемѣна для насъ весьма чувствительна. О. Гедеонъ былъ отечески расположенъ и къ обители, и ко мнѣ грѣшной. Послѣ многихъ и многихъ столкновеній и недоразумѣній съ казначеей м. Іоанной дѣло дошло до того, что она отозвалась болѣзнію и рѣшительно отказалась отъ должности казначеи,

но титулъ еще за ней. Управь ее Господь ко благу! Не постигаю пути ея! Теперь къ письмоводительству пріучаю Елисавету Арсеньеву; она близка мнѣ, какъ залогъ послѣ покойной Юліи; а тебя, чадо, ввожу въ дѣла хозяйственныя и счеты. Учись уже серіозно служить обители. Да поможетъ тебѣ Господь!

Сего-же года 25 Февраля умерла жившая у насъ въ обители дѣвица изъ дворянъ Силина; при кончинѣ облекли въ рясофоръ и нарекли Антониной. Ни въ жизни, ни въ умѣ ничего не было замѣчательнаго, а Господь утѣшилъ мирной кончиной, и такъ была хороша усопшая, точно живая!

Того-же года 4-го Іюня, наконецъ, м. Іоанна подала форменную просьбу объ отставкѣ отъ должности казначеи. Много было непріятностей, много, можетъ быть, недоразумѣній и съ той и съ другой стороны. Но Господь все устроятъ къ лучшему и къ спасенію; можетъ быть, водворится опять миръ въ обители. Избрана м. Клеопатра исправляющей должность. Это сдѣлалось нечаянно; тутъ въ существѣ не было выбора ни моего, ни сестеръ; видно такъ Богу угодно, все къ лучшему. Этимъ прибавилось мнѣ труда и заботъ, а тебя, дитя мое, избавило отъ разныхъ скорбей и вражды. Слава Богу! Жаль и м. Іоанну. Сколько можно человѣчески видѣть, она едва-ли на правомъ пути, не въ искушеніи-ли? А можетъ быть влечется желаніемъ къ уединенію. Трудно проникнуть въ каждую душу, а особенно въ ея. Управь ее Господь! А намъ что̀ сказать? *Терпя потерпѣхъ Господа и внятъ мнѣ.* Всегда помню слова твоего дѣдушки о. Николая, что правда свѣтлѣе солнца.

Того же года, въ первыхъ числахъ Іюля, посѣтила обитель графиня Орлова-Давыдова съ дочерью; входили во всѣ подробности, порядки устава и хозяйства, обѣдали въ трапезѣ будничнымъ кушаньемъ. Остались вполнѣ удовлетворены и просили позволенія прислать довѣренное лицо пожить, чтобы вглядѣться въ чинъ общежитія. Кажется, хотятъ сами завести общину. Были онѣ у насъ по указанію и соизволенію митрополита Иннокентія.

Обитель наша всегда была окружена небогатыми селеніями, а въ настоящее время, можно сказать, обѣднѣвшими, такъ что къ веснѣ многіе изъ поселянъ нуждаются въ хлѣбѣ и почти постоянно приходятъ брать заимообразно ржаную муку до собранія новаго хлѣба, въ чемъ обитель имъ и не отказываетъ. Въ нынѣшнемъ году число просителей умножилось или отъ ихъ же нерадѣнія и пьянства, или, можетъ быть, и по другимъ причинамъ, не знаю, только мнѣ они на-

доѣли, и я не велѣла имъ давать муки. Благодѣтель же нашъ постоянный П. Г. Цуриковъ уже многіе годы къ 1 Мая и къ 1 Ноября даетъ обители на содержаніе странниковъ по 500 р. с. Нынѣ же и 1 Мая, и до конца Мая нѣтъ обычной отъ него милостыни. Меня стало тревожить его забвеніе. Спросила у Саввинскаго намѣстника, получилъ ли онъ обычную милостыню? Тому выдано было въ извѣстный срокъ. Тогда мнѣ пришла мысль, не я ли сама причиной замедленія и не отдамъ ли за то отвѣта предъ Богомъ, и первому пришедшему за мукой велѣла выдать просимое и давать безпрепятственно по обычаю. Что же? На другой день пріѣзжаетъ П. Г. Цуриковъ и проситъ извиненія, что за разными хлопотами забылъ привезти обычную милостыню обители, и передаетъ теперь *500 р. с.* Вотъ какъ Господь учитъ помнить заповѣдь Свою, что и за малую милость воздастъ сторицею! Мы даемъ во время нужды заимообразно, *не велика жертва*; а Онъ Всеблагій изливаетъ Свою милость, чрезъ избраннаго раба Своего, тупе и щедро.

Того же года 18 Іюля преосвященный викарій Леонидъ посѣтилъ обитель, служилъ, по обычаю, былъ милостивъ и внимателенъ. Не стою сего милостиваго вниманія. Дай Богъ, чтобы расположеніе владыки не измѣнялось.

М. Іоанну прочили въ игуменьи, но ея настойчивый отказъ отъ казначейства разрушилъ намѣреніе начальства. Все Господь ведетъ къ лучшему, неизслѣдимы судьбы Его. Да водворится миръ и любовь въ нашемъ маломъ убѣжищѣ!

Съ преосвященнымъ пріѣзжалъ и новый благочинный Пименъ. Онъ мнѣ не по духу; присутствіе и благоволеніе владыки Леонида оградило насъ отъ пустого разысканія и замѣчаній благочиннаго.

Въ теченіе послѣдняго времени распространилась холера, хотя не сильная, въ окрестностяхъ обители. Сегодня, т.-е. 7 Августа, пришла пріобщиться Св. Таинъ крестьянская дѣвица Евдокія Андреевна изъ Труховки (постоялый дворъ на Воскресенской дорогѣ) и сообщила, что въ недавнемъ времени она ощущала всѣ припадки холеры по почамъ въ теченіи двухъ сутокъ; днемъ ей становилось легче, но когда внезапно занемогла холерой же ея невѣстка и въ сутки кончила жизнь, она оробѣла, и съ пей усилилась болѣзнь. Находясь въ страданіяхъ и корчахъ, она обѣщала, ежели Владычица св. иконою Своею Тихвинскія подниметь ее, отслужить молебенъ съ водоосвященіемъ и акаѳистомъ и тутъ же почувствовала облегченіе, выздоровѣвъ говѣла

и сегодня сообщалась Св. Таинъ. Все это время ежедневно поднимаютъ сію св. икону и съ теплой вѣрой ей молятся.

Того же года 8-го Сентября Александра Ѳедоровна Туровская, нынѣ рясофорная послушница Хотькова монастыря Антонія, прибывшая на богомолье въ нашу обитель, передавала слѣдующее. Въ посадѣ Троицкой Лавры жила и доселѣ живетъ бѣдная дѣвица добраго и духовнаго настроенія, которой постоянно въ Бозѣ почившій владыко Филаретъ ежемѣсячную давалъ милостыню. По кончинѣ его она сильно скорбѣла о немъ и о томъ, что не знаетъ, какъ о немъ молиться. Не смѣю, говорила она, взывать къ нему, какъ къ святому; не смѣю и поминать какъ человѣка, требующаго обычнаго поминовенія. Въ этомъ скорбномъ раздумьѣ пришла она въ церковь Филарета Милостиваго къ могилѣ святителя и припала къ нему, какъ къ живому, вопрошая о своемъ сомнѣніи. Въ туже ночь видитъ во снѣ, что она въ келіяхъ у владыки въ Лаврѣ и что онъ съ обычною милостію говоритъ ей: «Ты не знаешь и смущаешься, какъ за меня молиться. Молись вотъ такъ: *Упокой Господи іерарха Филарета и его святыми молитвами прости моя согрѣшенія.* Съ симъ пробудилась, ощущая радость и спокойствіе въ душѣ.

Другой случай. Въ Москвѣ у купчихи Смирновой была сестра отчаянно больна, и когда она ее посѣтила, то уже больная была особорована и напутствована Св. Тайнами, а врачами приговорена къ смерти. Въ скорби Смирнова возвратилась домой и прилегла на диванѣ, сама не знаетъ, какъ задремала и видитъ, что она на подворьѣ у владыки Филарета въ Москвѣ, отворяетъ дверь изъ передней, но не узнаётъ его залы: совсѣмъ другое, стѣнъ не видитъ, а вездѣ свѣтъ въ храминѣ. Она испугалась; но, увидя въ глубинѣ владыку, сидящаго за столомъ и пишущаго, кинулась къ нему и, припадая къ стопамъ его, проситъ о молитвѣ за сестру болящую.—«А я писалъ приговоръ». Она взглянула на бумагу и видитъ, что при движеніи пера выходятъ слова огненныя на бумагѣ. Въ страхѣ она поняла, что это былъ смертный приговоръ сестрѣ. «Владыко святый, вы всегда были милостивы къ паствѣ вашей; умилосердитесь, сотворите молитву о сестрѣ моей умирающей!»—«Ну хорошо», и оттолкнулъ бумагу. «Я очнулась», говоритъ Смирнова, «въ туже минуту обратно поѣхала къ сестрѣ, застала ее крѣпко спящую.» Съ сей минуты болѣзнь миновалась, и она жива и здорова до сего дня. Все можетъ сила молитвы. А велики заступленіе и молитвы праведнаго!

Сего 1871 года въ Октябрѣ мѣсяцѣ благодѣтель нашъ П. Г. Цуриковъ сильно былъ встревоженъ. Въ теченіе мѣсяца подкинули ему, кажется, три письма съ прещеніемъ сжечь фабрику, ежели въ назначенныя мѣста не положитъ назначенной суммы денегъ. Наконецъ въ послѣднемъ, четвертомъ письмѣ назначено мѣсто около почти нашей ограды, у балагана, гдѣ помѣщаются каменщики-рабочіе. Явилась къ намъ тайная полиція, чтобы схватить злодѣя; провели двое сутокъ, ничего не развѣдали и никого не поймали, а подозрѣніе и доказательство явно падали на одного изъ земляниковъ, работавшихъ и у насъ, и на фабрикѣ Цурикова. Розыски оказались не успѣшны. Павелъ Григорьевичъ прибѣгнулъ къ Владычицѣ, служилъ молебенъ, просилъ молиться. Я, зная свою лѣность, не смѣла думать взять на себя, а сказала о. духовнику іеросхимонаху Иліи, схимницѣ Аннѣ и одной новопостриженной монахинѣ, что настоятъ сильная скорбь и смущеніе, чтобы просили Владычицу развязать узелъ и раскрыть дѣло. Что же? Черезъ два дня на самой фабрикѣ злодѣй былъ остановленъ такъ тихо, что никто доселѣ о семъ не знаетъ, во всемъ повинился, просилъ прощенья, клялся, что впередъ ничего подобнаго дѣлать не будетъ, и добрѣйшая душа, Павелъ Григорьевичъ, все простилъ и покрылъ молчаніемъ. И опять водворилось общее спокойствіе. Вотъ сила молитвы! А за прощеніе Господь воздастъ Своею милостію благодѣтелю и, вѣроятно, приведетъ на покаяніе несчастнаго, покусившагося на преступленіе.

Въ семъ же мѣсяцѣ утверждена исправляющею должность казначеи м. Клеопатра. Вмѣсто нея мѣсто быть благочинной жребій палъ на м. Ѳеофанію. Никто и не думалъ о ней прежде; она держала себя кротко и незамѣтно, но видно было угодно Владычицѣ вызвать ее на служеніе обители. Радуюсь о семъ; помоги ей, Господи!

На смертномъ одрѣ постригли въ мантію рясофорную послушницу (аптекаршу) Апполинарію, нарекли Августой. Сего же года 20-го Ноября она кончила жизнь въ сознаніи и въ христіанскомъ расположеніи, каждый день сообщалась Св. Таинъ. Вѣчная ей память!

Почти весь Ноябрь мѣсяцъ провела въ обители довѣренное лицо отъ графини Орловой - Давыдовой Елисавета Васильевна Ольдерогъ, уѣхала она сего 1871 года 1-го Декабря. Высказывала полную благодарность и сочувствіе къ обители. Она занимаетъ должность начальницы общины сестеръ милосердія, основанной матерью гр. Орловой-Давыдовой, княгиней Барятинской. Личность г-жи Ольдерогъ мнѣ нра-

вится; она перешла изъ протестантства въ православіе, весьма серьезная, богобоязливая, дѣльная и, кажется, весьма воспріимчивая ко всему духовному и доброму. Многіе думаютъ и желаютъ устроенія монашеской общины. Трудно устроить монашескую общину, не пройдя опытомъ монашескаго начала, подъ руководствомъ монашескимъ. Дай имъ Господи успѣхъ къ пользѣ душевной!

1872 года 27 Января совершилъ Господь твое постриженіе въ мантію, доброе чадо мое Евгенія. Да благословитъ Онъ тебя Самъ съ Пречистою Своею Матерію и да совершитъ путь твой въ благоугожденіе и служеніе Его святой волѣ и обители и въ утѣшеніе старости моей! Я теперь покойна, что ты уже совершенно присвоена обители и уже на твердомъ камени стоишь. Слава милосердію Его неизреченному, даровавшему мнѣ убогой старицѣ твоей сіе душевное утѣшеніе! Помни, дитя мое, какъ ликъ Владычицы былъ прекрасенъ въ этотъ день. Благодари и вѣруй, что Она твой покровъ и утвержденіе.

Нынѣшнее лѣто дочь графини Орловой-Давыдовой Марья Владимировна съ тремя сестрами своей общины, и между ними уже гостившая у насъ Е. В. Ольдерогъ, посѣтили обитель, говѣли въ постъ свв. апостоловъ Петра и Павла, также и княгиня Анна Ивановна Гагарина *). Дивныя дѣла! Ищутъ совѣта у меня грѣшной, утѣшаются обителью. Къ чему все это ведетъ, Богъ вѣсть.

Преосвященный Леонидъ руководствуетъ княгиню Гагарину и желаетъ ее вполнѣ передать на мои руки въ монастырь. Одно страшитъ: Господи, огради душу мою отъ тщеславія и превозношенія! Милости преосвященнаго не стою и ничѣмъ не могла заслужить ее.

*) Бывшая актриса Прахунова. П. Б.

ПАМЯТНЫЯ ЗАПИСКИ ИГУМЕНІИ ЕВГЕНІИ ОЗЕРОВОЙ *).

24 Іюля (1872), день празднованія Свв. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, преосвященный Леонидъ опять съ отеческою любовію прибылъ въ обитель, совершилъ всенощное бдѣніе и литургію, кушалъ обще съ нами въ трапезѣ; на другой день 25, день Ангела А. С. Цуриковой и сестры преосвященнаго Олимпіады Васильевны, тоже служилъ.

1872 года 8-го Сентября совершилось освященіе возобновленнаго собора въ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ. Освящалъ самъ митрополитъ Иннокентій въ сослуженіи настоятеля обители, преосвященнаго викарія Леонида. Я къ вечеру явилась поздравить обоихъ святителей, принята была милостиво обоими, старшимъ, какъ начальникомъ, а преосвященнымъ Леонидомъ, какъ отцемъ по духу. На другой день освященія пригласили меня къ столу высокопреосвященнаго, при чемъ невольно пришла мнѣ въ голову о себѣ пословица: *Залетѣла ворона не въ свои хоромы.* Изъ нашего убогаго обиталища да вдругъ явилась я между сановитыхъ и важныхъ людей! А все преосвященный. Увѣрена, что его тутъ слово. Умилительно было ихъ видѣть вмѣстѣ. Одинъ—маститый старецъ, проведшій жизнь въ апостольскихъ трудахъ миссіонерства, простой рѣчью, но мудрый опытомъ жизни, удрученный годами, почти слѣпой. Другой же высокообразованный, нѣжный сердцемъ и изысканный въ привычкахъ и обращеніи, между тѣмъ съ сыновнею покорностію и любовію внимающій каждому слову и повелѣнію старца. Вотъ намъ примѣръ покоренія высшимъ и старшимъ.

Преосвященный далъ мнѣ краткую рѣчь, говоренную имъ въ святыхъ вратахъ Саввинской обители при встрѣчѣ митрополита.

«Высокопреосвященнѣйшій владыко! 474-й годъ стоитъ сія обитель, а около 470 лѣтъ стоитъ храмъ, который теперь, по обновленіи, готовъ къ освященію и только ожидаетъ твоего пришествія. Ты подвигся на сыновній призывъ нашъ, послушниковъ пр. Саввы и твоихъ. Благодаримъ тебя сыновне. Своими священнодѣйственными и тайнодѣйственными молитвами обнови древнюю святыню и моли Господа, да обновитъ въ насъ смиренныхъ инокахъ и во всемъ православіи тотъ крѣпкій духъ благочестія, который дѣйствовалъ въ пр. Саввѣ, благовѣрныхъ князьяхъ и въ народѣ того времени».

*) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпускъ 7-й, стр. 388.

На сколько утѣнительны душѣ моей отношенія ко мнѣ владыки Леонида! Многіе не понимаютъ его. На сколько онъ внимателенъ къ совѣсти своей, на столько въ немъ желанія ко спасенію душъ. Какъ пріятно видѣть его смиреніе. Съ какою онъ любовію къ батюшкѣ о. Иліи. А о себѣ чтò скажу? Не стою и стопы ноги его, а онъ съ какой отеческой любовію и довѣріемъ ко мнѣ грѣшной!

1872 года 10-го Сентября прибылъ къ намъ съ освященія изъ Саввина монастыря новый благочинный, архимандритъ Пименъ. Можетъ быть, какъ распорядитель, онъ и хорошъ, но мнѣ не по сердцу: не умѣетъ цѣнить ничего высокаго. Покойный владыка Филаретъ для него вовсе не близокъ; да онъ и не въ состояніи понять его, такъ какъ и многихъ другихъ добрыхъ людей. Онъ скорѣе похожъ на сыщика полиціи, чѣмъ на духовное лицо, не смотря на то, что ведетъ разговоръ отъ Писанія и духовными выраженіями. Господи прости мое мышленіе и, можетъ быть, осужденіе! Былъ онъ у м. Іоанны, велѣлъ дать ей послушаніе церковницы въ больничной церкви; она приняла съ любовію. Для чего и съ какою цѣлію сіе сдѣлано, не знаю.

1872 года 22-го Сентября покрыли рясофоромъ сестру Дарью, воспитанную съ трехъ лѣтъ въ монастырѣ бабушкой ея, монахиней Евфросиньей, которая умирая передала ее, 13-ти лѣтнее дитя, на мои руки. Нынѣ ей 30 лѣтъ. Способна и умна. Нарекли Никандрой, въ память чада моего, взятаго Господомъ. Вотъ милостію Божіею уже и мои дѣтишки въ дѣла входятъ: ты, Никандра, а тамъ рясофорная Евфросинья, Емилія, Юлія, всѣ могутъ, каждая въ свою мѣру, быть добрыми слугами обители. Дай Богъ!

Припомнился мнѣ разсказъ покойной матушки Евгеніи. Она, въ бытность свою въ Москвѣ по дѣламъ обители, всегда останавливалась въ домѣ дѣтей своихъ, а моихъ родителей. Однажды, возвратясь отъ владыки-митрополита, она съ смущеніемъ передавала имъ, что, пріѣхавъ на подворье, она нашла тамъ одну изъ Московскихъ игуменій и когда онѣ вмѣстѣ вошли, то святитель пригласилъ матушку на диванъ съ собой рядомъ, а Московской сказалъ: «*а ты постой, изомнешься*». На ней была нарядная ряса, а на матушкѣ Евгеніи, по обычаю, грубаго манатейнаго сукна. Владыка любилъ простоту и даже нищету въ монашескомъ образѣ. Забыла сказать: въ послѣдній годъ жизни своей на Пасхѣ отецъ и владыка прислалъ мнѣ въ замѣнъ пасхальнаго яйца въ благословеніе Св. Евангеліе, которое по смерти моей предоставляю тебѣ, чадо мое, монахиня Евгенія, какъ благословеніе святителя и мое грѣшное. Двѣ надписи къ книгамъ, даннымъ на благословеніе митрополитомъ Филаретомъ разнымъ лицамъ. *1-я, на Евангеліи*: «Имамы извѣстнѣйшее апостольское и пророческое слово, ему же внимающе добрѣ тво-

ритѣ, дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ нашихъ. Внемли, Господи, душѣ внимающей слову Твоему! *2-я, на третьей части его бесѣдѣ*: Искренно ищущій душевной пользы найдетъ ее и не въ совершенномъ словѣ».

Лучшій собесѣдникъ мой—воспоминаніе объ отцѣ и владыкѣ Филаретѣ. Случилось ему однажды замѣтить между двухъ личностей, имъ руководимыхъ, раздраженіе. Онъ всѣ мѣры употреблялъ къ прекращенію гнѣва словомъ назиданія; когда же оно оказалось недѣйствительно и гнѣвъ продолжался, тогда виновной запретилъ читать молитву Господню «*Отче нашъ*», пока не испроситъ прощенія. Бывало, на вопросъ о правилѣ келейномъ скажетъ: «Миръ, любовь, служеніе другъ другу, безъ разбора лицъ и положеній свѣтскихъ, вотъ жертва Господу пріятная; а правило каждой, что̀ по силѣ, то и неси». А самъ-то всякую ночь неопустительно исправляетъ его! Часто говаривалъ: «Бѣги чести, и честь побѣжитъ за тобой; гонись за честью и славой міра, они отвратятся отъ тебя.» Меня всегда держалъ онъ строго. Я, во все время моего отношенія къ нему, не слыхала, чтобы онъ привѣтливо похвалилъ мои дѣйствія. Однажды только, не помню по какому случаю, онъ будто мимоходомъ сказалъ: «Да, такъ, это разсудительно». И это простое слово было выше всякой награды! Не любилъ владыко хвалить и тѣмъ возбуждать гордость и самомнѣніе, но миловалъ, училъ, ограждалъ всячески. Я боялась его, такъ что безъ трепета не могла переступить порога его; но одно слово его уничтожало страхъ, и я чувствовала, что чрезъ него исходило на меня Божіе благословеніе. Я, бывало, искала случая, стремилась въ Москву изъ монастыря, чтобы видѣть его, услышать слово его. На мнѣ исполнялось слово Псалмопѣвца: какъ елень желала душа моя слышать слово его! Я никогда не разсчитывала, что̀ сказать и что̀ умолчать: душа моя была открыта предъ нимъ. Не любилъ онъ многословія и всегда отвѣчалъ на вопросъ ясно и кратко. Часто повторялъ: «Что умолчишь, не будешь раскаяваться, а о сказанномъ часто сожалѣть можно». Училъ всегда, какъ можно избѣгать случаевъ могущихъ навести на переговоры и сплетни, даже ежели они сами по себѣ добры и похвальны. «Всегда должно, говорилъ онъ, смотрѣть впередъ на послѣдствія и такъ направлять дѣйствія свои. Старайся такъ жить, чтобы въ сердцѣ были вѣра и упованіе на Бога, въ дѣлѣ заботливость безъ тревоги, а въ умѣ разсужденіе и разсмотрѣніе на десять лѣтъ впередъ. Такимъ образомъ живи и Господу себя и ввѣренныхъ тебѣ вручай».

1873 года 8-го Января преставилась монастырская сестра Варвара; за нѣсколько недѣль до кончины облекли ее въ рясофоръ, оставя по ея просьбѣ прежнее имя. «Не хочу оставлять Великомученицу; она

храпила, миловала меня всю жизнь мою», сказала болящая. Удивительна была ея дѣтская простосердечная вѣра, которая обращалась съ молитвой, какъ съ бесѣдой, къ Господу, къ Владычицѣ, а особенно къ своему патрону великомученицѣ Варварѣ. Къ ней относилась со всякимъ своимъ желаніемъ и простодушно высказывала, что ея слушается великомученица. И точно, когда дня за два до кончины она пожелала сообщиться Св. Таинъ, нашъ священникъ отложилъ до слѣдующаго дня, потому что больная утромъ употребляла пищу. Вечеромъ неожиданно, никѣмъ не вызванный пріѣхалъ изъ Саввина монастыря отецъ-духовникъ и самъ сообщилъ ее, что̀ больной принесло великое утѣшеніе. «Вотъ, сказала она, пожаловалась моей великомученицѣ Варварѣ на священника, а онато и прислала моего родного батюшку». Терпѣливо и кротко страдала, все послѣднее время ожидала кончины, какъ радостнаго призыва на пиръ. Во все время тяжкой болѣзни своей, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль (больна была чахоткой около 8 лѣтъ), очень часто сообщалась Св. Таинъ, особоровалась слишкомъ за мѣсяцъ, дня за два до кончины выслушала отходныя молитвы, со всѣми прощалась и незамѣтно, тихо предала духъ Господу. Миръ душѣ терпѣливой и безхитростной, вѣчная тебѣ память, милая наша Варварушка! Осталось отрадное чувство полнаго упованія о блаженной участи души ея.

1873 года, 5-го Марта, окончила жизнь наша добрая Варвара Андреевна Эзопина, взросшая съ нами, на 57 году отъ роду. Вся жизнь ея была самоотверженная, посвященная ближнему, не говорю уже о нашемъ семействѣ; но ея любовь и готовность служить простиралась на всѣхъ и каждаго. Миръ доброй и кроткой душѣ ея!

Того же года 17-го Марта, на первой недѣлѣ Великаго поста, вызвала меня въ Саввинскій скитъ болѣзнь нашего почтеннѣйшаго и, смѣю сказать, преподобнаго старца о. Ильи. Слава Богу! Застала его уже не на болѣзненномъ одрѣ, однако еще весьма слабымъ. Встрѣтивъ меня по обычаю съ отеческою любовію и радушіемъ, утвердилъ въ мысли приготовиться на завтра къ пріобщенію Св. Таинъ въ скиту. Мы были втроемъ: сестра о. духовника м. Апполинарія, добрая моя Сашурка Лебедева и азъ грѣшная. Много утѣшилась грѣшная душа моя. Благодарю Господа и старца! Отецъ игуменъ Галактіонъ проводилъ это время въ скиту; онъ подъ гнѣвомъ у преосвященнаго Леонида. Удивительно, какое бываетъ въ людяхъ, совершенно чужихъ, сходство въ нравахъ! Онъ съ преосвященнымъ точь въ точь въ такихъ же отношеніяхъ, какъ мы съ м. Іоанной. Сказать нечего, а отношенія нестерпимы и раздражительны до невозможности. Настойчивая воля и самомнѣніе, кажется, всему причиной. Да между нами еще благодѣтель, котораго при всемъ беречь надо. Тяжко преосвященному съ его горя-

чимъ, но благороднымъ характеромъ. Писала я грѣшная къ нему, просила о прекращеніи духовнаго наказанія игумена, но успѣхъ плохой: терпѣніе владыки надорвано. Не знаю, какъ и что̀ впередъ будетъ. Ну, Богъ съ ними! Возвращаюсь къ возлюбленному моему старцу о. Ильѣ. Онъ оправился, пріѣхалъ къ намъ. По слабости силъ его, раздѣлили сестеръ для исповѣди на двѣ недѣли, на 3 и 4, и Господь призрѣлъ опять на мое недостоинство: о. духовникъ благословилъ пріобщиться въ Субботу на 4-й недѣлѣ. Къ концу поста сообщенія Св. Таинъ конечно быть не можетъ: распутица. Не знаю, за что, почему, отчего, но на душѣ мирно и радостно, хотя по грѣхамъ должна бы быть скорбь и сокрушеніе сердца. Конечно за молитвы старца и другихъ близкихъ.

Хочу записать его совѣты и наставленія.

1) Всегда направлять юныхъ къ пути откровенія, какъ къ необходимому для жизни духовной и вручать ихъ старшимъ для руководства, судя по ихъ сердцу и желанію.

2) Было время, на меня собственно находилъ сильный страхъ смерти. О. духовный преподалъ: положить 33 поклона по числу лѣтъ земной жизни Господа Нашего Іисуса Христа, 10 Божіей Матери, 7 Ангелу-Хранителю, и того 50. Съ помысломъ страха бороться усердно. Молитвой Іисусовой отразить его, а врагу говорить: Что тебѣ? Умру и къ Господу моему пойду, а тебя не боюсь: ни единой власти не имѣешь на мнѣ.

3) Іисусову молитву устную творить какъ можно чаще и четки тянуть сколько возможно, но молитвы умной и сердечной не касаться дерзновенно: для нея нужно безмолвіе.

4) Церковной службы какъ можно держаться; но когда останешься въ келіи, то или самой прочитать или съ кѣмъ-либо другимъ полунощницу безъ 17-й кафисмы, шестопсалміе, 12 псалмовъ, потомъ 1, 3, 6 часъ или за каждый часъ 50 Іисусовыхъ молитвъ и 7 поклоновъ, и тогда съ мирной совѣстью остаться можно дома или для отдыха или за дѣломъ. 5) *Совѣтъ вмѣсто заповѣди.* Однажды просила я у него какой - либо *заповѣди*, т.-е. наложить на меня что-либо къ постоянному и непремѣнному исполненію. Онъ на сіе сказалъ, что *заповѣдь* дѣло страшное, и неисполненіе ея вяжетъ душу и давшаго, и кому дана; и потому заповѣди не даю, а *совѣтъ* даю и прошу исполнять его. Въ случаѣ же нарушенія души наши не связаны.

6) Хранить самой и внушать другимъ миръ и любовь; она паче поста и молитвы.

7) Когда творишь молитву Іисусову, то не всегда должно говорить *Г. І. Х. С. Б. помилуй мя грѣшную,* а просто: *Г. І. Х. С. Б.*

помилуй мя; ибо мы не вѣдаемъ судебъ Божіихъ, просимъ помилованія въ грѣхахъ, а можетъ быть въ то время угрожаетъ какая - либо бѣда, настойчивое прошеніе раздражаетъ Господне милосердіе. Когда же молишься о содѣянномъ какомъ - либо грѣхѣ, тяготящемъ совѣсть твою, то прилагай къ молитвѣ Іисусовой слова *помилуй мя грѣшную.*

5 Марта къ празднику Благовѣщенія преосвященный разрѣшилъ отъ эпитиміи о. игумена и былъ съ нимъ милостивъ.

Теперь владыко угнетенъ дѣломъ игуменьи Митрофаніи, обвиненной въ фальшивыхъ векселяхъ. Господи, помози владыкѣ Леониду, а ее обрати на путь спасенія!

1873 года 16-го Апрѣля, о. игуменъ Саввина монастыря возведенъ въ санъ архимандрита, въ день Ангела преосвященнаго Леонида и имъ самимъ и посвященъ; но, кажется, отношенія ихъ этимъ не улучшились.

1873 года 5 Іюля совершилось открытіе общины, что̀ въ Лукинѣ, собранной около 1855 года въ с. Пахрѣ близъ церкви однимъ блаженнымъ Иваномъ Степановичемъ, умершимъ нѣсколько лѣтъ назадъ. Въ Бозѣ почившій святитель Филаретъ покровительствовалъ и защищалъ словомъ своимъ это малое стадо противъ притѣсненій полиціи и даже генералъ-губернатора Закревскаго. Для устроенія бѣдныхъ сестеръ владыка передалъ имъ усадьбу, пожертвованную г-жею Головиной въ пользу Екатерининской пустыни, настоятель которой нашелъ сей участокъ земли неудобнымъ и ненужнымъ для своей обители.

Вотъ уже три года, какъ онѣ переселились въ новое свое обиталище, при коемъ находится въ саду маленькая каменная церковь во имя Воздвиженія Честнаго Креста, пахотная земля, луга и дровяной лѣсъ. Еще при жизни своей Иванъ Степановичъ, пріобрѣтая пособіе для общины своей у благодѣтелей, познакомился съ семействомъ купца Саватюгина и родственницу его вдову уговорилъ переселиться въ Пахру и управлять обществомъ собранныхъ имъ сестеръ. Она повиновалась призыву, вѣруя, что на то есть воля Божія, и хотя неграмотная и немудрая, но ради Бога несла трудъ управленія и всѣ скорби вкупѣ съ ввѣренными ей. Въ послѣдствіи племянникъ ея Е. Ѳ. Саватюгинъ взялъ на себя попеченіе объ общинѣ, устроилъ настоятельскія келіи, трапезный корпусъ съ церковью въ три этажа, гдѣ помѣщаются келіи для сестеръ, кухню, просфорню и хлѣбную, конный и скотный дворы и маленькую гостиницу; къ тому же и полное содержаніе обители, которая еще не обезпечена никакимъ капиталомъ и кромѣ вышеупомянутой земли ничего не имѣетъ. Преосв. Леонидъ часто говорилъ объ устроеніи этой общины, даже даны были по его приказанію правила общежитія нашего, утвержденныя Святѣйшимъ Сѵнодомъ

и правила келейныя. Въ 1872 году мѣсяца два провели у насъ въ обители двѣ сестры общины, учились шить шапки и рясы; но ясно, что до меня не касалось дѣло. Нынѣ, въ праздникъ сошествія Св. Духа, 28 Мая, прибылъ къ намъ въ обитель купецъ Саватюгинъ съ просьбою отпустить монахинь для постриженія его тетки и одну въ духовную ей мать съ тѣмъ, чтобы оставить ее на неопредѣленное время для учрежденія порядковъ и устава монастырскаго. Конечно безъ письменнаго или личнаго приказанія начальства я не могла этого сдѣлать, отправилась въ Москву, явилась къ преосвященному, тамъ нашла и отца благочиннаго ихъ и нашего архимандрита Пимена. Рѣшили, что должно исполнить просьбу купца Саватюгина. Я предложила въ учредительницы м. Іоанну; а они мнѣ объявили, что должна ѣхать сама принять отъ Св. Евангелія старицу Прасковью Родіоновну (тетку Саватюгина) и водворить м. Іоанну ей въ сотрудницы и помощницу. Преосвященный написалъ со мной письмо отечески милостивое, вызывая м. Іоанну на это послушаніе; она приняла предлагаемое видимо спокойно, стала сбираться, потомъ началось прощаніе, слезы ея приверженныхъ; она въ ночь захворала и отказалась отъ порученія за болѣзнію. Что̀ дѣлать? Надо выбирать другую (такъ было приказано, ибо не были увѣрены въ согласіи м. Іоанны) и везти съ собою. Предлагала двумъ монахинямъ, Мастридіи и Ѳеофаніи; обѣ отказались, представляя свою неопытность въ дѣлахъ хозяйства. Наконецъ, не зная, какъ уладить, сама почти не понимая и видя безвыходное положеніе, предложила м. Клеопатрѣ, исправляющей должность казначеи у насъ въ монастырѣ, простой, неграмотной, но въ теченіе 15 лѣтъ бывшей благочинной и постоянно занимавшейся хозяйствомъ; она за послушаніе согласилась, и на другой день, взявъ съ собою еще двухъ монахинь и тебя, чадо мое, третью, да Елисавету для обученія чтенію и письму, отправились въ Москву въ домъ къ Саватюгинымъ. Преосвященный уже уѣхалъ на Угрѣшу освящать церковь и открывать тамъ народное училище, а оттуда въ Лукино для постриженія. Посадили насъ въ карету и по мучительной дорогѣ довезли до Лукинской общины, гдѣ насъ ожидали съ великимъ страхомъ. Нашли мы, правда, собранныхъ сестеръ; но это стадо безъ пастыря, жалкія и сиротливыя, земля невоздѣланная, но кажется добрая; порядка, разумѣется, ни малѣйшаго, и даже есть какая-то примѣсь раскольническихъ привычекъ, но не убѣжденій. Я вмѣнила себѣ въ обязанность со всѣми недоумѣніями обращаться къ о. благочинному; но, видя, что его рѣшенія не приходятся къ дѣлу и могутъ еще навести на непріятность, я стала относиться и вопрошать преосвященнаго, всегда отечески ко мнѣ грѣшной расположеннаго, и вмѣсто гостей, какъ намъ указывалъ о. благо-

чинный, мы сдѣлались хозяйками и распорядительницами въ новой обители. Во время всенощнаго бдѣнія пріѣхалъ владыка съ о. архимандритомъ Пименомъ; я ихъ встрѣтила, и преосвященный приказалъ приготовить монастырское одѣяніе сестеръ, положить у подножія иконы Іерусалимской Божіей Матери, собрать всѣхъ сестеръ и послѣ всенощной, совершивъ молебенъ Владычицѣ міра, окропилъ одѣянія св. водой и облекъ избранныхъ, а на утро за литургіей, которую совершалъ о. благочинный Пименъ, постригъ настоятельницу и нарекъ ее Павлой. По окончаніи литургіи онъ сказалъ трогательное слово, въ которомъ выразилъ всѣ понесенные ими труды и скорби и потомъ, вмѣсто обычнаго врученія по постриженіи, обратился къ старицѣ, которой уже около 75 лѣтъ, изнуренной душевными и тѣлесными трудами, желая ей совершить подвигъ настоятельства, а меня грѣшную призывалъ къ содѣйствію ей любовію и усердіемъ для учрежденія и устройства.

Кажется, старица довольна принятіемъ образа ангельскаго и открытіемъ общины, но уже не въ силахъ нести никакого подвига иноческаго. Потомъ владыка со всѣми посѣтителями и вкупѣ съ сестрами раздѣлилъ общую монастырскую трапезу и, отъѣзжая, приказалъ мнѣ быть у него на Угрѣшѣ. Пробывъ два дня съ новопостриженной и сдѣлавъ нѣкоторыя распоряженія относительно порядка и службы церковной, я простилась съ сестрами и, оставя свою старуху м. Клеопатру и сестру Елисавету на неопредѣленное время, явилась къ преосвященному, который объявилъ мнѣ, что поручаетъ открытую общину моему попеченію и вліянію и что желаетъ видѣть въ ней Аносинскій порядокъ и устройство. Дѣлать нечего, надо было съ покорностію принять порученіе. Конечно, довѣріе начальства, мнѣніе незаслуженное объ нашемъ благоустроеніи, не скрою, было для меня лестно и дало поводъ къ борьбѣ съ чувствомъ тщеславія, всегдашнимъ врагомъ человѣческой природы; но послѣ первыхъ минутныхъ впечатлѣній ясно представились и весь предстоящій трудъ, и недостатокъ собственныхъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и люди, которыхъ можно употребить, и рядъ могущихъ встрѣтиться столкновеній и непріятностей. Но на все воля Господня! Вѣрую, что и въ немощи и неразуміи нашемъ сотворитъ силу Свою и устроитъ все на пользу вновь насажденнаго винограда Своего.

Того же года, по указанію преосвященнаго Леонида, поселилась на нѣсколько недѣль дѣвица Обухова Елисавета Трофимовна, 25 лѣтъ, писательница и, кажется, духовная дочь преосвященнаго. Похоже, что имѣетъ намѣреніе къ монашеской жизни; но не знаю, гдѣ она намѣрена проходить ее, у насъ или гдѣ въ другомъ монастырѣ. Что̀ изъ сего Господь устроитъ? Буди воля Его!

Того же года 12 Іюля Обухова передавала намъ многое. Она знаетъ много ученыхъ личностей, многихъ изъ духовенства, чтитъ глубоко память въ Бозѣ почившаго Филарета. Между прочимъ передавала слѣдующее: 1) Покойный владыка въ юбилей своего 50-лѣтія возложилъ на преосвященнаго Леонида омофоръ, который былъ на немъ при посвященіи въ епископы, что̀ немало всѣхъ удивило; скорѣе этотъ даръ долженъ былъ принадлежать преосвященному Игнатію, родственнику его, но святитель разсудилъ иначе. Пр. Леонидъ хранитъ его какъ сокровище и возлагаетъ при служеніи въ день рожденія въ Бозѣ почившаго владыки, 26-го Декабря. 2) Въ первые дни послѣ кончины митр. Филарета схимникъ, жившій въ Лаврѣ (имени его Обухова не запомнитъ, онъ уже умеръ) видитъ во снѣ, что святитель Филаретъ приноситъ ему и даетъ тяжелыя вериги.—Не могу носить ихъ, святый владыко, говоритъ старецъ, они мнѣ не подъ силу. — Я ихъ носилъ 50 лѣтъ, а тебя не носить прошу, а беречь ихъ; носить будетъ тотъ, кто пойдетъ седьмой за тѣломъ моимъ. Когда шествіе съ тѣломъ преставившагося владыки входило въ Лавру, седьмымъ шелъ преосвященный Леонидъ *).

1873 года 19 Іюля получила скорбную вѣсть, что изъ Лукинской общины больную Клеопатру привезли въ Москву въ домъ купца Саватюгина; употребляли всѣ средства, но все осталось тщетно: она, пріобщась Св. Таинъ, скончалась въ 6 часу утра 19 Іюля послѣ кратковременной болѣзни. Прислали за видомъ, необходимымъ для похоронъ; я должна была просить преосвященнаго Леонида, который былъ въ Саввинѣ монастырѣ, разсмотрѣть посылаемый мною видъ и еще исходатайствовать у игуменьи Ново-Дѣвичьяго монастыря дозволеніе положить тѣло м. Клеопатры въ ея обители. Нашъ милостивый отецъ, владыка Леонидъ, отнесся письмомъ къ иг. Евпраксіи, прося отъ своего имени дать послѣднее жилище старицѣ, окончившей свой земной путь на дѣлѣ труднаго послушанія. 18 лѣтъ мы были съ ней въ мирномъ и согласномъ служеніи; ея кроткій нравъ сносилъ мою горячность, а я старалась понести ея медленность. Она была смиренна, сознавала вполнѣ, что должность казначейская, проходимая ею послѣдніе два года, неудобоисполнима для нея, смотрѣла, какъ могла, съ усердіемъ за хозяйствомъ, а расчеты, дѣла, разъѣзды, посѣщенія, пріемъ посѣтителей и утонченныя распоряженія въ порядкѣ предоставляла тебѣ, чадо, не только не завидуя, но радуясь; смотрѣла, что ты, дѣлая за нее, пріобрѣтаешь опытъ и можешь занять ея мѣсто.

*) Кончиною преосв. Леонида въ 1876 году разрушились всѣ мечтательныя предсказанія. Вотъ опасность вѣрить сновидѣніямъ. Храни Богъ! Какъ разъ въ прельщеніе введетъ врагъ.

На погребеніе поѣхали ея другъ и дочь отъ Евангелія м. Макрина, племянница покойной юная Евдокія, м. Мастридія и старушка Гаврилова. Миръ праху твоему или лучше миръ доброй душѣ твоей, послушливое и доброе чадо обители! Поступивъ 17 лѣтъ еще при основательницѣ обители игуменьи Евгеніи, проходила она разныя послушанія въ теченіе 40 лѣтъ, что̀ не могло обойтись безъ столкновеній и скорбей разнаго рода.

Того же года 22 Іюля, къ вечеру, мы встрѣчали нашего возлюбленнаго владыку преосвященнаго Леонида. Возвращаясь изъ Саввина монастыря и отобѣдавъ 22-го у П. Г. Цурикова, онъ прибылъ въ нашу пустыню. Прослушавъ въ Троицкомъ соборѣ многолѣтіе, всѣхъ благословлялъ и въ краткой рѣчи выразилъ свое участіе о кончинѣ м. Клеопатры, ублажая подвигъ послушанія ея. 23-го, послѣ заупокойной литургіи, самъ совершалъ панихиду, за которой поминалъ въ Бозѣ почившаго владыку митропол. Филарета, игуменью Евгенію, новопреставленную м. Клеопатру и многихъ другихъ, обѣдалъ у Любови Васильевны Васильевой, которая нанимаетъ флигель у сестры Варвары Семеновны (и эта особа ютится ко мнѣ грѣшной; она въ близкихъ отношеніяхъ съ княжной Анной Ивановной Гагариной). Вечеромъ, за всенощной подъ храмовой нашъ праздникъ преосвященный выходилъ на литію и величанье, на другой день служилъ литургію и совершалъ крестный ходъ вокругъ монастыря, кушалъ въ трапезѣ съ нами и посѣтителями, между коими былъ и П. Г. Цуриковъ. Вечеромъ всѣ пошли внизъ къ сестрѣ Варварѣ Семеновнѣ; тамъ въ саду устроили чай, и хоръ нашихъ монастырскихъ сестеръ пѣлъ разные гимны и псалмы, между прочимъ любимый псаломъ владыки *Хвалите имя Господне* Болгарскимъ напѣвомъ. Преосвященный былъ привѣтливъ и милостивъ отечески со всѣми; возвратясь въ монастырь, прошелъ по садику около нашего флигеля и посѣтилъ въ немъ всѣ келіи. На слѣдующій день, 25-го, опять служилъ по случаю двухъ именинницъ, Анны Сергѣевны Цуриковой и сестры своей Олимпіады Васильевны, послѣ литургіи былъ молебенъ. Кушалъ кофе у меня въ келіяхъ и, возвратясь въ свою, вызвалъ тебя, чадо, чтобы сказать о предстоящемъ тебѣ послушаніи быть исправляющей должность казначеи, и далъ 100 рублей для раздачи нашимъ сестрамъ и богадѣленкамъ-старицамъ на чай. Всѣхъ благодарилъ, въ рукодѣльной взялъ для подарковъ бездѣлюшекъ, зашелъ къ схимницѣ Аннѣ и отправился въ Москву на обѣдъ къ сестрицѣ Олимпіадѣ Васильевнѣ. Наканунѣ посѣтилъ Е. Т. Обухову. Милость и любовь владыки оцѣнить невозможно; все ему нравится, всѣмъ доволенъ, а ко мнѣ грѣшной являетъ не только отеческую милость, но братскую любовь и довѣріе. Ѣздила въ Москву благодарить

преосвященнаго за посѣщеніе, и ему угодно было оставить меня у себя обѣдать запросто вдвоемъ. Стою ли такого истинно-родственнаго расположенія? Господь утѣшаетъ насъ любовію святителя; намъ остается только благодарить, цѣнить и всячески хранить ее.

1873 года, въ постъ Успенія Пр. Богородицы, 11-го Августа сообщались мы Св. Таинъ. Во время литургіи, послѣ нѣкотораго смущенія духа, пришла мнѣ мысль: можетъ быть въ послѣдній разъ въ жизни сподобляюсь я сей святыни, и возмущаютъ меня пустяки, не стоющіе вниманія. Мысль о смерти не встревожила меня, а напротивъ успокоила, и я въ мирномъ духѣ предала себя волѣ Господа моего. Послѣ обѣдни батюшка о. Илья пришелъ ко мнѣ въ келію и по краткой бесѣдѣ, въ которой я и не упоминала о мысли моей, онъ, прощаясь со мной, говоритъ съ улыбкой: *„желаю въ мирѣ и радости дождаться и будущаго поста“*. Точно его свѣтлая душа провидѣла впечатлѣнія моей грѣшной душеньки. Чту и люблю сердечно духовно-мудраго старца, извнѣ простаго и ненаученаго мудрости вѣка сего.

1873 года 20 Августа полученъ указъ объ утвержденіи исправляющей должность казначеи тебя, чадо. Видно, Господу такъ угодно; какъ ни старалась отдалить это назначеніе во избѣжаніе непріятностей внутри монастыря, но Господь творитъ по Своему мудрому смотрѣнію. Имѣй всегдашнее усердіе въ дѣлѣ, имѣй терпѣніе на столкновенія и любовь все прощающую и вся терпящую. Милость преосвященнаго умѣй цѣнить.

Того же года 29-го Августа посѣтило обитель семейство Шереметевыхъ, уже внуки Надежды Николаевны Шереметевой, родной сестры матушки игуменьи Евгеніи. Старшая за графомъ Пушкинымъ, меньшая Анна, дѣвица, и невѣстка ихъ, жена ихъ брата Василія, рожденная Столыпина, которая мнѣ очень пришлась по сердцу, кроткая, серьезная, богобоязливая женщина. Все прошедшее воскресло въ памяти. Родственная связь, ихъ радушіе, религіозное направленіе сдѣлали между нами пріятное отношеніе. Онѣ пріѣхали навѣстить Любовь Васильевну и всѣ вмѣстѣ у насъ провели нѣсколько часовъ весьма пріятно. Все семейство глубоко чтитъ преосвященнаго Леонида. Къ 18 Сентябрю, въ 50-лѣтній юбилей обители, обѣщали пріѣхать.

Того же года 8 Сентября, была я въ Саввинѣ монастырѣ въ день праздника Рождества Богородицы. Владыка Леонидъ, подписывая резолюцію на облеченіе въ рясофоръ двухъ послушницъ, вспомнилъ и о *своемъ Кіевскомъ чтецѣ* (такъ называетъ онъ Александру Лебедеву, она теперь около меня келейной), приказалъ и ее облечь, благословилъ иконой и четками, съ отеческою любовію наставлялъ и ласкалъ ее, поручая ей мое спокойствіе. Чада мои дорогія, васъ Господь соеди-

нилъ! Съ 12 лѣтъ Саша взросла на твоихъ рукахъ и потомъ душею ввѣрилась твоему попеченію. Блюди ее и веди въ Царство Небесное! Васъ соединяетъ какое-то духовное осѣненіе. Помнишь ли, когда подавала я прошеніе въ Бозѣ почившему митр. Филарету о опредѣленіи тебя указомъ въ монастырь, то приснопамятный святитель, снявъ четки съ руки своей, благословилъ тебя, сказавъ: *„благословляю тебя монашеской рукой“*. Не могу забыть того проницательнаго и глубокаго взора, который вперилъ на тебя святитель и той любвеобильной улыбки при твоихъ отвѣтахъ на его вопросы. Впослѣдствіи ты получила нѣсколько иконъ отъ него. Юная наша Сашурка Лебедева также почти въ томъ же обстоятельствѣ, отъ чада владыки Филарета, преосвященнаго Леонида, получаетъ четки и икону. Да почіетъ на васъ обѣихъ благословеніе святителей и да совокупляетъ васъ въ духовной любви и здѣсь и въ будущей жизни неразлучно! Прошу, какъ отъ присныхъ чадъ моихъ, молитвъ о мнѣ грѣшной.

Въ это же мое пребываніе въ Саввинѣ монастырѣ совершилось рѣшеніе на вступленіе Обуховой въ обитель. Владыка Леонидъ съ отеческимъ участіемъ и любовію отнесся къ ней. Господи благослови начало новой ея жизни! Просила я владыку осчастливить обитель въ день 50-лѣтія своимъ прибытіемъ и служеніемъ, чего онъ самъ желалъ и задолго о семъ говорилъ. Сдѣлано распоряженіе. Возвратясь въ обитель, начали съ радостію дѣлать нужныя приготовленія къ празднику. Павелъ Григорьевичъ пришелъ на помощь и далъ на издержки 350 р. с.

Сентября 16-го числа съ вечера совершена заупокойная вечерня съ панихидой о митр. Филаретѣ, матушкѣ Евгеніи и о всѣхъ почившихъ сестрахъ обители, присовокупя ближайшихъ родныхъ приснопамятной нашей основательницы. На другой день 17 числа къ 8 часамъ утра раздался ударъ колокола и возвѣстилъ прибытіе владыки. Срѣтили мы его у св. вратъ; онъ вошелъ прямо въ церковь, и послѣ литіи началась заупокойная утреня; на 17-й каѳизмѣ облачался святитель и передъ отпускомъ на могилѣ матушки игуменьи совершилъ литію, потомъ нерасходно обѣдня, молебенъ св. мученицѣ Любови за именинницу Любовь Васильевну, у которой и кушалъ въ этотъ день. Вечеромъ торжественная всенощная и кончили около полуночи, и когда провожали владыку въ келіи его, небо было ясно и звѣздно; потомъ поднялся вѣтеръ, нашли облака, и сумрачное утро обѣщало ненастье. Вставъ рано, я обошла монастырь, сдѣлала распоряженія, какъ вдругъ нашъ отецъ и владыка требуетъ тебя, чадо, и отдаетъ тебѣ свои приказанія. О, на сколько утѣшилось мое грѣшное сердце, когда я увидѣла, что ты по волѣ святителя распоряжалась, устраивала, хлопотала; я радовалась, смотря на тебя, что ты уже не мнѣ одной

принадлежишь, но вошла въ общее и явное служеніе обители, что ты уже жезлъ старости моей! Въ 9 часовъ ударили къ обѣднѣ и, когда служащіе пришли за владыкой къ служенію, и я съ ними, срѣтилъ онъ меня съ иконою преподобнаго Саввы, списанной въ первый разъ съ той, которая стоитъ въ соборѣ Саввина монастыря на мѣстѣ погребенія преподобнаго, писанная игуменомъ Діонисіемъ вскорѣ по преставніи угодника Божія, и на сей иконѣ внизу сдѣлана надпись: *Сія святая икона списана съ древней, стоящей надъ мѣстомъ погребенія преподобнаго Саввы Сторожевскаго чудотворца, принесена изъ обители Препод. Саввы Леонидомъ епископомъ Дмитровскимъ во благословеніе Борисо-Глѣбской Аносиной пустыни игуменьѣ Евгеніи съ сестрами 1873 года Сентября 18-го.* Съ чувствомъ благодаренія облобызала я икону и приняла ея пришествіе, какъ знаменіе благодатнаго покровительства Преподобнаго. Она предшествовала владыкѣ, и на пути къ церкви онъ, смущенный ненастной погодой и боясь дождя, вопросилъ меня, не устроить ли ходъ до литургіи? Не знаю сама почему и какъ, но я сказала, что лучше въ свое время послѣ обѣдни. Владыка соизволилъ; вошли въ храмъ Живоначальной Троицы и поставили икону на правой сторонѣ у клироса. Началась литургія, поминались на заупокойной эктеніи всѣ способствовавшіе устроенію обители: императоръ Александръ I, митрополиты Петербургскій Серафимъ, Московскій Филаретъ, Кіевскій Филаретъ, архіепископъ Парѳеній, іеромонахъ (гробовой въ Ростовѣ) Амфилохій. Потомъ была проповѣдь, которую произносилъ самъ преосвященный съ глубокимъ чувствомъ; онъ вспомянулъ все участіе и милость въ Богѣ почившаго архипастыря Филарета, его посѣщеніе послѣ освященія Саввинскаго скита и въ ту минуту, когда онъ повѣствовалъ, что бѣлый клобукъ святителя виднѣлся посреди иноческаго собранія, и солнце ярко озаряло его, въ эту минуту облака разошлись, и солнечный лучъ упалъ прямо на проповѣдующаго святителя, котораго очи были наполнены слезами и голосъ измѣнялъ слову. Неожиданное озареніе всѣхъ поразило: точно благодать Божія воссіяла на воспоминающихъ. Дивныя дѣла Божія надъ обителью! П. Г. Цуриковъ, стоявшій рядомъ со мной, азъ грѣшная и многіе другіе проливали слезы умиленія и благодаренія. Безъ сомнѣнія молитвы почившихъ митр. Филарета и мат. игумени Евгеніи сливались съ молитвою церкви; они духомъ присутствовали и благословляли сіи священныя для обители воспоминанія. По окончаніи проповѣди вижу и изумляюсь, что монахини собираются къ алтарю у сѣверной двери, и между ними схимница; износятъ незнакомыя мнѣ иконы и между ними образъ Владимирской Божіей Матери въ серебряной вызолоченой ризѣ (съ краевъ вычеканено: *Леонидъ е. Д. игуменьѣ Евгеніи Б. Г. А. мона-*

стыря, 1873 года 18 Сентября), даютъ на руки смиренной схимницѣ Аннѣ еще образъ Св. Іоанна Златоуста въ окладѣ такомъ же (сзади на доскѣ надпись на слоновой кости золотомъ: *въ знакъ благодарности и искренней любви отъ преданныхъ дѣтей матери нашей игуменьи Евгеніи въ память 50-лѣтія обители, 18-го Сентября 1873 года*) и Св. Троицы. Святитель съ амвона призываетъ меня, благословляетъ первой иконой, говоря: *Вы уже имѣете въ храмѣ вашемъ святыню Успенскаго собора, вотъ и другая; ее вручаю вамъ нынѣ въ благословеніе отъ меня.* Потомъ, взявъ слѣдующую, сказалъ онъ: *Сію икону, на коей изображенъ святитель, въ день памяти котораго даровалъ вамъ Господь жизнь, столь полезную многимъ, приносятъ вамъ сестры обители вашей въ знакъ ихъ дѣтской признательности.* Наконецъ, принесши третью икону, произнесъ: *Примите благословеніе отъ благодарнаго причта храма вашего.* Послѣ сего ходъ двинулся. Ясное и теплое солнце озаряло шествіе. Рядъ иконъ, несомыхъ монахинями, за ними шли священнослужители въ бѣломъ блестящемъ облаченіи, сопровождаемые владыкой, который былъ въ голубомъ бархатномъ сакосѣ, бѣломъ глазетовомъ омофорѣ, въ сіяющей золотомъ митрѣ, съ жезломъ въ рукахъ и, какъ пастырь добрый, велъ за собой стекшійся народъ. Внезапная благорастворенность воздуха, строй и порядокъ шествія, вѣяли на душу чѣмъ-то благодатнымъ изъ иного міра. Казалось, души праведныхъ усопшихъ шествовали съ нами и молитвами своими усугубляли торжественную молитву живыхъ. По возвращеніи въ церковь прочтена благодарная молитва съ колѣнопреклоненіемъ, потомъ обычное многолѣтіе. Владыка разоблачился, благословлялъ народъ и пошелъ съ посѣтителями въ мою келію, гдѣ кушалъ чай. Давно желалъ преосвященный учредить у насъ *чинъ возношенія панагіи*, что̀ въ первый разъ нынѣ и совершилось благолѣпно послѣ трапезы, гдѣ кушалъ самъ владыка, служащіе, посѣтители и всѣ сестры вкупѣ. Общее вниманіе всегда смущаетъ меня; во все время оно было обращено ко мнѣ. Думала я, что теперь уже конецъ; но и тутъ старшій священникъ обратился ко мнѣ съ рѣчью благодаренія и похваленія. Нечего дѣлать, надо было смиренно выслушать и привѣтливо благодарить за усердіе. Затѣмъ наши клиросныя запѣли громогласное многолѣтіе, и шествіе служащихъ со владыкою двинулось въ церковь, чтобы отнести на мѣсто панагіаръ, и оттуда всѣ посѣтители отправились въ келіи преосвященнаго; тамъ были поданы кофе и десертъ, и за симъ окончилось празднество. Владыка подарилъ обители панагіаръ съ тѣмъ, чтобы каждый праздникъ совершалось *возношеніе панагіи*, чего въ Саввинѣ монастырѣ не могли добиться. Послѣ бесѣды съ милостивымъ отцемъ и владыкой, я благодарила за его отеческую любовь и милость и когда благодарила за его

драгоцѣнное благоволеніе, принося ему въ даръ св. икону, то онъ сказалъ мнѣ, что эта икона ему нравится и потому даетъ ее собственно мнѣ, въ мою келію. Цѣню вполнѣ благословеніе святителя и желаю, чтобы эта икона проводила меня и на вѣчное жилище, что̀ и ему сказала. На другой день 19-го числа владыка былъ на обѣдѣ у Цурикова, куда и я была приглашена, и отъ него онъ уѣхалъ въ Саввинъ монастырь, куда я на другой день, т.-е. 20-го Сентября, и отправилась благодарить преосвященнаго, поднесла отъ обители икону святителя Евменія (день открытія монастыря) и плетеные у насъ въ рукодѣльной золотые воздухи, прося ихъ употреблять при служеніи, какъ собственно ему принесенные. Саввинскій казначей о. Павелъ послѣ передалъ мнѣ слово добраго владыки, что гдѣ будетъ онъ служить, тамъ будутъ и эти воздухи и гдѣ ляжетъ тѣло его, тому храму будутъ и они отданы.

Въ Саввинѣ монастырѣ о многомъ задушевно и откровенно бесѣдовали, между прочимъ и объ архимандритѣ Пименѣ. Я высказала свою мысль чистосердечно; лгать и хитрить не могу предъ возлюбленнымъ моимъ владыкою. Тамъ же встрѣтила строителя Геѳсиманскаго скита о. Анатолія, обѣдали съ нимъ у преосвященнаго, много говорили о незабвенномъ общемъ отцѣ митр. Филаретѣ и между прочимъ, какъ онъ ненавидѣлъ не только явную ложь, но даже всякую тѣнь неправды. О. Анатолій разсказывалъ слѣдующее. Однажды Филаретъ быстро собрался изъ лавры въ скитъ; келейникъ забылъ взять его босовики (туфли кожаныя), зная, что владыко немедля ихъ потребуетъ, ибо имѣлъ привычку въ келіи постоянно носить ихъ, въ тревогѣ проситъ строителя Анатолія дать свои и подаетъ митрополиту. — «Чьи босовики?» — «Ваши; они здѣсь оставались, владыко святый», говоритъ келейникъ. Когда строитель вошелъ, владыко повторяетъ тотъ же вопросъ и получаетъ такой же отвѣтъ. Видя, что это несправедливо, посылаетъ за сапожникомъ скита. — «Кому ты шилъ эти босовики?» — «Отцу строителю», отвѣчаетъ сапожникъ. Узнавъ правду, святитель дѣлаетъ замѣчаніе: «зачѣмъ употреблять ложь.» — «Для вашего спокойствія хотѣли скрыть забывчивость келейника.» — «Ни въ какомъ случаѣ ложь не должна быть. Я не терплю ея».

Забыла сказать, что, отъѣзжая отъ насъ утромъ 19-го числа, владыка благословилъ Обухову оставаться въ монастырѣ съ условіемъ совершеннаго отдаленія отъ ея родителей и родныхъ на цѣлый годъ. Онъ ставитъ высоко ея умъ и дарованіе писательницы. Дай Богъ, чтобы она утвердилась и оправдала надежды владыки. Помѣстили ее въ нашемъ корпусѣ; кажется, имѣетъ желаніе къ покоренію и проста въ обращеніи, а какъ вмѣститъ монастырскую жизнь, Богъ вѣсть.

1873 года 30 Сентября совершено освященіе храма во имя Іерусалимской Божіей Матери въ Крестовоздвиженской общинѣ, что̀ въ селѣ Лукинѣ. Преосвященному Леониду угодно поддержать единодушное соединеніе съ нашимъ монастыремъ и даже подчинить это рождающееся общежитіе руководству насъ грѣшныхъ. Для того онъ желалъ, чтобы мы отправились туда заранѣе и все устроили къ освященію. Люблю владыку, чту его свѣтлую и чистую душу, готова все исполнить, чего онъ желаетъ, и потому съ любовію отправила впередъ монахинь Макрину и Филарету для обстановки церкви, устава и чтенія, потомъ и сама съ тобой, чадо, Александрою Лебедевой и Елисаветою Обуховой прибыли въ это неустроенное гнѣздо. Что̀ сказать о немъ? Мѣсто удобное, можно бы учредить порядокъ и хозяйственное заведеніе; есть земля, лѣсъ, капиталъ, съ котораго получается до 3000 р. сер., благодѣтели, почитатели основателя, юродиваго Ивана Степановича, а главное, самъ купецъ Саватюгинъ, строитель и попечитель общины; есть между сестеръ и добренькія личности, но головы нѣтъ для управленія, и еще повторю, кажется, въ глубинѣ имѣется закваска иевѣжественно-раскольническая. Преосвященный глядитъ впередъ и желаетъ всенепремѣнно, при первой возможности, водворить въ настоятельницы кого-либо изъ нашихъ. Я предложила благочинную нашу мать Ѳеофанію, и въ помощь ей можно дать нѣкоторыхъ изъ сестеръ. Кажется, и Саватюгинъ, со всею своей любовью къ теткѣ, матери Павлѣ, желаетъ ея удаленія на покой, ибо видитъ недостатки, безтолковость и безсмысленность ихъ монастырской обстановки. Трудно будетъ новой начальницѣ переломить ихъ закоренѣлую непокорность, пріобучить къ духовному и внѣшнему порядку. Служеніе начальницы въ этомъ монастырѣ истинно будетъ миссіонерство у какихъ-либо дикарей, да и труднѣе: тѣ ничего не вѣдаютъ, а эти настойчивыя кривотолки. Безъ сомнѣнія, будетъ и награда отъ Господа соразмѣрная труду. Скажу откровенно: предвижу многообразный трудъ, непріятныя столкновенія, но не чуждаюсь, аще Господь благословитъ, помочь въ этомъ дѣлѣ. Не знаю, участіе ли къ нимъ и желаніе имъ добраго, чувство ли внутренняго самолюбія, покореніе ли любвеобильному владыкѣ Леониду, но я съ любовію и сожалѣніемъ смотрю на это блуждающее стадо, не имущее пастыря разумнаго, и готова откликнуться на ихъ духовныя нужды, на сколько Господь вразумитъ мое неразуміе и немощь. Освященіе совершилось благолѣпно и въ порядкѣ. Хоръ пѣвчихъ Чудовскихъ, пышный обѣдъ, много разнородныхъ гостей, купечество, окрестное чиновное дворянство, Угрѣшенское духовенство, во главѣ коего архимандритъ Сергій, нынѣ помощникъ по благочинію архимандриту Угрѣшенскому Пимену, приглашенные священники, наше

монашество, свита владыки и самъ святитель составили общество около 200 человѣкъ. Погода благопріятствовала празднику. Въ концѣ литургіи преосвященный, вручая благотворителю (Саватюгину) и настоятельницѣ Павлѣ икону Знаменія Божіей Матери отъ его высокопреосвященства, произнесъ имъ краткую рѣчь. Служеніе было продолжительное; затѣмъ нескончаемый обѣдъ, потомъ усталость до изнеможенія владыки, краткость дня и дурная дорога заставили преосвященнаго остаться въ Лукинѣ и на 1-е Октября, праздникъ Покрова. Въ 8-мъ часу началась всенощная, которую пѣли сестры общины. На другой день служилъ преосвященный и въ концѣ литургіи сказалъ слово, относящееся болѣе къ сестрамъ обители. По окончаніи была поднесена ему икона Іерусалимской Божіей Матери, въ серебряномъ вызолоченомъ широкомъ окладѣ и, къ моему смущенію, и мнѣ такая же. Потомъ опять обѣдъ и, наконецъ, всѣ разъѣхались, и мы за владыкой на Угрѣшу. Непрерывная и необходимая суета утомила всѣхъ насъ. Съ чувствомъ довольства оставила я Лукино, и за владыкой преважно покатили мы въ четырехмѣстной каретѣ, вмѣсто обычной намъ телѣжки. Едва въѣхали въ Угрѣшенскую монастырскую гостиницу, отъ владыки посолъ, чтобы мы всѣ явились къ нему пить чай. Усталыя и полусонныя, мы исполнили милостивое приказаніе и провели вечеръ въ пріятной бесѣдѣ, вспоминая митрополита Филарета, его образъ дѣйствій и мыслей при руководствѣ къ монашеству. Вмѣстѣ съ нами былъ и архимандритъ Сергій. Онъ мнѣ по духу, простой въ обращеніи, радушный, добросердечный, повидимому, внимательный къ себѣ и ему ввѣреннымъ. Обѣщалъ онъ быть у насъ въ обители, сколько по дѣлу благочинія за о. Пимена, столько и за любовь монашескую.

На другой день, 2-го Октября, ранняя обѣдня въ домовой церкви архіерейскаго дома, потомъ пришли опять къ отцу-владыкѣ. Передъ чаемъ самъ читалъ намъ дневное Евангеліе и Апостолъ и нѣсколько изъ книги *Сказаніе о Св. Отцахъ*, наставлялъ много Е. Обухову, всѣхъ насъ благодарилъ за трудъ и усердіе, далъ мнѣ часть вещей, служившихъ ему при освященіи храма, провожалъ до воротъ обители, въ монастырской лавочкѣ взялъ всѣмъ по иконѣ Св. Николая Чудотворца, въ серебряномъ окладѣ, и всѣхъ насъ благословилъ на путь. Особенно печется владыка о устроеніи Е. Обуховой, видитъ въ ней, какъ мнѣ кажется, болѣе чѣмъ въ самомъ дѣлѣ существуетъ, увлекается ея талантомъ *писательницы*, воображеніе и слово отъ ума принимаетъ за внутреннее чувство. Отца Пимена на Угрѣшѣ не было: онъ въ Москвѣ. Бѣдный старикъ боленъ, жаль мнѣ его; говорятъ, каменная болѣзнь, дѣлали операцію. Преосвященый удивляется наглости газетъ, которыя клевещутъ, будто о. Пименъ былъ подъ началомъ за дерзкое

обращеніе съ братіей и жилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ Екатерининской пустынѣ; можетъ быть, скорбь эта ускорила развитіе болѣзни. Владыка оказываетъ ему всякое вниманіе и участіе и подвигаетъ къ тому же всѣхъ подчиненныхъ, кто слушаетъ его.

Въ обитель я возвратилась уже 4-го Октября. Всѣ сестры срѣтили съ радостію и любовью, спаси ихъ Господи! Любовь Васильевна тоже привязалась душою и скучала безъ меня; перешла на осень въ ограду, въ Мухановскій домъ, ходитъ въ трапезу и совершенно довольна своимъ пребываніемъ.

1873 года, кажется, 14-го Октября. Какое бываетъ странное ощущеніе въ человѣкѣ! Есть истины божественныя, которымъ вѣришь вполнѣ; но онѣ не входятъ ясно въ умъ и сердце, а стоятъ какъ бы у вратъ ума; ихъ случается иногда выразить словомъ-другимъ въ назиданіе, иногда приходитъ самой разсужденіе о нихъ, и не смотря на это, существо не проникнуто ихъ святостію, сердце не умѣетъ чувствовать и оцѣнить все сокровище божественной премудрости, и вдругъ, безъ всякой особой причины, безъ чтенія, безъ молитвы, онѣ являются и поражаютъ душу, врѣзываясь ясно въ умѣ и сердцѣ. Такъ нынѣ случилось и со мной. Я проснулась утромъ, начала вставать къ утрени довольно лѣниво, взоръ упалъ на икону Распятаго Спасителя, и явилась мысль свѣтлая, ясная, глубокая. Какая цѣль всей жизни? Какъ и чѣмъ достигнуть соединенія со Христомъ?—*Очищеніемъ сердца*, былъ внутренній отвѣтъ. И эта мысль свѣтло разъяснилась въ умѣ и сердцѣ.

20-го Октября исполнили резолюцію преосвященнаго Леонида: накрыли рясофоромъ двухъ представленныхъ, Ксенію и Евдокію, и нашу дорогую Сашурку. Слава Богу, да укрѣпитъ и поможетъ ей Господь во всемъ.

3-го Ноября. Любовь Васильевна уѣхала въ Москву со скорбію и слезами и тамъ скучаетъ. Что будетъ изъ всего этого? Нынѣшнее лѣто было очень суетно, не столько многочисленностью посѣтителей, сколько необходимостью въ осторожности съ живущими подлѣ обители и гостящими внутри оной. Что же сказать и какъ обсудить себя? На столько ли принесено душевной пользы разнаго рода людямъ, ищущимъ совѣта и утѣшенія, на сколько сдѣлано ущерба моему внутреннему душевному состоянію? Не нахожу отвѣта.

Того же года 9-го Декабря. Сердечное ощущеніе, бывшее 14-го Октября, такъ нынѣ разъяснилъ на духу нашъ драгоцѣнный старецъ, о. духовникъ Илія. Сердечный голосъ, вѣщающій объ *очищеніи сердца*, сопровождаемый мирнымъ духомъ, безъ страха и возмущенія, есть гласъ Ангела-Хранителя. Читай чаще молитву *Царю Небесный* и пр., твори Іисусову молитву и Богородицѣ; молитвою *очищается сердце.* Память

смертная, иногда со страхомъ бываемая и съ яснымъ напоминовеніемъ грѣховъ содѣянныхъ, есть строгое Божіе указаніе. Мирная же мысль о смерти, въ полной надеждѣ на милость безпрекладную Господа, есть Его милостивое указаніе и ободреніе на страшный часъ смерти и суда: всегдашняго страха ни одинъ человѣкъ вынести бы не могъ. Не нахожу слова, достойнаго для нашего старца; да продлитъ Господь дни его на пользу многихъ!

Того же года 18-го Декабря, была въ Москвѣ по волѣ преосвященнаго, была у его сестры Ушаковой, живущей въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Еще новое трудное сношеніе. Себѣ боюсь тщеславнаго смущенія, для нея сомнѣваюсь, будетъ ли польза отъ моего скудоумія. Не умѣю я бесѣдовать съ людьми учеными и ожидающими отъ меня чего-то. За послушаніе исполнила волю владыки, а тамъ да управитъ все Господь! Можетъ быть, окончится однимъ этимъ посѣщеніемъ. Сестра преосвященнаго даже понятія о духовномъ устроеніи не имѣетъ, какъ и всѣ живущіе въ мірѣ люди, хотя и въ стѣнахъ монастырскихъ. Съ м. игуменьей у нея общеніе поверхностное; онѣ не сходятся.

Въ 1874 году въ концѣ зимы распростанился слухъ о намѣреніи всѣхъ сословій Москвы изъявить преосвященному Леониду признательность и любовь свою въ день посвященія его во епископа и совершить торжественное поздравленіе по случаю 15-ти лѣтняго епископскаго его служенія церкви Московской въ чинѣ викарія. Рѣшилась поднести ему въ этотъ знаменательный день *Аѳонскую деревянную рѣзную панагію*, подаренную мнѣ при моемъ вступленіи въ монастырь въ 1849 г. митр. Филаретомъ. Придѣлала цѣпочку изъ серебряной проволоки съ перламутровыми перенизочками, устоила футляръ изъ пальмоваго дерева съ надписью на верху: *Панагія, присланная со Св. Горы Аѳонской въ Бозѣ почившему митрополиту Московскому Филарету.* На ребрѣ крышки спереди въ срединѣ *26-е Апрѣля* (день посвященія) и подъ симъ на ящичкѣ *1859—1874.* 24 Апрѣля отправилась я въ Москву, чтобы имѣть возможность прежде всѣхъ и безъ стеченія многочисленныхъ посѣтителей принести поздравленіе и приношеніе. Едва пріѣхала въ Москву на квартиру сестеръ Озеровыхъ, отобѣдала, легла отдохнуть, сбросивъ лѣтнюю одежду и даже обувь; вдругъ слышу суету и шумъ. Санiурка вбѣгаетъ и возвѣщаетъ, что нашъ драгоцѣнный владыка самъ хотѣлъ узнать, пріѣхала ли я, и, услыша, что я уже здѣсь, вошелъ, чтобы видѣться со мною. Не помню, какъ я вскочила съ кровати, нашла теплые сапоги, безъ чулокъ наскоро надѣла ихъ, не знаю, что̀ попалось ряса или дорожный халатъ, и выбѣжала встрѣтить его на крыльцо. Кушалъ чай у насъ, былъ такъ радушно-родственень, что я истинно

не нахожу словъ къ благодаренію. Я просила дозволенія быть у него на другой день. Онъ назначилъ къ ранней обѣднѣ въ 7 часовъ и, пробывъ съ нами около получаса, уѣхалъ домой. На утріе встали рано съ Сашей и отправились на подворье. Ждали обѣдню съ часъ. Владыка былъ занятъ, въ 8 часовъ она началась, и въ концѣ ея преосвященный, узнавъ, что именно 25 Апрѣля день моего посвященія въ игуменство (чему минуло въ это число ровно 20 лѣтъ) самъ служилъ многосложный молебенъ евангелисту Марку, страстотерпцамъ Св. Борису и Глѣбу и благодарный тутъ же. Въ первую минуту я смутилась (не терпитъ душа моя никакихъ особенностей собственно изъ-за меня); но любовь и милость архипастыря могли ли не преодолѣть смущенія, тѣмъ болѣе, что постороннихъ никого не было, и я успокоилась. Невольно слезы свидѣтельствовали о благодарномъ чувствѣ къ Богу и Его святителю. Войдя въ пріемную, я принесла поздравленіе съ 15-тилѣтнимъ служеніемъ и поднесла панагію, которую онъ принялъ съ любовію и надѣлъ на всенощное бдѣніе наканунѣ своего торжества. Я же 25-го, испрося дозволеніе, уѣхала въ Лавру, гдѣ была на панихидѣ по владыкѣ Филаретѣ, которому и отъ преосвященнаго воздала поклоненіе, испрашивала благословеніе на продолженіе служенія церкви (какъ онъ мнѣ поручалъ). Видѣла отца архимандрита Антонія. Это уже совершенное разрушеніе; слабый, опершись на костыль, сидѣлъ старецъ на диванѣ въ своей гостиной, принялъ съ любовію, но уже краснорѣчіе его исчезло, хотя онъ въ совершенной памяти; не смѣя утруждать его, приняла благословеніе, вѣроятно въ послѣдній разъ, и вышла съ грустнымъ чувствомъ изъ его келіи. Помню его красиваго, крѣпкаго съ волей непреклонною; теперь же управляетъ дѣлами *соборъ*, а онъ почти недвижимый и тѣломъ, и волей. Говорятъ, ему 85-й годъ.

Возвратясь изъ Лавры, нашла просфоры, письма и поздравленія отъ обители со днемъ моего 20-тилѣтія въ настоятельствѣ, такія задушевныя, такія дѣтски-преданныя, не только отъ сестеръ обители и отъ тебя, чадо, но даже отъ причта монастырскаго, что, желая сообщить мое сердечное чувство роднымъ моимъ, не могла прочесть ихъ: слезы радости и благодаренія отнимали и голосъ, и слово. Присланная вами мать-благочинная до слезъ оскорбилась, что уже на застала меня въ Москвѣ; я спѣшила уѣхать, чтобы не пропустить часа отбытія машины на желѣзной Лаврской дорогѣ. Да воздаетъ Господь и тебѣ, мое родное чадо, и всѣмъ сестрамъ Своею милостью и благодатью и да хранитъ навсегда обитель въ мирѣ и любви послѣ многихъ и долгихъ волненій и немирствія!

Долго не могла я добраться до преосвященнаго. Онъ заваленъ дѣлами; наконецъ 30-го Апрѣля обѣдала у него и провела весь вечеръ. Онъ милостиво разсказывалъ о днѣ торжества своего, по случаю 15-тилѣтія, показывалъ приношенія отъ всѣхъ сословій города. Владыка не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ общемъ намѣреніи и изъявленіяхъ. Послѣ всенощной, когда изъ церкви вошелъ въ гостиную, первое увидѣлъ накрытый скатертью столъ и на немъ кувшинъ и лохань для архіерейскаго служенія серебряные, вызолоченые, превосходной работы. На кувшинѣ вокругъ вычеканены виды по серебру: *Виваніи*—начало монашеской жизни преосвященнаго; *Московской Семинаріи*, гдѣ былъ ректоромъ; храмовъ *Св. Духа и Филарета Милостиваго въ Лаврѣ*, гдѣ покоится тѣло митр. Филарета; *Саввина монастыря*—ему принадлежащаго по викаріатству; *дома Саввинскаго подворья*—мѣсто его жительства; дома министра въ Петровскомъ-Разумовскомъ, гдѣ проводитъ онъ лѣтнее время. На днѣ лохани изображенъ весь *Кремль* при лучахъ заходящаго солнца, гдѣ принялъ онъ хиротонію. Г-нъ Сухотинъ отъ лица всего дворянства говорилъ привѣтственную рѣчь и просилъ не отвергнуть усердія и приношенія дворянскаго общества. Владыка отвѣтствовалъ на привѣтствіе. Тутъ же отъ княгини Черкаской поднесена была большая серебряная вызолоченая лампада. Владыка благословлялъ и отпускалъ присутствующихъ поздравителей, стоя. На другой день послѣ обѣдни пріемная и гостиная еще до выхода преосвященнаго изъ церкви были наполнены старшимъ духовенствомъ. Протопресвитеръ, соборные протоіереи, архимандриты и игумены монастырей съ иноками и прочее духовенство съ просфорами. Это зрѣлище поразило владыку. Мысль, знаетъ ли о семъ митрополитъ Иннокентій? Это празднованіе можетъ показаться излишнимъ и для него щекотливымъ и непріятнымъ, а ему скорбно, чѣмъ бы то ни было, возмутить спокойствіе высокопреосвященнаго; эти мысли до того смутили пр. викарія, что онъ не могъ ничего говорить. Въ это время входитъ намѣстникъ Чудова монастыря съ иконой Нерукотвореннаго Образа Спасителя и съ поздравительнымъ отеческимъ письмомъ изъ Петербурга отъ архипастыря, писаннымъ собственною рукою. Нашъ преосвященный, обрадованный вниманіемъ старца-митрополита, оправился, оживился, и все приняло иной видъ. Всѣ начали подходить съ иконами и привѣтствіями, на которыя онъ отвѣтствовалъ. Потомъ г-нъ Бостанжогло съ первенствующимъ купечествомъ поднесъ драгоцѣнную бриллiантовую панагію цѣною около 6000 р. сер. За ними градской голова Шумахеръ, отъ Градской Думы, привѣтствуя рѣчью, просилъ дозволенія учредить стипендію въ Духовной Академіи для 3-хъ бѣднѣйшихъ студентовъ на 4-хъ годовой курсъ съ именемъ преосвященнаго. Владыка былъ тро-

нутъ и веселъ, всѣхъ благодарилъ. Вѣроятно, адресы и рѣчи будутъ напечатаны. По полудни часа въ 2 приходили игумены Московскихъ монастырей съ иконами. Послѣ того былъ обѣденный столъ у него на 19 особъ, между коими изъ мірскихъ были братъ и сестра владыки и П. Г. Цуриковъ, благодѣтель нашъ. Теперь владыка отвѣчаетъ на адресы и дѣлаетъ благодарственныя посѣщенія почетнымъ лицамъ.

Вечеромъ много говорили о духѣ измѣненія и перемѣнъ и о случившемся у насъ отъ нѣкоторыхъ дерзкомъ требованіи монашества, чего прежде и думать не смѣли: такъ духъ времени вторгается мало по малу въ самыя уединенныя мѣста и обители. Владыка утѣшилъ меня много, давъ рукопись свою, какъ онъ встрѣчалъ всю августѣйшую фамилію и высоконовобрачную великую княгиню Марію Александровну, и дозволилъ этотъ эпизодъ занести въ нашу монастырскую лѣтопись. Торжество его 15-тилѣтняго юбилея, напечатанное въ газетахъ, тоже вписала я въ лѣтопись.

Въ томъ же 1874 году, въ день Св. Пасхи, извѣщена я была возлюбленнымъ моимъ преосвященнымъ Леонидомъ о полученіи награды золотымъ наперснымъ крестомъ, украшеннымъ драгоцѣнными каменьями. Сколько тронуло меня благорасположеніе святителя, столько и смутило. Сознавая вполнѣ, что виднаго ничего не сдѣлано, за что бы можно наградить, и что мнѣ всегда тягостна всякая особенность, я желала, ежели бы возможно, отстранить отъ себя всякую видимость и предпочтеніе. Писала я къ нему откровенно, чтобы умиротворить себя, и милостивый отвѣтъ владыки и вниманіе его прекратили мое смущеніе. Самъ же онъ радовался, какъ дитя, что ходатайство его имѣло успѣхъ. Ему хотѣлось, чтобы къ 25 Апрѣлю, дню, въ который минуло 20 лѣтъ моему настоятельскому служенію обители, возложить на меня высочайшую награду, писалъ о томъ къ митрополиту въ Петербургъ; но крестъ не былъ готовъ, и надо было ждать времени. Наконецъ 28-го Мая съ почты получила крестъ, и съ нимъ отправилась я въ Москву, желая, чтобы преосвященный самъ возложилъ его на меня, какъ знакъ его отеческаго расположенія. Но онъ разсудилъ иначе, помня слово Св. Апостола «*ему же честь честь*», приказалъ придти къ нему утромъ и послѣ пріема просителей ввелъ меня въ моленную близъ алтаря своей домовой церкви, возложилъ крестъ на Св. Престолъ, прочелъ опому тропарь, краткую ектенію за игуменію Евгенію съ сестрами, окропилъ св. водой, благословилъ имъ меня и отправилъ къ митрополиту, сказавъ, что ждетъ меня къ обѣду спрыскивать обнову.

Всегда мнѣ грустно и трудно входить на Троицкое подворье, куда столько лѣтъ привыкла входить съ благоговѣйнымъ страхомъ и

сердцемъ, исполненнымъ вѣры и любви къ усопшему отцу и благодѣтелю митрополиту Филарету; кажется, что чувство это и умретъ со мною; но невозвратнаго не возвратишь! Вѣрую, что благословеніе его почіетъ надъ обителью, и можетъ быть почившій владыка призритъ и на меня грѣшную.

Вошла. Обождавъ нѣсколько, зовутъ къ высокопреосвященному. Старецъ принялъ благосклонно, спросилъ: «Кто это?—«Я изъ Аносиной пустыни настоятельница игуменья Евгенія. Приношу глубокое благодареніе за вашу архипастырскую милость: по почтѣ я получила крестъ и прошу усердно сотворить другую, возложивъ его на меня вашею святительскою рукою». Старцу митрополиту видимо было пріятно, что я дѣйствовала не въ силу недавняго указа Св. Сѵнода, чтобы не утруждать иногородныхъ, представленныхъ къ наградамъ, а пусть сами оныя возлагаютъ.—«Хорошо,» сказалъ онъ, «гдѣ крестъ?» Осязалъ мою голову (ибо онъ почти слѣпъ) и надѣлъ на меня. Указалъ мѣсто, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о хозяйствѣ, о благосостояніи обители и по просьбѣ юной Александры (Саши-монаха) благословилъ ее серебрянымъ крестикомъ, спросилъ, давно ли живетъ въ монастырѣ и отпустилъ съ миромъ.

Когда къ 3 часамъ явились мы къ преосвященному, его не было дома: онъ отлучался для распоряженій въ храмѣ Спасителя, который Государемъ порученъ его надзору. Не прошло 5 минутъ, стукъ кареты возвѣстилъ его возвращеніе. Едва осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ предъ дверьми церкви своей, его радостный взоръ обратился на меня. Опять онъ повелъ въ молельную меня и Александру, сказавъ ей: «намъ съ тобой надо молиться и благодарить Господа, иди съ нами». Прочелъ благодарную молитву, и мы вошли въ гостиную, въ которой никого не было.—«Что, Саша-монахъ, наша родная-то матушка въ драгоцѣнномъ крестѣ! Ну, что скажешь?»—«Кушать готово,» сказалъ вошедшій слуга. Входимъ, столъ на три прибора и накрытъ по праздничному.—«Матушка, прошу покорно на мое мѣсто: вы виновница нашего праздника.» Я въ смущеніи откланиваюсь, отнѣкиваюсь, но владыка непреклоненъ: «непремѣнно, за послушаніе.» Нечего дѣлать, надо покоряться. Подаютъ блюда мнѣ первой; право, и аппетитъ пропалъ, смерть совѣстно, точно я была кукла нарядная. Преосвященный и Саша сѣли по сторонамъ. Обѣдъ отличный, все время владыка не спускалъ глазъ съ креста и наконецъ сказалъ: «радуюсь, что сдѣланъ со вкусомъ и прочно.» Въ концѣ обѣда Шампанское. «За здравіе нашей родной матушки,» сказалъ владыка. Мы обѣ прикоснулись губами къ бокалу. «Пей, Александра: вѣдь это нашъ праздникъ съ обителью; въ лицѣ твоемъ всю обитель поздравляю и привѣтствую съ ра-

достью.» При отъѣздѣ отозвалъ ее отъ меня и далъ 25 р. на гостинцы сестрамъ. «Я хочу, чтобы въ этотъ радостный день всѣ были утѣшены и ваша трапеза украшена десертомъ; дай особо схимницѣ и м. Евгеніи.»

Отблагодаривъ отъ глубины души добраго и любвеобильнаго святителя, отправились мы навѣстить сестру Кругликову и ей показать крестъ. Тамъ радость выражалась объятіями и распросами. На другой день рано утромъ поспѣшили отъѣздомъ въ обитель. У самыхъ вратъ монастыря увидѣла я тебя, чадо, и твой взоръ, твои горячія объятія и слезы безъ словъ высказали твое радостное чувство. Войдя въ ограду, увидѣла не только сестеръ, но и семьи причта и даже всѣхъ работниковъ, служащихъ при обители; въ келіи ожидали меня монахини и сестры клиросныя; едва переступила порогъ, раздался концертъ, приготовленный по этому случаю (достала его м. Филарета, не знаю гдѣ, разучила), и съ такой дѣтской любовію и восторгомъ онѣ пѣли, что невозможно было удержать слезъ, видя ихъ любовь и усердіе. Всѣ поздравляли, кто плакалъ, кто смѣялся отъ радости. Заставили меня надѣть крестъ, разсматривали, благодарили Бога и владыку. Сегодня 4-е Іюня угощеніе въ трапезѣ; приглашены причтъ и живущіе около обители, съ ними Любовь Васильевна, которая прибыла на лѣто въ свое жилище у сестры Варвары Семеновны.

Послѣ трапезы и молитвы о. діаконъ провозгласилъ многолѣтіе, и мои клиросныя опять воспѣли его! Всѣ благодарили съ такою непритворною радостію, что, кажется, самое холодное сердце не могло не быть тронуто. Странникамъ тоже былъ приготовленъ праздничный обѣдъ. Когда возвращались въ келію, устроены были столы въ нашемъ садикѣ и приготовленъ кофе для причта, гостей и нашихъ пѣвчихъ. Погода была чудная, и когда дѣти клиросныя запѣли: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ*, казалось, что вся природа пѣла вмѣстѣ съ ними; птички точно вторили имъ, и вѣтерокъ, шелестя въ вѣтвяхъ деревъ, нашептывалъ хвалу Создателю! Весь вечеръ проведенъ мирно и пріятно, всѣ веселы и радостны, и что̀ для меня было утѣшительно, одна изъ *дерзко просившихъ монашества* просила прощенья, сознавая свою вину.

Слава Богу! Милое чадо мое! Твоя любовь и усердіе устроили праздникъ для обители и утѣшеніе моему грѣшному сердцу. Да воздастъ тебѣ Господь Своею милостію и благодатью!

При празднованіи 50-лѣтняго юбилея обители, въ 1873 году 18-го Сентября, былъ награжденъ набедренникомъ младшій священникъ Смирновъ, а представленъ мною къ камилавкѣ старшій Левитскій; нынѣ онъ и получилъ 1874 года 14 Іюня, возвратился радостный и утѣшен-

ный до зѣла изъ Москвы, почти слезно благодарилъ меня, давая мнѣ понять, на сколько онъ тронутъ. Онъ хотя звѣздъ не исчиталъ, но добраго сердца человѣкъ.

Сего же 14 Іюня получила я письмо отъ преосвященнаго, изъ котораго ясно видно, что княгиня Анна Ивановна ускользаетъ изъ рукъ его; видно, что вліяніе его на ея душу исчезаетъ, а о насъ что и говорить? Всегда ласкова, мила, но душевнаго, глубокаго, сердечнаго ничего нѣтъ. Міръ и богатство держатъ въ когтяхъ ея добрую душу; а владыка скорбитъ о душѣ ея. Больная тревожная, стремится сама не знаетъ куда, совѣта не пріемлетъ. Чтожъ тутъ сдѣлаешь? Да хранитъ и управитъ ее Господь. Е. Обухова начинаетъ входить въ чувство любви уединенной жизни. Господь благословитъ... будетъ, кажется, доброе чадо обители. И Болотова Марья Михаиловна приходитъ въ разумъ. На дняхъ посѣтилъ обитель графъ Бобринской съ дѣтьми; былъ женатъ на одной изъ Шереметевыхъ, но она умерла, оставя трехъ сиротъ.

Того же года 20-го Іюля, въ праздникъ Св. Пророка Иліи, наканунѣ Воскресенья, совершалось всенощное бдѣніе; передъ шестопсалміемъ по обычаю погашены свѣчи предъ мѣстными иконами храма Живоначальной Троицы. Когда, предъ пѣснію *Хвалите имя Господне*, одна изъ молодыхъ церковницъ подошла зажигать свѣчу предъ иконой Покрова Б. Матери, едва взялась она за чашечку налѣпка, свѣча сама собою возгорѣлась. Послѣ я спросила у нея, замѣтила ли она, какъ загорѣлась свѣча; она не обратила вниманія. Эта сестра вообще еще не внимательна и разсѣянна (Олимпіада). Я сказала, что, вѣроятно, оставалась искра, и надо гасить осторожнѣе впередъ. Вообще не люблю обращать вниманія юныхъ на сверхестественное: онѣ впадаютъ въ суевѣріе и уже во всякой бездѣлицѣ ищутъ чудеснаго. Но я сама видѣла. Не знаю, замѣтилъ ли кто еще изъ присутствующихъ, и Богъ вѣсть, что причинило и что означало внезапное возгорѣніе. Какъ искрѣ таиться въ фитилѣ все время чтенія шестопсалмія и двухъ каѳисмъ и загорѣться безъ приближенія огня, отъ одного легкаго движенія при прикосновеніи къ налѣпку руки? Такъ какъ всегда и во всемъ покровъ Владычицы осѣняетъ насъ всѣхъ грѣшныхъ: можетъ быть, Она и этимъ хотѣла явить Свою милость; можетъ быть, кто изъ праведныхъ уже отшедшихъ отъ насъ пребывалъ съ нами и симъ явилъ свое присутствіе. Богъ вѣсть!

Того же 1874 г. къ 17 Іюля, по обычаю, преосвященный Леонидъ прибылъ въ Саввинъ монастырь къ ихъ празднику, но къ 20 долженъ былъ возвратиться для крестнаго хода въ Москву, потому что некому изъ архіереевъ было замѣнить его. Мы теряли надежду видѣть его

24-го Іюля въ праздникъ нашей обители Св. Бориса и Глѣба; но любвеобильной святитель не захотѣлъ оскорбить *малое стадо*, любящее его сердечно и нелицемѣрно. Наканунѣ, послѣ нѣкотораго колебанія о своемъ отъѣздѣ изъ Москвы, рѣшился ѣхать, и въ 6-мъ часу пополудни срѣтили мы его у св. вратъ монастырскихъ. Потомъ обѣдалъ у Любовь Васильевны, отдохнулъ, и уже въ 8½ час. началось всенощное бдѣніе, наутріе литургія, ходъ около ограды, потомъ кушалъ въ трапезѣ вкупѣ съ нами, съ причтомъ и посѣтителями. Вечеромъ посѣтилъ сестеръ Озеровыхъ. Закуска у меня въ кельѣ, и наконецъ въ первый разъ экзаменъ юнымъ сестрамъ обители. Отвѣчали удовлетворительно изъ Новой Скрижали: о богослуженіяхъ, о монашеской одеждѣ, о значеніи и раздѣленіи храма, о панагіи, еще заученную древнюю лѣтопись о убіеніи Св. Благов. Кн. Бориса и Глѣба. Владыка остался доволенъ, замѣтилъ, что осмысленно отвѣчаютъ, и далъ на память всѣмъ экзаменованнымъ дѣвчатамъ по подмоточкѣ, которыя дѣлаются у насъ же въ монастырѣ для продажи. Дѣти наши были въ восхищеніи. Учитъ ихъ Елисавета Обухова. Владыка премудро поступилъ, ничѣмъ не отличивъ ея отъ прочихъ: это сдержитъ ея самолюбіе и самомнѣніе. О, жалкое, барское, избалованное, горделивое, напыщенное воспитаніе! Какъ портитъ оно самую душу! Но я не безъ надежды; толчки неминуемые переработаютъ и, можетъ быть, будетъ настоящимъ человѣкомъ. Призовемъ въ помощь Господа и возмемъ терпѣніе, имъ все превозмогается; мы съ тобой, чадо, на себѣ не разъ сіе испытывали. Владыка благословилъ, отъѣзжая, мнѣ книгу *Толкованіе на псалмы* для помощи при обученіи сестеръ; зашелъ къ схимницѣ Аннѣ, ко мнѣ въ келью, къ тебѣ, чадо, потомъ въ церковь, всѣхъ благодарилъ, всѣхъ благословилъ, простился и поѣхалъ въ Москву, обѣщаясь къ 1-му Августу возвратиться въ Саввинъ монастырь на весь Успенскій постъ. Мнѣ не велѣлъ ѣздить въ Москву благодарить за посѣщеніе, а «увидимся въ Саввинѣ на свободѣ», сказалъ привѣтливо святитель.

Того же года въ Успенскій постъ мы говѣли. Нашъ преподобный старецъ отецъ-духовникъ Илія пробылъ по обычаю слишкомъ недѣлю; бесѣдуя о необходимости отсѣкать всякаго рода пристрастія, дабы избѣжать отвѣта предъ Богомъ за удовлетвореніе страстямъ своимъ, разсказалъ о себѣ слѣдующее. «Когда я жилъ еще въ міру, былъ молодъ, постоянно страдалъ кровотеченіемъ изъ ноги; врачъ посовѣтовалъ мнѣ нюхать табакъ, и точно кровь унялась; но я такъ привыкъ къ табаку и такое возымѣлъ къ нему пристрастіе, что не такъ какъ лѣкарство употреблялъ, но не могъ обойтись безъ него самое краткое время. Когда поступилъ въ Площанскую пустынь и предалъ себя старцу въ руководство (который и доселѣ живъ, и я веду съ нимъ духовную

переписку), то онъ совѣтовалъ оставить табакъ, какъ пристрастіе неприличное и даже грѣховное въ монастырѣ, толкуя мнѣ, что каждый членъ, служившій пристрастію, будетъ осужденъ; что Господь все прощаетъ, Его милосердіе покрываетъ всякой покаянный грѣхъ, когда онъ не повторяется, а такъ какъ въ нюханьѣ табаку нѣтъ и раскаянія, ибо не почитаютъ это пристрастіе за грѣхъ, то оно остается непрощенно и, что ежели я буду продолжать, то будетъ осуждено мое обоняніе на ощущеніе вѣчнаго зловонія; прочіе грѣхи, какъ покаянные, простятся, а носъ понесетъ осужденіе. Слова не помогали, старецъ отучалъ, унося мою табакерку, я же въ бумажкѣ носилъ табакъ; наконецъ, за слово его, началъ бросать, но не могъ воздержать себя и опять начиналъ нюхать. Видя свою немощь, усердно и постоянно молился Владычицѣ, чтобы Она открыла мнѣ тайну словъ старца и отняла бы отъ меня грѣховное пристрастіе. По разнымъ обстоятельствамъ я долженъ былъ оставить Площанскую пустынь и перешелъ въ скитъ Саввы Сторожевскаго въ самомъ началѣ его устроенія. Продолжалъ молиться Владычицѣ и бороться со своею страстію, и вотъ однажды, подойдя къ своему искушенію, т.-е. къ табаку, ощутилъ отъ него такое нестерпимое зловоніе, котораго подобнаго нѣтъ на землѣ, такъ что нѣсколько дней сряду оно меня преслѣдовало. Тогда-то я понялъ, что̀ говорилъ мнѣ старецъ; понялъ, что Владычица услышала молитву мою, и бросилъ табакъ совершенно. Кровь снова появилась, но я небрегу о семъ: это кровотеченіе хотя докучно и непріятно, но облегчаетъ голову и зрѣніе; лучше его потерпѣть, чѣмъ въ будущемъ ощущать вѣчное зловоніе за грѣховное пристрастіе». Вотъ намъ примѣръ, какъ очищеніе души должно идти впереди всего. Жизнь старца не сократилась: ему 80 лѣтъ, здоровье не пострадало.

1874 года въ Августѣ мѣсяцѣ рѣшилась я посѣтить игуменью Коломенскаго Брусенскаго Успенскаго дѣвичья монастыря Ангелину, бывшую Гликерію, дочь моей старушки-няни, товарища моего перваго дѣтства. Она поступила въ В.-Г. Аносинъ монастырь вскорѣ послѣ его открытія, постоянно была келейной у матушки Евгеніи, воспиталась духовно подъ ея руководствомъ и впослѣдствіи перешла съ монахинею Олимпіадой въ Коломенскій монастырь, куда сію послѣднюю назначилъ настоятельницей митрополитъ Филаретъ. Жизнь игуменіи Олимпіады описана подробно въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и, кажется, думаютъ издать ее особою книжкой. Мнѣ хотѣлось отъ м. Ангелины узнать подробности о внутренней жизни незабвенной нашей матушки Евгеніи. Но м. Ангелина ни писемъ, ни документовъ никакихъ не имѣетъ; любитъ, чтитъ память своей матери духовной и благодѣтельницы; но память уже измѣняетъ, и потому многаго не могла она мнѣ передать.

Нынѣшняя поѣздка въ Москву и въ Коломну была мнѣ пріятна, и потому хочу подробно записать ее.

Въ Субботу, 17-го Августа, выѣхала я послѣ ранней обѣдни, по обычаю при прощаньѣ сопровождаемая за св. врата толпою монастырскихъ сестеръ. Иногда мнѣ и надоѣдаютъ эти прощанья, но въ душѣ всегда ощущаю благодарность къ Богу и къ моимъ *монашечкамъ* за ихъ любовь и усердіе. Пріѣхали въ Новую Слободу, въ пустую квартиру сестеръ Озеровыхъ, благополучно. На другой день, въ Воскресенье, отправились на Саввинское подворье; во время обѣдни прибылъ какой-то генералъ, военный, въ густыхъ эполетахъ, во многихъ орденахъ, и намъ всѣмъ объявили, что владыка никого принять не можетъ. Однако мы дождались конца литургіи, чтобы принять благословеніе, и преосвященный, увидя меня, съ привѣтомъ сказалъ: *милости просимъ*, тоже самое семейству Ломовыхъ, своимъ родственникамъ и Натальѣ Ивановнѣ Толстой, которая съ внучкомъ пришла принять благословеніе на помѣщеніе мальчика въ Катковскій лицей. Я первая вошла въ гостиную. Владыка, обратясь къ сидѣвшему уже съ нимъ генералу, говоритъ: «Рекомендую вамъ, ваше высокопревосходительство, игуменью Аносина монастыря, о которой часто вамъ говорилъ; это моя матушка-настоятельница». Генералъ сказалъ какое-то привѣтствіе, я въ смущеніи что-то несвязное проворчала, и меня посадили на диванъ между преосвященнымъ и генераломъ. Подали чай; я сидѣла, какъ кукла, безмолвная; между ними шелъ разговоръ о дѣлахъ государственныхъ и вообще серьезный, не по моему уму-разуму. Наконецъ, когда всѣ разошлись, владыка спросилъ: «Знаете ли вы, кому я васъ представлялъ?»—«Понятія не имѣю, св. владыко».—«Это бывшій министръ Зеленой. Сначала мы служили вмѣстѣ. Честный, правдивый слуга отечества и царя; онъ боленъ, большею частью живетъ за границей, лѣчится».—«Владыка, къ чему вы такъ меня отрекомендовали? Я отъ смущенія едва не закричала».—«Что̀ это, мать моя, развѣ мы въ лѣсу?» А самъ въ удовольствіи, что возвеличилъ меня предъ членомъ Государственнаго Совѣта. Милость и расположеніе владыки достойно я цѣнить не умѣю. А самолюбію-то какая пища! О, какъ надо всегда быть на стражѣ своихъ ощущеній; тщеславіе такъ и готово вкрасться въ душу и въ сердце. На другой день съ Сашей-монахомъ, всегдашней моею сопутницей, обѣдали въ Петровскомъ-Разумовскомъ у владыки, гдѣ онъ проводитъ лѣто. Гуляли вмѣстѣ съ нимъ въ саду, видѣлись съ сестрицами его, провели вмѣстѣ пріятно часть вечера, и я испросила дозволеніе ѣхать въ Коломну.

На другой день, въ 11 часовъ утра, мы покатили по Рязанской желѣзной дорогѣ, и къ 3-мъ часамъ были у воротъ дѣвичьей Успен-

ской Брусенской обители. Стоитъ она около древней зубчатой городской стѣны, которая и составляетъ часть ея ограды; монастырь штатный, но имѣетъ общую трапезу, хуторà съ хлѣбопашествомъ, огородами и скотоводствомъ, для содержанія оной. Кажется, можно бы устроить общежитіе, но м. игуменья больна, глуха и стара: трудно взяться ей за преобразованіе. У нихъ три общихъ монастырскихъ корпуса, прочія кельи принадлежатъ своимъ владѣльцамъ. Церковь выстроена игуменьею Олимпіадой, хороша, просторна, содержится чисто; но есть что-то такое, чтò не представляетъ обители, а точно приходскій храмъ. Служба идетъ довольно хорошо, пѣніе манерное, но неизящное, вообще нѣтъ строя монастырскаго и вкуса въ обстановкѣ. Монастырь тѣсный и некрасивый. Особенныхъ занятій нѣтъ, только нѣсколько сестеръ ходятъ въ больницы, для хожденія по очереди за больными, и за это получаютъ онъ монастыря плату по 2 р. въ мѣсяцъ; пища посылается имъ изъ монастыря. Земское управленіе очень ими довольно. Игуменья встрѣтила насъ съ радостью и любовью; свидѣлись, какъ старые друзья, завязалась бесѣда живая и сердечная; она съ утѣшеніемъ припоминала свое дѣтство, свою жизнь съ матушкою Евгеніей. Постараюсь, для памяти и назиданія всѣмъ намъ, записать.

1) При открытіи еще общежитія матушкѣ Евгеніи была рекомендована ея хорошею знакомою, г-жею Неклюдовой, проживавшая въ Александровскомъ монастырѣ Матрена Ивановна, впослѣдствіи при постриженіи наименованная Серафимой; она ее вызвала къ себѣ въ обитель, вручила надзоръ, сдѣлала смотрительницею. Матрена Ивановна вошла въ должность, положила начало монашескому устроенію, ввела келейное правило, порядокъ въ богослуженіи, обучила уставу, обряду въ трапезѣ, и вообще держала чинъ монастырскій. Когда матушка вошла въ общежитіе, та покорялась ей безусловно, исполняла возлагаемыя послушанія. Впослѣдствіи, когда матушка была поставлена игуменьей и утвержденъ монастырь, произошли непріятности, сплетни, и Серафима переведена въ Вознесенскій монастырь, гдѣ и умерла. Игуменья Ангелина чтила ее за строгость и монашеское направленіе.

2) Матушка Евгенія несла безчисленныя скорби, сколько отъ болѣзненнаго состоянія, столько отъ совершеннаго одиночества и удаленія людей, ей близкихъ по сердцу: не съ кѣмъ было сказать слова отъ души. М. Анастасія, казначея монастыря, не понимала ея, избѣгала всякаго серьезнаго и дѣльнаго разговора; юная Гликерія была ея единственная собесѣдница, читала по вечерамъ Св. Писаніе, часто Добротолюбіе. При семъ матушка ей говорила слово на пользу душевную: «*Будешь старше, послѣ меня можешь найти мое слово и мысль въ моихъ запискахъ*». Онѣ хранились въ письменномъ столѣ; тутъ и пере-

писка съ разными духовными лицами. Но по кончинѣ матушки все утратилось. М. Анастасія, преемница ея, говорила, что все переслано къ Озеровымъ, а что̀ съ записками произошло въ самомъ дѣлѣ—неизвѣстно; дѣло въ томъ, что ни у Озеровыхъ, ни въ обители нигдѣ ничего нѣтъ, кромѣ одной церковной книги, писанной рукою матушки и которая нынѣ хранится въ ризницѣ. Часто Гликерія, сидя на стулѣ при болѣзненномъ одрѣ игуменьи Евгеніи и читая ей, пока та забудется тонкимъ сномъ, сама засыпала крѣпко, падала со стула, роняла книгу и этимъ стукомъ будила забывшуюся страдалицу. За небрежность ставили Гликерію на поклоны, потомъ наставляли, наконецъ прощали, а ночь уже проходила безъ сна. Но наказанія и увѣщанія были переполнены материнской любви и желанія душевнаго исправленія, не досаду и нетерпѣніе возбуждали, а только усугубляли любовь въ сердцѣ юной Гликеріи. Она взяла предосторожность и вмѣсто стула устраивалась на скамеечкѣ подлѣ кровати; когда и случалось задремать и свалиться, то обходилось безъ стуку.

3) Камилавки безъ бахромокъ произошли отъ того, что матушка Евгенія сильно страдала головными болями и для облегченія по камилавкѣ крѣпко стягивала голову сложеннымъ узко платкомъ; бахрома нагнетала виски, а безъ повязки матушка не могла обойтись. Монахиня Серафима 2-я, всегда догадливая и смѣтливая, чтобы успокоить матушку, сшила себѣ камилавку безъ бахромы, сказавъ, что это пустынный древній покрой; матушкѣ очень полюбилась простота покроя, и она приказала себѣ сшить такую же: виски ей не тѣснило, и бахромы отмѣнены. Сестры поворчали, но скоро привыкли, и камилавки безъ бахромы остались навсегда.

4) Въ послѣдній день жизни игуменьи Евгеніи пришли двѣ странницы, Донская казачка и Русская, просились принять ихъ въ обитель. Казначея Анастасія имъ отказала. Гликерія (нынѣ игуменья Ангелина) сказала матушкѣ о скорби и слезахъ просившихся. Она приказала призвать ихъ, обличила Донскую монахиню Олимпіаду, что она говоритъ неправду, называя себя крестьянкою и Русской, тогда какъ она съ Дону. *Ложь всегда вредна и гнѣвна, не употребляй ея.* Приняла обѣихъ, но сказала: *Товарка твоя жить здѣсь не будетъ,* а объ Олимпіадѣ сказала: *Это послѣдній мой пріемъ. Вы будете помнить, кого я приняла; ты, Гликерія, всѣхъ моложе, держи это въ памяти.* Олимпіада потомъ была игуменьей Брусенскаго монастыря, Гликерія (Ангелина) перешла съ ней изъ Аносина, была казначеей и нынѣ, по прошенію всѣхъ сестеръ обители, утверждена игуменьей.

5) Матушка Евгенія стѣсняла себя и лишалась всякаго тѣлеснаго покоя и утѣшенія. Постель ея состояла изъ войлока на доскѣ и ко-

жаной подушки. Мебель: деревянныя, самыя простыя кресла и табуретъ, обитые затрапезомъ. Одежда: манатейнаго толстаго сукна ряса и крашенинный подрясникъ. Бѣлье: двѣ суровыя власяницы, другой перемѣны она не имѣла; въ баню не ходила; когда опрятывали ее по кончинѣ, то это были однѣ изсохшія кости, покрытыя землей, а лицо усопшей сіяло радостью небесной. Кончину свою предузнала. Это описано въ лѣтописи монастырской. Много мы говорили съ игуменьею Олимпіадой о ея подвигахъ, о ея теплой и слезной молитвѣ, о ея твердой вѣрѣ. Нравъ она имѣла пылкій и горячій, но доброта сердца и раскаяніе заглаживали запальчивость нрава. Много понесла трудовъ и клеветы, часто имѣла удивительные сны или, скорѣе, извѣщенія. Запись о всемъ должна быть сохранна въ монастырѣ.

Ходили смотрѣть тотъ храмъ и домъ, гдѣ митрополитъ Филаретъ молился и воспитался отъ 7 до 17 лѣтъ. Встрѣтилъ насъ священникъ храма Живоначальной Троицы. Онъ принятъ въ домъ къ родственницѣ покойнаго святителя. Встрѣтилъ радушно и подробно все показывалъ и объяснялъ. Средній срубъ дома тотъ же; видѣли стѣну, ничѣмъ не залѣпленную и нетронутую еще того времени, кругомъ же сдѣланы пристройки. Покойный владыка, когда я строила домъ для причта и подала ему планъ съ особо пристроенною къ помѣщенію кухней, сказалъ: «Зачѣмъ? Это лишнее; я разскажу тебѣ, какъ мы жили еще въ семьѣ. Когда дѣдушка готовился къ служенію и долженъ былъ читать правило, то, бывало, скажетъ: «*Дѣти, на печку!*» И мы тамъ притаимся до окончанія его молитвы. Такъ пусть и теперь дѣлаютъ. Видѣла комнатку, гдѣ была эта кухня, нынѣ обращена въ переднюю, ибо черезъ нее ходъ въ чистые покои. Ходили на тотъ ручей въ оврагѣ, гдѣ ребенкомъ Васей набиралъ онъ востренькіе камешки и носилъ ихъ въ карманѣ, чтобы ими бить горшки у монахинь Успенскаго монастыря. Доселѣ тамъ въ памяти, что одна изъ монахинь была въ содружествѣ съ матушкою владыки, которая посылала его съ какою-либо домашнею стряпней къ старицѣ-монахинѣ, а онъ, приходя, получалъ за то гостинцы, собранные у всѣхъ старицею для ея милаго Васи. Онъ изъ шалости камешками билъ сушившіеся на колышкахъ горшечки и убѣгалъ домой послѣ проказъ своихъ; сосѣдка, другая монахиня, его бранила и гоняла. Когда уже былъ святителемъ и первостоятелемъ церкви Московской, то назначилъ старицѣ за убытки, что̀ ей творилъ малюткой, по смерть ея ежемѣсячную пенсію 25 р. ас. Видѣли мы храмъ, при которомъ служили іереями дѣдъ и отецъ м. Филарета, нынѣ въ томъ же видѣ обновленный усердіемъ гражданъ Коломны, къ юбилею владыки. Священникъ онаго разсказывалъ, что предъ иконостасомъ находилась спускная лампада (нынѣ запрещаютъ ихъ устраивать, опаса-

ясь паденія), которую, какъ всегда, при окончаніи службы поднимали шнуркомъ выше, чѣмъ во время служенія. Малютка Василій, уставъ отъ службы и видя, что спускъ уже подняли, говорилъ матушкѣ своей: «*скоро кончатъ, молитва къ Богу улетѣла*». Мнѣ обѣщали сдѣлать фотографію этого домика.

Посѣтили Ново-Голутвинъ общежительный монастырь, были у архимандрита Сергія, который принялъ насъ съ радушіемъ и любовію, все показывалъ. Монастырь до него поставленъ былъ штатный, опущенный, безобразный; теперь учредилось общежитіе, обитель обновляется, явились благодѣтели, изъ 16 человѣкъ теперь болѣе 50, служба продолжительная, церкви очищенныя, трапеза, келіи, ризница устроены на монастырѣ, садъ плодовитый и много цвѣтовъ.

Наконецъ, пробывъ двое сутокъ, простились съ м. игуменьей Ангелиной. Благодарила я ее отъ сердца за ея любвеобильный пріемъ; она съ казначеей своей проводила насъ до вокзала желѣзной дороги. Едва ли свидимся еще съ нею; она никуда уже не выѣзжаетъ.

Возвратилась въ Москву 23-го числа. 24-го обѣдали въ Петровскомъ-Разумовскомъ у преосвященнаго. Онъ съ обычною любовію и милостію передавалъ, что встрѣчалъ Царя, что митрополитъ не могъ сего исполнить по нездоровью и писалъ къ Государю письмо, на которое получилъ манифестъ весьма милостивый. Потомъ было открытіе новаго заведенія для дворянъ, обучающихся въ Московскихъ гимназіяхъ и не имѣющихъ родителей или родныхъ, а живущихъ по квартирамъ. Сословіе дворянское для наблюденія за ихъ правильнымъ воспитаніемъ учредило особое заведеніе и дано всѣмъ помѣщеніе и надзоръ, во исполненіе возложенной на сословіе дворянъ обязанности Государемъ Императоромъ слѣдить за нравственнымъ воспитаніемъ юношества. Преосвященный служилъ молебенъ и произнесъ рѣчь. Государь былъ тронутъ, подалъ руку преосвященному и благодарилъ его.

Какъ мнѣ пріятно, что поднесенная мною панагія покойнаго митр. Филарета съ преосвященнымъ вездѣ: онъ цѣнитъ это сокровище. Пробывъ до 6 часа вечера у владыки, въ Разумовскомъ, я взяла письмо къ его сестрицѣ Е. В. Ушаковой и отправилась въ Алексѣевскій монастырь. Чтобы сохранить миръ и приличіе безъ *пачпорта*, т.-е. безъ письма, нельзя туда являться. Говорила съ Екатериной Васильевной, что̀ Господь внушилъ. Она доброе имѣетъ желаніе, но понятія о духовномъ направленіи никакого; жаждетъ бесѣды, но умомъ и сердцемъ принять слова не можетъ, потому, мнѣ кажется, что не ощущаетъ потребности оставить *все* и идти за Христомъ Господомъ; міръ одержитъ въ своей сѣти еще умъ ея и сердце. Она бережетъ свое уединеніе, но не входитъ во внутреннюю жизнь монашескую и едва ли

монахиней когда быть можетъ. Въ разговорѣ передала она мнѣ слишкомъ лестное моему самолюбію слово преосвященнаго. Она просила у него какую-то книгу, чтобы научиться жить. Онъ отвѣчалъ ей: *ежели бы ты короче была знакома съ м. и. Евгеніей, она тебѣ и безъ книги бы все разсказала.* Боюсь, боюсь мысленнаго фарисея: какъ разъ сотворитъ жилище въ моемъ грѣшномъ сердцѣ. И рукодѣльями всѣ восхищаются; и тутъ пріятно самолюбію, что идетъ успѣшно. Вотъ какъ свято и праведно слово Св. Іоанна Лѣствичника, что тщеславіе словно ёжъ: какъ его ни брось, онъ все ляжетъ спицами кверху. Прошла къ игуменіи Антоніи; та на дачѣ въ своей же обители. Ея новый домикъ чудо какъ милъ, но не для монаха; истинно, это дача! Господи, прости мнѣ грѣшной, не по духу мнѣ ея обстановка.

Была въ Москвѣ у Никитской игуменіи Флоры. Бѣдная старуха ослѣпла, была мнѣ до нельзя рада.

Безъ меня прибыла въ обитель къ намъ монахиня Горицкаго монастыря Арсенія, родная сестра о. архимандрита Пимена, безъ церемоніи объявила, что прибыла вмѣсто о. благочиннаго; приняли ее со всѣмъ радушіемъ, все осматривала до малѣйшихъ подробностей, была очень довольна; ее на нашихъ лошадяхъ доставили до Воскресенска. Благодарю тебя, чадо мое дорогое, что могу отлучиться спокойно,зная, что ты употребишь все стараніе для соблюденія порядка и благоустроенія въ обители.

Княгиня А. И. Гагарина, не смотря ни на чьи совѣты и представленія, ѣдетъ за границу лѣчиться. Сношенія со владыкой, кажется, оставлены, ни въ чемъ совѣта его не ищетъ, о другихъ и толковать нечего. А добрая душа! Все портитъ богатство; нѣтъ препонъ къ исполненію всякаго своего желанія, человѣкъ и вертится въ вихрѣ своихъ помышленій. Бѣдная, жаль ея!

1874 г. въ Сентябрѣ поступила въ обитель Софья Смирнова изъ дворянъ, дочь Над. Мих. Смирновой, проживавшей около обители на гостиницѣ болѣе 20 лѣтъ. Софья проходила должность гувернантки въ домахъ, имѣетъ отличный атестатъ изъ Николаевскаго Института, послѣдніе три года жила у доктора, занималась въ деревнѣ больницей, имѣетъ свѣдѣнія о медицинѣ по практикѣ и чтенію. У насъ водворилась въ должность аптекарши и смотрительницы при нашей монастырской больницѣ. Господи, благослови ея начало!

1874 г. 15 Октября обновленъ въ Воскресенскѣ храмъ Новаго Іерусалима, основанный патріархомъ Никономъ при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ. Обновленъ главный престолъ въ честь Воскресенія Христова, великолѣпно, усердіемъ П. Г. Цурикова. Совершалось малое освященіе (ибо св. престола не трогали) митрополитомъ Иннокентіемъ, преосвященнымъ Леонидомъ, протопресвитеромъ Успенскаго собора

Новскимъ, архим. обители Леонидомъ, архимандритомъ Саввина Сторожевскаго монаст. Галактіономъ и протоіереемъ Веніаминовымъ, сыномъ высокопр. Иннокентія. На другой день освященія, по приказанію пр. Леонида, я представлялась митрополиту, просила къ себѣ въ обитель, но конечно онъ не поѣхалъ по старости и слѣпотѣ. Въ покояхъ митрополита встрѣтилъ меня нашъ владыка; онъ боялся, что опоздаю и не воздамъ должной чести митрополиту. Онъ боялся, чтобы чѣмъ-нибудь Аносинъ монастырь не уронилъ себя! Всѣ дѣйствовавшіе при обновленіи храма обѣдали у П. Г. Цурикова и отъ него всѣ въ Москву, кромѣ пр. Леонида, который возвратился въ свой возлюбленный Саввинъ монастырь до 22-го числа. Ѣду прощаться съ нимъ.

19 Сент. приняла благословеніе отъ добраго и милостиваго пр. Леонида и, возвратясь въ обитель, нашла Коломенскую казначею м. Ювеналію, которая исполнила желаніе мое и привезла видъ домика въ г. Коломнѣ, гдѣ митрополитъ Филаретъ провелъ дни юности своей.

Въ бытность мою въ Саввинѣ много толковали объ Елисаветѣ Обуховой. 18-го Сент. были всѣ ея родные. Послѣ свиданія съ ними, такъ какъ годъ испытанія ея оконченъ, я спросила о ея намѣреніяхъ и рѣшеніи, чтобы доложить преосвященному. Она объявила мнѣ и просила передать владыкѣ, что она къ нашей обители никогда расположенія не имѣла и никогда входить въ нее не желала, но сдѣлала это за послушаніе, усматривая въ словѣ владыки волю Божію; что ей очень трудно, но что она еще попробуетъ и потомъ скажетъ добросовѣстно, можетъ ли остаться у насъ навсегда, что въ міръ она не возвратится ни за что, а ежели уже нельзя говорить съ владыкой, то по его отъѣздѣ изъ Саввина желаетъ посовѣтоваться съ о. духовникомъ. Я слово въ слово передала владыкѣ. Онъ былъ удивленъ, никакъ не ожидалъ такого исхода и приказалъ сказать: «Ежели Елисавета думаетъ идти обратно въ міръ, или къ Валеріи перейти въ Страстной монастырь или въ какой-либо Московскій, то должна знать, что это будетъ ея погибель, что дверь моя будетъ затворена навсегда *бѣлянкѣ-монашенкѣ* и ея роднымъ, что срамно будетъ принимать ихъ послѣ всей возни съ ними для устройства Елисаветы. А не угодно ли ей въ Зосимову или въ Бородино?»

Того же года 2-го Ноября былъ оконченъ судъ надъ игуменьей Серпуховскаго монастыря Митрофаніей, приговорена на 14 лѣтъ къ поселенію въ Сибири. Она, говорятъ, подала на аппеляцію въ Сенатъ (по нынѣшнему, не помню, какъ называютъ). Дѣло ужасное, неслыханное въ монашествѣ. Вотъ до чего доводитъ тщеславіе, неудержанное въ первыхъ порывахъ. Господи, сохрани каждаго человѣка!

Того же года сестры Озеровы, согласясь съ другими сестрами, продали домъ родительскій, что̀ въ приходѣ у Св. Власія; въ немъ всѣ мы возросли, всѣ воспитались, въ немъ видѣли всѣ семейныя радости и скорби. Грустно, когда все былое уничтожается; а то пріятно, что купили домъ сыновья сестры Александры Семеновны Глѣбовой, добрые, честные, дѣльные молодые люди, каждый въ своемъ родѣ. Проданъ домъ за 25.000 р. сер. Предварительно было много хлопотъ по этому дѣлу, собирали тщательно всѣ доказательства, что я не имѣю права участвовать въ этомъ капиталѣ. Когда все было окончено, добрые друзья Кругликовы, всегда честные и деликатные, удивили и тронули меня своимъ родственнымъ вниманіемъ и участіемъ, прославъ изъ своей части, состоящей, за издержками по дѣлу, изъ 4.874 р.—829 р. с. на мою долю, деликатно выражаясь, что «эту малую сумму, нашъ почтенный и добрый другъ, ты не откажешь принять для твоей небогатой обители». Спаси ихъ Господи не за деньги, но за ихъ дружбу, любовь, память и вниманіе ко мнѣ грѣшной!

Того же года, въ началѣ Октября, посѣтилъ обитель графъ Шереметевъ съ женой и своячиницей, остались подъ самымъ пріятнымъ впечатлѣніемъ отъ обители. Много купили маленькихъ работъ и заказали нѣсколько иконъ. Дай Богъ, чтобы гдѣ-нибудь и что-нибудь дѣлало доброе впечатлѣніе на мірянъ. Монашество падаетъ, а процессъ Митрофаніи вовсе очернилъ его. Стало быть, гдѣ можно, надо полагать всѣ силы, даже и внѣшне, поддержать его, а внутри вооружиться молитвой па врага, ищущаго непрестанно вредить церкви Христовой и ниспровергать все доброе и высокое.

Того же года 11-го Ноября была я удивлена письмомъ сестеръ Озеровыхъ, которыя, тоже соединя свои двѣ части изъ проданнаго дома, отдѣлили слѣдующую мнѣ, не по праву. Не знаю, какъ рѣшить преосвященный употребленіе этихъ денегъ.

Милый другъ мой и чадо мое доброе, чѣмъ болѣе живется на свѣтѣ, тѣмъ болѣе должно вникать въ великій промыслъ Божій. Говорятъ люди нынѣшнихъ понятій: нѣтъ чудесъ на свѣтѣ. А ежели мы будемъ внимательны, то они являются почти непрестанно. Развѣ не чудо сила молитвы? Мы съ тобой все время раздумывали и тужили, что трудно выпутываемся изъ долговъ, стали замѣчать, что усердіе нашего благодѣтеля уже не такъ горячо; просить мы съ тобой не умѣемъ, о чемъ никогда не сожалѣю, а напротивъ радуюсь, ибо ханжить и Господу и людямъ противно. Молиться мы съ тобой лѣнивы, особенно азъ грѣшная вся въ нерадѣніи, сіе видитъ Господь. Вотъ мы и повадились съ тобой навязывать молитвенный подвигъ на людей. Ну, мать схимница, какъ хочешь молись: намъ нужно по крайней мѣрѣ 250 р.

для расплаты. Она, простодушная, какъ младенецъ, принимаетъ порученіе, молится за послушаніе, и черезъ нѣсколько времени устраивается продажа дома Озеровыхъ; неожиданно онѣ располагаются выдать мнѣ должную шестую часть, хотя уже не по закону, ибо я монахиня и права не имѣю, но по доброму чувству любви и гласу совѣсти, и вмѣсто 250 р. с. получаемъ 2.500 р. Разумѣется, наши интересы связаны крѣпко съ обителью; неужели намъ дѣлиться съ ней? Вотъ, чадо, развѣ не чудо? Господь даетъ ощущать нужду, затрудненія, но всегда скоръ на помощь! Ежели при лѣности моей и Его милость такъ щедро изливается на насъ и хранитъ насъ, что̀ было бы, ежели бы жизнь текла по примѣру подвижниковъ и праведныхъ, о которыхъ не только читала, но коихъ столько видала я и пользовалась любовію и назиданіемъ!

Того же года 25-го Ноября была у преосв. Леонида, совѣтовалась съ нимъ объ употребленіи полученныхъ денегъ и рѣшили такъ: 1.000 р. с. на кирпичъ для столбовъ, 600 р. с. на оборотъ во время расплатъ необходимыхъ, когда нѣтъ средствъ въ обители. Обѣ суммы не вписывать въ приходо-расходную книгу, чтобы не увеличивать прихода; а такъ какъ это моя собственность, то я могу ихъ употребить куда и какъ желаю. Росписки на все существуютъ и хранятся у тебя, а остальные 900 р. раздѣляю между васъ четверыхъ, какъ неимущихъ и мнѣ ближайшихъ по любви и усердію ко мнѣ грѣшной. О тебѣ не говорю: ты первенецъ мой, твоего труда и скорби было болѣе всѣхъ. А той, которой достанется поменьше, та имѣетъ свои деньжонки; но не хочу оскорбить лишеніемъ. Пакетъ съ билетами запечатанъ монастырской печатью и отданъ Софьѣ Африкановнѣ Смирновой на сохраненіе, въ случаѣ моей смерти. Ты ей отдашь ея росписку въ полученіи пакета, а она представитъ тебѣ большой пакетъ съ пакетами на имя каждой запечатанными.

Кончаю сію тетрадь. Вторая начнется письмами матери моей ко мнѣ въ разныя времена; они могутъ быть полезными каждому своимъ чистымъ, нравственно-христіанскимъ направленіемъ.

Отецъ Софьи Смирновой служилъ съ моимъ отцомъ въ Межевомъ комитетѣ, а мать вдова 20 лѣтъ живетъ на гостиницѣ около монастыря. Софью знаемъ съ юныхъ лѣтъ. Владыка разрѣшилъ и ее и Обухову одѣть въ монашеское платье. Пакетъ съ деньгами взятъ впослѣдствіи у дѣвицы Смирновой и находится у насъ въ Страстномъ монастырѣ, вовсе нынѣ переданъ въ собственность монахинѣ Евгеніи Виноградовой, чаду моему. 1877 года. Игуменья Евгенія.